

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ
АВГУСТ N4(166)

МОСКВА 2026

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2026. № 4 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; к.э.н. Н.П. Недзвецкая;
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов, И.Г. Морозов,
Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, М.Ю. Павлов, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2026

Содержание

Ломка (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Ю.М. Осипову — 85	
<i>Л.А. Тутов</i> Юрий Михайлович Осипов и судьба философии хозяйства: к 85-летию мыслителя	11
<i>Н.Б. Шулевский</i> России в творчестве Ю.М. Осипова	17
<i>И.П. Смирнов</i> Мир идей Ю.М. Осипова.....	28
<i>В.Е. Гаврилова</i> Сущность и функции действительных денег в трудах и размышлениях Ю.М. Осипова	35
<i>А.А. Погребняк</i> Мыслить иначе — мыслить Иное — быть Иным (к 85-летию Ю.М. Осипова).....	42
<i>С.С. Мерзляков</i> Власть, культура, экономика и человек — сложные вопросы философии хозяйства	49
<i>И.Г. Шевченко</i> Мир в мире	53
Раздел II. Философия хозяйства	
<i>С.Г. Ковалев</i> Созидательный воспроизводствогенез России в условиях цифровых платформ	59
<i>Д.С. Ушаков</i> Антропологическая катастрофа: конец «Человека» в эпоху посткапитала	74
<i>П.П. Жуликов</i> Перспектива развития мирового человеческого хозяйства.....	91
<i>А.А. Маковеев</i> Методологический подход к исследованию «успешного человека»	103
Раздел III. Экономическая теория	
<i>М.Ю. Павлов</i> Возможности цифровых платформ в развитии естественного и искусственного интеллекта в условиях тотальной технонейроцифровизации.....	121

<i>М.В. Гречко, Г.В. Суховецкая</i> Некоторые замечания о генезисе креативного класса сквозь призму диалектики.....	131
<i>М.Ю. Чурилин, Т.А. Валиулина</i> О трех видах релятивизма в экономической теории	148
<i>С.Н. Сапронов, Е.В. Старовойтова, В.П. Суйц, А.Н. Хорин</i> Распределенное запаздывание как фактор возникновения информационных ошибок и искажений	160
<i>И.К. Капulyцевич</i> Культурная трансформация: как изменение норм, установок и ценностей влияет на экономическое развитие	176
<i>Д.А. Михалев</i> Институциональные основы обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета	192
Раздел IV. Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i> Отказ от социальной философии И. Канта	211
<i>А.И. Бобков</i> Демонтаж демонтажа народа в антропологии этнорелигиозной идентичности С.Г. Кара-Мурзы.....	218
<i>Н.Н. Ростова</i> К вопросу о «Зеленой полосе» и феноменологии восприятия.....	229
<i>М.М. Новиков</i> Проблема сакрального в социальной философии Ж. Батая	245
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i> Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного (экономического) хаоса: блеф и реалии, прожекты и результаты (обзор дискуссии)	266
<i>Е.С. Зотова</i> О воспроизводственной целостности российского народного хозяйства как залого его жизнеспособности и суверенности (дискуссия в Московском университете)	281
Анонсы — 2026	293
Наши авторы	294

Contents

Breakage (<i>Chief Editor</i>)	7
 Part I. Yu.M. Osipov — 85	
<i>L.A. Tutov</i>	
Yuri Mikhailovich Osipov and the Fate of the Philosophy of Economics: on the 85th Anniversary of the Thinker	11
<i>N.B. Shulevsky</i>	
Russia in Yu.M. Osipov's Work.....	17
<i>I.P. Smirnov</i>	
The World of Yu.M. Osipov's Ideas.....	28
<i>V.E. Gavrilova</i>	
The Essence and Functions of Real Money in the Works and Reflections of Yu.M. Osipov	35
<i>A.A. Pogrebnyak</i>	
To Think Differently — to Think About the Other — to Be Other (on the 85th Anniversary of Yu.M. Osipov).....	42
<i>S.S. Merzlyakov</i>	
Power, Culture, Economics, and Man — Difficult Questions of Philosophy of Economics	49
<i>I.G. Shevchenko</i>	
World in the World	53
 Part II. . Philosophy of Economy	
<i>S.G. Kovalev</i>	
The Creative Reproductive Development of the Russian in the Context of Digital Platforms	59
<i>D.S. Ushakov</i>	
Anthropological Catastrophe: The End of «Man» in the Era of Post-Capital	74
<i>P.P. Zhulikov</i>	
Prospects for the Development of the World Human Economy	91
<i>A.A. Makoveev</i>	
Methodological Approach to Search of «Successful Person».....	103
 Part III. Economic Theory	
<i>M.Yu. Pavlov</i>	
The Potential of Digital Platforms in the Development of Natural and Artificial Intelligence under Conditions of Total Techno-Neuro-Digitalization	121

<i>M.V. Grechko, G.V. Sukhovetskaya</i> Some Remarks on the Genesis of the Creative Class through the Prism of Dialectics.....	131
<i>M.Yu. Churilin, T.A. Valiulina</i> On Three Types of Relativism in Economic Theory	148
<i>S.N. Sapronov, E.V. Starovoytova, V.P. Suyts, A.N. Khorin</i> Distributed Lag as a Factor in the Occurrence of Information Errors and Distortions.....	160
<i>I.K. Kapultsevich</i> Cultural Transformation: How Changes in Norms, Attitudes and Values Affect Economic Development.....	176
<i>D.A. Mikhalev</i> Institutional Bases for Ensuring Economic Security and Technological Sovereignty.....	192
Part IV. Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i> A Rejection of Immanuel Kant's Social Philosophy	211
<i>A.I. Bobkov</i> Dismantling the Dismantling of the People in S.G. Kara-Murza's Anthropology of Ethnoreligious Identity	218
<i>N.N. Rostova</i> On the Question of «Green Stripe» and the Phenomenology of Perception.....	229
<i>M.M. Novikov</i> The Problem of the Sacred in G. Bataille's Social Philosophy	245
Scientific Life	
<i>E.S. Zotova</i> The Phenomenon of Managed Existential and Economic Chaos: Bluff and Realities, Projects and Results (Discussion Overview).....	266
<i>E.S. Zotova</i> On Reproductive Integrity of the Russian National Economy as a Guarantee of Its Viability and Sovereignty (Discussion at Moscow University).....	281
Anounce — 2026	293
Our Authors	297

Ломка

Нет, не та ломка, что бывает у лишенного наркопрепарата наркомана, хотя что-то схожее тут есть, речь у нас о ломке планетарного мира, начатой, хоть и трудно и не хочется об этом говорить, крушением, — как раз ломкой, — СССР, то бишь ломкой, исходившей, распространяясь на весь зёмный мир, с территории нашей Родины — России!

Хронологически-фактологическая часть сей всемирной ломки достаточно на виду, и о ней нет никакого резона здесь говорить: главное, что *она* — ЛОМКА! — *есть*, мало того, пусть и с зигзагами и заминками, а вовсю *шествует*-таки по «шарику» земному.

Да, это уже не так очередной хозяйственный (экономический-де) кризис кондратьевского типа, как это особого рода *кризис мира* — КРИЗИС МИРА!, беременный мировой войной, не исключаяющей и применения ядерного оружия, да не просто беременный, а все более раздражающийся уже ведущейся мировой войной, уже и не бывшей «холодной», а обозванной по-хитрому «гибридной», то бишь занявшей некое срединное положение между войной «холодной» (открытым, закрытым, лукавым, подставочным противостоянием и противоборством тогдашних на планете межгосударственных миров — западного («свободного»-де) и восточного (социалистического, «тоталитарного»-де)) и войной горячей, отгремевшей формально в 1945 г., но еще долее прогромыхавшей на Дальнем Востоке.

Да, «гибридная» война, увлеченная санкциями, торговыми войнами, сменами правительств и режимов и т. п. вещами, не исключает локальных горячих войн, наоборот, она все более в них втягивается, не минуя и подготовку к таки настоящей мировой горячей войне.

Зёмный мир переживает особого рода всемирную ломку. Оказывается, что можно красть президентов «независимых» стран; менять там режимы; ставить во главе сих стран «своих»; устраивать блокады стран в расчете на перемены в них в свою пользу; бомбардировать страны; охотиться сверху за их лидерами и их — этих лидеров — ликвидировать; вторгаться вооруженными силами в другие страны и неподвластные территории, борясь там с вражескими-де силами, но попутно разрушая и разрушая, как и уничтожая мирное население.

В общем, в мире вновь расцветают расизм, нацизм, колониализм, а обеспечивают сие вовсе не какие-то там тоталитарно-фашистские режимы, а самые что ни на есть «свободно-демократические», причисляющие себя аккурат к цветущему саду — к Западу, правда, почему-то не могущему благовонно и благодатно цвести без эксплуатации всего остального — как раз *не*-западного — мира.

Бойтесь, палестинцы, арабы, иранцы, вообще мусульмане, да и не только, тотального уничтожения, а если нет, то уж тотального порабощения (оставшихся) — точно!

Символом и главным рычагом всемирной ломки стал президент самой демократической из демократических великих держав господин Трамп со своим сокрушительным, хоть и не всегда, и не совсем удачным трампизмом.

Главное же когда-то было, как говаривал один из эффективных зачинателей нынешней мировой ломки, увы, из России, с ее территории, хоть, возможно, он сам так и не думал, доверившись непристойному Западу и ему служа, в общем главное было «начать», — вот он-то и начал!

Ну а дальше уже пошло-поехало!

Вот и едем!

Главный редактор

Ю.М. ОСИПОВУ — 85

Л.А. ТУТОВ

**Юрий Михайлович Осипов и судьба философии хозяйства:
к 85-летию мыслителя***

Аннотация. Статья посвящена осмыслению интеллектуального наследия Юрия Михайловича Осипова и его роли в становлении и развитии философии хозяйства в современной России. К 85-летию мыслителя анализируются ключевые положения его концепции, раскрывающие хозяйство как универсальную форму человеческого бытия и особую область философского размышления. Показано, что философия хозяйства в интерпретации Осипова выходит за пределы экономического редукционизма и обращается к метасмыслам жизни-хозяйства, соединяя онтологическое, нравственное и трансцендентное измерения. Особое внимание уделяется идее хозяйственной демиургии, проблеме антихозяйства и постановке вопроса о телеологии и эсхатологии экономического развития. В статье прослеживается связь идей Осипова с традицией русской религиозно-философской мысли (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский), а также показано влияние его концепции на современные исследования хозяйственного бытия. Делается вывод о значении наследия Осипова как открытой программы философско-экономического анализа, сохраняющей актуальность в условиях технократизации и трансформации экономической цивилизации.

Ключевые слова: философия хозяйства, хозяйственное бытие, хозяйственная демиургия, антихозяйство, постэкономика, трансцендентность, экономический редукционизм, нравственные основания экономики, русская философская традиция.

Abstract. The article is devoted to understanding the intellectual heritage of Yuri Mikhailovich Osipov and his role in the formation and development of the philosophy of economics in modern Russia. By the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тутов Л.А. Юрий Михайлович Осипов и судьба философии хозяйства: к 85-летию мыслителя // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 11—16. DOI: 10.5281/zenodo.20642321.

85th anniversary of the thinker, the key provisions of his concept are analyzed, revealing the economy as a universal form of human existence and a special area of philosophical reflection. It is shown that the philosophy of economics in Osipov's interpretation goes beyond economic reductionism and turns to the meta-meanings of life-economy, combining ontological, moral and transcendental dimensions. Special attention is paid to the idea of economic demiurgy, the problem of anti-economy, and the question of teleology and eschatology of economic development. The article traces the connection of Osipov's ideas with the tradition of Russian religious and philosophical thought (S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev, V.I. Vernadsky), and also shows the influence of his concept on modern studies of economic existence. The conclusion is made about the importance of Osipov's legacy as an open program of philosophical and economic analysis, which remains relevant in the context of technocratization and transformation of economic civilization.

Keywords: philosophy of economy, economic being, economic demiurgy, anti-economy, post-economics, transcendence, economic reductionism, moral foundations of economics, Russian philosophical tradition.

УДК 330
ББК 65в

Введение. Личность и эпоха

85-летие Юрия Михайловича Осипова — это не только значимая дата в научной биографии выдающегося мыслителя, но и повод осмыслить путь философии хозяйства в России за последние десятилетия. Судьба этого направления во многом связана с его именем — не только как теоретика, но и как организатора научного движения, вдохновителя исследовательского сообщества, создателя интеллектуальной традиции.

В сложный период постсоветских трансформаций, когда экономическая мысль в России переживала этап догматического заимствования неоклассических моделей, Ю.М. Осипов предложил альтернативу — возвращение к целостному философскому осмыслению хозяйственного бытия. Его позиция была принципиальной и

внутренне мужественной: философия хозяйства не должна быть приложением к экономике, но должна раскрывать метасмыслы человеческого хозяйствования.

Философия хозяйства как открытая область мысли

Одной из программных формулировок Осипова является определение философии хозяйства как особой области размышления: «Философия хозяйства — не столько завершенное знание, сколько специфическая область мысли и размышлений» [10, 302]. Эта фраза задает тон всей его концепции. Философия хозяйства не есть законченная система — она открыта, подвижна, проблематична. В «Очерках философии хозяйства» он уточняет: «Философия хозяйства — наука прежде всего хозяйственная, а затем уже философская» [8, 143]. Эта формула вызвала оживленную дискуссию и стала отправной точкой для дальнейших уточнений предметного статуса философии хозяйства.

В «Философии хозяйства» Осипов формулирует ключевую онтологическую опору: «Хозяйство рассматривается как жизнь и жизнь как хозяйство» [10, 303]. И далее: «Философия хозяйства стремится познавать метасмыслы жизни-хозяйства» [10, 303]. Эти положения принципиально расширяют предмет анализа: хозяйство перестает быть лишь экономикой и становится универсальной формой человеческого бытия.

Трансцендентность и нравственная опора хозяйства

Ю.М. Осипов подчеркивает невозможность философии хозяйства вне трансцендентного измерения: «Вне трансцендентности философии хозяйства быть не может, а может получиться в лучшем случае лишь теория хозяйства» [10, 303]. Особое значение он придает нравственному измерению: «Философия хозяйства равнодушна к вопросу о том, как, с каким нравственным мотивом ведется человеком хозяйство» [10, 303]. Эти положения продолжают традицию С.Н. Булгакова [2], но придают ей современную остроту.

Хозяйственная демиургия и эсхатология экономики

Одним из наиболее оригинальных вкладов Ю.М. Осипова является разработка феномена хозяйственной демиургии: «Философия

хозяйства вышла на исключительно важный фундаментальный вывод о наличии феномена хозяйственной демиургии» [10, 304]. Человек в этой перспективе — демиург, пересотворяющий мир. Однако эта демиургия несет в себе и трагический потенциал: «Антихозяйство — это хозяйство без любви и мудрости» [10, 305]. В программной статье 1999 г. он ставит вопрос о судьбе экономики: «Какова телеология homo-хозяйства, как и его эсхатология?» [11, 204]. Тем самым философия хозяйства приобретает не только онтологическое, но и эсхатологическое измерение.

Осипов и российская мысль конца XX в.

В 1990-е гг. философия хозяйства Ю.М. Осипова стала альтернативой экономическому редукционизму. Его мысль соотносится с критикой экономизма у Н.А. Бердяева [1], с софийной традицией С.Н. Булгакова [2], с идеями ноосферы В.И. Вернадского [3]. Ю.М. Осипов сумел создать вокруг себя интеллектуальное пространство, где экономика, философия, богословие и культурология вступили в продуктивный диалог. Его тексты отличает особый стиль — соединение строгих категорий и экзистенциального переживания.

Влияние Осипова на мои исследования

Концепция Ю.М. Осипова оказала на мое исследование существенное влияние в нескольких направлениях:

- расширение предметного горизонта: хозяйство рассматривается как универсальная форма жизнедеятельности, а не как экономическая подсистема общества;
- методологическая перспектива: философия хозяйства осмысливается не только как мировоззренческое, но и как методологическое знание;
- трансцендентное измерение: без признания трансцендентности философия хозяйства рискует превратиться в теорию хозяйства [7, 303];
- нравственный аспект: проблема добра и зла в хозяйственной деятельности становится центральной.

Особенно значимой для меня стала формула Ю.М. Осипова: «Хозяйство есть не столько производство благ, сколько производство

самой жизни и самого человека» [7, 307]. Эта мысль оказалась методологически определяющей в моей работе, позволив переосмыслить категорию субъекта хозяйства.

Вместе с тем критическое осмысление некоторых положений Осипова (в частности, статуса философии хозяйства как «прежде хозяйственной, а затем философской науки» [5, 143]) позволило уточнить предмет философии хозяйства именно как философской дисциплины. Это уточнение стало важным этапом в формировании моего собственного подхода.

Ю.М. Осипов и будущее философии хозяйства

Сегодня идеи Ю.М. Осипова звучат особенно актуально. Во-первых, концепция хозяйственной демиургии позволяет критически осмыслить технократизацию мира и проблему искусственной среды. Во-вторых, понятие антихозяйства помогает выявить кризис нравственных оснований современной экономической цивилизации. В-третьих, идея постэкономики открывает перспективу выхода за пределы стоимостной логики.

Будущее философии хозяйства, как представляется, связано:

- с углублением антропологического анализа homo-хозяйствующего;
- с разработкой границ хозяйственной демиургии;
- с осмыслением постэкономического этапа цивилизации.

Наследие Осипова — это не завершенная система, а открытая программа исследования.

Заключение

Юрий Михайлович Осипов — мыслитель редкого масштаба. Его вклад состоит не только в концептуальных разработках, но и в создании интеллектуальной традиции. Он сумел вернуть философию в хозяйство и хозяйство — в философию. К 85-летию можно сказать: философия хозяйства в современной России существует во многом благодаря его усилиям. Его мысль продолжает работать, провоцировать, вдохновлять.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991.
4. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. М.: Изд-во МГУ, 1990.
5. Осипов Ю.М. Очерки философии хозяйства. М.: Юрист, 2000.
6. Осипов Ю.М. Работающая трансценденция // Философия хозяйства. 2000. № 3 (9).
7. Осипов Ю.М. Философия хозяйства: В 2 кн. М.: Юрист, 2001.
8. Осипов Ю.М. Философия хозяйства // Философия хозяйства. 1999. № 6.

References

1. Berdyaev N.A. Filosofiya neravenstva. M.: IMA-press, 1990.
2. Bulgakov S.N. Filosofiya hozyajstva. M.: Nauka, 1990.
3. Vernadskij V.I. Nauchnaya mysl' kak planetarnoe yavlenie. M.: Nauka, 1991.
4. Osipov Yu.M. Opyt filosofii hozyajstva. M.: Izd-vo MGU, 1990.
5. Osipov Yu.M. Ocherki filosofii hozyajstva. M.: YUrist", 2000.
6. Osipov Yu.M. Rabotayushchaya transcendenciya // Filosofiya hozyajstva. 2000. № 3 (9).
7. Osipov Yu.M. Filosofiya hozyajstva: V 2 kn. M.: YUrist", 2001.
8. Osipov Yu.M. Filosofiya hozyajstva // Filosofiya hozyajstva. 1999. № 6.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

России в творчестве Ю.М. Осипова*

Аннотация. В статье исследуется методологический Гнозис России, представленный в творчестве выдающегося современного русского мыслителя – Ю.М. Осипова. Выделяется три источника, три составных части, три алгоритма этой методологии. Во-первых, Россия исследуется как метафизический субъект своего духовно-смыслового мира. Устроителем и перводвигателем этого мира является София Премудрость Божья. Основным орудием ее действия служит Иное. Во-вторых, Россия исследуется как исторический субъект, который устраивает, организует свое жизненное содержание в различных формах цивилизационных империй, Движущей силой их служит диалектика Иного. В-третьих, Россия исследуется в качестве событийного субъекта, действующего через совокупность различных форм хозяйственного творчества.

Ключевые слова: Россия, Иное, империя, хозяйство.

Abstract. The article examines the methodological Gnosis of Russia, presented in the work of the outstanding modern Russian thinker, Yu. M. Osipov. There are three sources, three components, three algorithms of this methodology. First, Russia is explored as a metaphysical subject of its spiritual and semantic world. The organizer and mover of this world is Sophia the Wisdom of God. The main instrument of its action is the Other. Secondly, Russia is investigated as a historical subject that suits, organizes its life content in various forms of civilizational empires, the driving force of them is the dialectic of the Other. Thirdly, Russia is being investigated as an event subject acting through a combination of various forms of economic creativity.

Keywords: Russia, Other, empire, econom.

УДК 111
ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. России в творчестве Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 17—28. DOI: 10.5281/zenodo.20642390.

Торчество выдающегося русского мыслителя и ученого Ю.М. Осипова есть значимое и смыслотворное событие русской гуманитарной мысли, дающее целостный и многоглавый образ современной России в ее невидимых, исторических и событийных измерениях.

Главное отличие гуманитарных трудов Ю.М. Осипова состоит в том, что они дают объемную и целостную картину России и окружающего ее мира. Читатель не просто обогащается новыми знаниями о России, он получает еще и адекватные координаты целостного восприятия ее истории и современности. В них работает еще и Иное — спонтанный тайный фактор, наделенный чрезвычайными полномочиями: он определяет маршруты всех рабочих траекторий русского бытия, выдает им путевые листы, оценивает их работу, воздействует на их целевые ориентиры. Именно поэтому труды Осипова воздействуют на мировоззрение, а, следовательно, являются реальным жизненным фактором.

Характерная особенность трудов Ю.М. Осипова — органическое соединение, казалось бы, несоединимого: фундаментальности и злободневной актуальности.

Россия — сверхсложный и сверхтрудный предмет исследования¹. Ее глубинная сложность выходит за пределы рациональности европейского разума, а потому она адекватно неперевода на язык его абстракций. И Россия обращается к гнозису Софии Премудрости Божьей и покровительствуемой ею философии хозяйства. Она ищет свою идентичность посредством софийного разума, который использует в познании России трансцендентные силы Запределья, ничто, хаоса.

Эта онтологическая, духовная и событийно-эмпирическая сложность России, ее Гнозиса представлена в творчестве Ю.М. Оси-

¹ В России скрещиваются интересы и тайны вечности и времени, истории и природы, духа и материи, видимых и невидимых миров, *этого* и *иного*, сакрального и мирского, бытия и ничто, человеческого и античеловеческого. В Руси-России все стихийное и предметное многообразие мира составляет уникальный космос, ищет свои упорядочивающие, организующие и оформляющие алгоритмы. Общим знаменателем, выразителем этих интересов и тайн становится Иное.

пова в трех основных измерениях: *Россия — метафизический субъект невидимого мира; Россия как исторический субъект; Россия как событийно-фактологический субъект.*

Метафизические измерения России

В метафизической картине мироздания, на контурной карте невидимого мира Россия занимает необычное место, выступая в качестве особого смыслового (софийного) светила.

Как и любая метафизика, русская метафизика есть проявление и действие Великой неизвестности, окружающей человека со всех сторон. В софийной метафизике эта вселенская неизвестность предстает не как абстрактный и безличный Абсолют, а как особый субъект, как созидаящая, формирующая, организующая бытие *Личность* — София Премудрость Божья.

Глубинная трансценденция неизвестности в русской метафизике выражается и действует в качестве особого фактора (начала), который обозначается категорией «*Иное*». *Иное* действует в России, через Россию и в качестве России как полигибридное начало, сочетающее в себе известно-неизвестные, невидимые и земные силы. Именно *Иное* служит невидимым метафизическим перводвигателем России.

Иное — апофатическое начало, которое детерминирует Россию посредством трансценденций ничто, хаоса, отрицания, бездны, свободы. Все предметные и субъектные реалии бытия России пронизаны Иным (случаем, ничто, изменой, отклонениями от шаблонов мира сего).

Иное — это и метафизический пароль, маяк, код России, ее смысловое Инкогнито. Во всем творчестве Ю.М. Осипова постоянно ведется поиск изображений, проявлений и действий Иного, в том числе в формах Инознания, знания незнаемых запредельных начал.

Иное — это фактор, действующий посредством неведомых (неожиданных, непредвиденных и неотвратимых) смыслов, целей, алгоритмов бытия, ничто, случайностей, катастроф, кризисов, бессознательного. «Это самое иное — работает себе и работает, не считаясь ни с зѐмными тратами, ни с людскими потерями, ни с горько-сладостными судьбами-концами удачливых и не очень временщиков, причем работает, конечно же, вполне себе *трансцендентно*, отчего и верно!» [1, т. 1, 8].

И если вначале было слово, то для России именно Иное есть то первослово, посредством которого Великая неизвестность преобразилась в акте божественного творения и стала Россией. Вначале было слово, и это слово было — Иное. Иное «в себе» было Россией, а Россия стала «в себе и для себя» Иной, продолжая поиски своего подлинного устройства в Ином. Это творческое первослово в Китае действует как Дао, в Индии оно царствует как Брами, в Европе действует (действовало?!) как Логос.

В контексте софийной метафизики Ю.М. Осипов раскрыл трагическую судьбу России, которая стала *жертвенной избранницей* неведомого сакрального сценария бытия. Россия на протяжении всей своей истории постоянно приносит себя в жертву истории, которая использует эту жертвенность как свое топливо. И лишь в последние, эсхатологические времена история оставляет России шанс освободиться от этого жертвенного долга.

Россия в этом плане несет в себе некую тайную религию, такой вывод напрашивается из анализа России в контексте софийной историософии Ю.М. Осипова. Иное же строго следит за Россией, дабы она не отклонялась от исполнения своего жертвенного сакрального долга в истории. И лишь в эсхатологические времена Иное может спасти Россию от *ее жертвенной участи, от пленения самой собой*, неся освобождение, возрождение и воскресение своей сакральной русской программы.

Иное как перводвигатель русской метафизики порождает опережающее, *преждевременное знание о прошлом и будущем*. В этом плане Ю.М. Осипов выдвигает мощную мистериальную гипотезу о возможном масштабном воздействии на Россию древних волхвов, проклявших анти-Россию, насильственно сбившую духовную программу, традицию естественного развития страны. «Хошь, не хошь, а волхвы, как раз именно они — ВОЛХВЫ! — во всем и виноваты, прокляв перед гибелью своей беспощадно наступившую на них и чуждую им неРусь, да еще и программу Руси на века задав — возвращения к самой себе, пусть и в Конце времен, пусть и жертвенно, но непременно! Так вот и живет Россия с этим себя же проклятием и с этим себе же сакральным заданием, а снимется сие проклятие лишь по исполнению сего задания, когда Россия, опомнившись и сдюжившись, возвратится к самой себе» [1, т. 1, 7]. И это проклятие оказа-

лось сильнее всех религиозных и просветительских идеологий, оттеснивших временно русский дух в навь. А смысловую программу естества может изменить лишь Бог, а не люди. Это касается и естественного интеллекта.

Иное есть золотой, поистине волшебнo-магический ключ, который открывает скарбницу Великой неизвестности материи, откуда разум и сознание могут черпать свои новые смысловые и практические орудия, ценности, миры, не забывая при этом извлекать новые возможности и силы из уже известных инструментов интеллекта и сознания.

В этом плане современный Запад, США могут извлекать новые орудия своего ума и сознания лишь из известных проявлений мифологий, культур, религий, инфернальных сил, из достижений наук, права, морали, искусств, преображая известное в искусственное. Они живут за счет потребления чужих умов, завоевавших в сражениях с неизвестностью свою смысловую добычу. (Точнее, Запад, закрывая открытое, тем самым преображает известное в неизвестное, так как искусственное есть тупиковая неизвестность, не имеющая ни входа, ни выхода в известное, оставаясь неразгадываемым «черным ящиком».) Пока Запад сражался с неизвестностью за свою смысловую и понятийную добычу, он был лидером человечества, а, перейдя к сражению только за известное, он стал агрессивным паразитом человечества.

Россия изначально ведет сражение не только с Абсолютом, но и с Великой неизвестностью Запределья, привлекая из нее с помощью Иного смысловые, знаниевые, методологические алгоритмы для всего человечества, превращая при этом сверхъестественное в естественное, в отчасти известное, признавая, сохраняя его непознаваемость. Известное ограничено, исчерпаемо, а действующая в Ином неизвестность запредельна и неисчерпаема.

Иное как метафизический перводвигатель России требует изучать жизненные события в контексте софийной метафизики. Нужно «быть в потоке реальности, признавая, что она ина (иная, иная, инойная), но при этом и не преминуя вглядываться в реальность извне — из *Нереальности, со стороны Небытия, Неизвестности, Софии, Бога*; тогда-то что-то и может получиться у заинтересованного в сути вещей и в сути их бытийного хода укромного дознавателя, — да вот что же?.. э-э... не более чем *невнятный адекват*, но

при этом и что-то из необходимо желаемого, включая и горькое, и кислое, и кривое, и уродное, как раз то самое, что сердцем никак не желается, но на что умственно и делово приходится все-таки идти — на ту же, уж извините, *оздоровительную диктатуру*, а вот какую конкретно, решается уже не дознавателем, а самим бытием-историей» [1, т. 1, 9]. В русской метафизике царит диктатура Иного, самодержавие софийного Духа.

Ю.М. Осипов открыл, обосновал феномен Иного в качестве творящего, движущего, охраняющего первослова Руси-России. Слово «Иное» содержит в себе все части речи, опекает все концепты, мысли, образы, символы разума и сознания, порождает упования и надежды российских народов, реализует миротворную свободу сакрального Запределья, генерирует саму жизненную энергию. В Ином действует провиденциальная воля Бога. Разгадка, познание, понимание, принятие императивов этой воли идет через *при*-знание Иного как метафизического посланника Господа. *Все будет не так, как есть, а иначе, по-иному; все будет Иным и в Ином! И жить стоит ради Иного, которое иногда неведомо трудится в нас и ради нас неведомых!*² *Иное есть неизвестное, придающее ценность, смысл, интригу всему известному и привычному.*

Россия как исторический субъект

Слову «империя» демоны энтропии навязали негативное значение в нынешней политологии, хотя косвенно оно расширило свое культурное и деловое влияние почти на все сферы жизнедеятельности человека. Но эти насильственные меры против семантики империи лишь доказывают непреходящую реальную актуальность данного феномена.

В земночеловеческом контексте истории Россия бытует в качестве империи. Ю.М. Осипов исследует империю в социоисториче-

² А.С. Пушкин чувствовал, знал и принимал жизненную демиургию Иного, категорически заявив П.Я. Чаадаеву: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» (Письмо к П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г.). Цивилизационную суверенность, уникальную ценность, непредсказуемость, творческую изобретательность Руси-России, ее истории придает тайный промысел Иного, его импровизирующая свобода.

ском, антропокультурном, духовном аспектах, реабилитируя ее творческие функции. Империя, имперскость — есть форма властно-управляющей, социохозяйственной, идеологической организации жизненного пространства и времени в рамках единого телеологического проекта.

Империи сами по себе — не зло и не добро, они выражают и реализуют сакральную необходимость, форму, властно-управляющий детерминизм Духа. «Империя — это непременно большая идея, большой проект, большие задачи. Это и особого рода большая жизнедеятельность, ее большая организация» [1, т. 1, 383].

Имперское устройство России с неизбежностью вырастает из колоссальной массы качественно многообразных реалий, которые возникают и бытуют на ее территории. Многообразие природно-климатических факторов, многообразие этносов и народов, многообразие религиозного опыта, многообразие хозяйственных укладов, социально-культурных форм, многообразие фольклорных, духовно-смысловых типов сознания, интеллекта — все это необъятное разнообразие бытия с необходимостью требует великого проекта, единой, прочной, мощной и гибкой конструктивной формы, с помощью которой данное многообразное содержание можно превратить в общежитийскую организацию, умеющую созидать свой мир и способную защищать его. Везде, где разнообразие, множество выходят за свою меру, там спонтанно возникает имперская организация меры, там действуют имперская стоимость и достоинство.

Но имперскость есть неотъемлемое качество полноценного человека, в котором его «Я» стремится стать Личностью — владыкой, императором, организатором духовных и материальных сил его жизни.

Имперскость является порождающим началом разума и сознания, наделяя их диктаторскими полномочиями в мире. Эти идеальные начала ищут адекватные формы материи, институтов, которые могли бы превращать все реалии в служебные органы своей имперской телеологии. Имперскость есть творящая властная сила сознания и разума. Все основные открытия свои разум и сознание делают на службе империй или в их контекстах, в зонах их смыслового притяжения. В рамках империй — и посредством империй — сознание и разум достигают своих высших творческих форм.

Но имперскость выражает и более глубокие основания, запрельные детерминанты государства, бытия и духа, сознания и разума.

Какие именно это основания и детерминанты?

Платон, исследуя противоположности, обнаружил парадокс «третьего» — стоящего за ними тайного агента. Например, есть противоположности единого и многого. Единое, обладая самодостаточной идентичностью, зачем-то нарушает ее, стремится проникнуть во многое, организовать его в системное целое. И многое, вопреки своей идентичности, стремится изменить ее, подчинить алгоритмам единства. Значит, помимо многого и единого, за ними стоит еще некое невидимое «третье начало», которое нарушает идентичность этих противоположностей, устанавливает и регулирует их взаимодействия, указывает, как им быть и что им делать. И так обстоят дела со всеми противоположностями. Платон обозначил это определяющее начало в структурах противоположностей термином «Иное».

Империя как раз и выражает властные интересы Иного, являясь проявлением его инициативных сил во всех структурах и ситуациях. Империи решают и тактические государственные задачи, но в империях государства становятся средством решения сверхгосударственных задач, выдвигаемых неизвестностью, Иным миром.

В этом плане все государства содержат в себе имперские элементы, но не всегда и не везде они работают открыто. А если какая-либо организация, структура, сама империя забывают о своей имперской генетике, об императиве Иного, то Иное забывает об этих организациях, оставляя их на усмотрение энтропии и саморазрушения.

В России империя изначально стала формой реализации и действия Иного, его неизвестности; империя стала объективным и организующим центром русского сознания. Так повелела метафизическая матрица Иного, меняющая формы империи, облекающая ее в различные социогосударственные одеяния, но не меняющая ее единичную суть. Ю.М. Осипов убежден, что «*быть русским — быть имперцем*» [1, т. 1, 311]; и эта убежденность покоится на мощной базе эмпирической, логической и метафизической аргументации. И другие народы в сути не могут не быть имперцами, так как неимперцев нет. Они могут быть пассивными имперцами, служа другим империям, а русские не могут не быть имперцами даже в демократических государствах-симулякрах.

Ю.М. Осипов выявил, доказал тот упрямый факт, что имперскость есть исходный творящий атом любой организации (и самоорганизации). Сам Бог есть император вечности, создавший империю своего творения, в рамках которого наделил все реалии способностями к имперской самоорганизации своего бытия

Имперскость есть перводвигатель власти, единоначалия и внутренней ответственности. Здесь и обсуждать нечего. Другое дело, что эта имперская субстанция бывает явной и скрытой, государственной и семейной, личной, военной и гражданской. Альтернатива империи — хаос, самоотрицание.

Сегодня Россия является теневой, скрытой империей, и ее телеология состоит в том, чтобы идти к открытой, явной империи, усваивая, используя наработки демократии, конституционализма, других форм организации власти для обогащения империи мудростью, силой, гибкостью.

Выводы о судьбах империи делает не Ю.М. Осипов, а сама идея империи: «Или империя в России — без императора, конечно, и дворянства, или России вовсе не будет». «Мы за империю, которая называется Россией, ибо мы за саму Россию, разумеется, как новую империю, иного уже образца, за демократическую, даже и за РР-империю — лишь бы была Россия!» [1, т. 1, 368, 384]. Даже РР-империя выше и лучше реальной демократии по качеству и величию решаемых задач, близости к справедливости. Как бы то ни было, но у России имперская судьба, а судьба сама от себя не отказывается, а меняет формы, алгоритмы действия своего имперского спецангела — Иного.

Россия как событийно-фактическая данность

В творческом наследии Ю.М. Осипова представлена целостная картина России как хозяйственной, исторической, социокультурной, духовно-смысловой, экзистенциальной эмпирической данности. Подобное сочетание *фундаментальности и эмпирико-событийной актуальности* в исследовании России уникально. Полилектическая аналитика автора охватывает истоки России, куда и как она идет, пути и алгоритмы ее перспективных устремлений. Смысловая эвристика, эрудиция, смысловой энциклопедизм, смысловые аналогии автора зашкаливают, затрагивают секреты не только Абсолюта России, но и выходят в Запределье русскости.

В творчестве Ю.М. Осипова можно выделить несколько оригинальных направлений анализа России как событийной данности.

Во-первых, сама Россия есть величайшее эмпирическое *Событие*, развертывающееся как в рамках истории, так и в свехисторической сфере. Посредством своей событийности Россия преобразует сакральные реалии духа и вечности, творит новую предметную и смысловую ткань своего мира, *созидает субстанцию своей судьбы*. В этом плане Россия предстает как творческий и творящий факт истории, как ее миротворная сила.

Во-вторых, эмпирическая данность России представлена Ю.М. Осиповым как сумма многообразных *способов хозяйствования*. Автор выделяет «натуральные (внутриприродные, сельские) и свехнатуральные (те же ремесленные, индустриальные); органические (бестоварообменные) и экономические (товарообменные, денежные); свободно-сетевые, организовано-сетевые и иерархическо-управленческие; частные и общественные; вольного строя и строя принужденческого; гражданские и милитаризованные (мобилизационные)» [2, 34]. Возможны и виртуальное, цифровое, нейросетевое хозяйство. Через феномен хозяйства достигается новый уровень конкретности в изучении фундаментальных смыслов реальности.

В-третьих, динамика России как эмпирической данности адекватно невыразима в координатах прогресса. Россия развивается в качестве пульсирующего организма, переходящего от сосредоточенности к рывку, к опережающему забеганию в будущее. Историческая динамика России «импульсивна — это порывы, приходы и уходы, колебания и волны, взлеты и падения, пристрастия и отречения, победы и поражения, одним словом — пульсация и обороты» [1, т. 1, 413]. Прогресс в России служит оборотным капиталом ее внутренней апокалиптики.

В-четвертых, в своем творчестве Ю.М. Осипов выявил и описал загадочную, ускользающую от определения русскость, натуру русского человека, представив его в качестве особого антропометафизического феномена. В русскости неизвестность, судьба проектируют и создают свою антропную лабораторию. *Судьба делает русскость основным творцом хаоса как сырья для имперского порядка, проекта*. И основным орудием судьбы, неизвестности является Иное, а русские профессионально и полубессознательно владеют этим орудием. «Русский человек давно привык к безысходности и

выход ищет в исходности мира Иного» [1, т. 1, 414]. Да этот иномирный выход сам ищет своих ищущих его русских людей. «Средь людей я дружбы не имею, Я иному покорился царству» (С.А. Есенин).

Будущность русскости Ю.М. Осипов видит в освобождении ее от пленения собственной жертвенностью. «Хватит ли сил и времени, а главное — желания и воли? *Но слово сказано, пусть и не впервой, а за словом ведь и мир Божий явился, — явится и обновленная русскость!*» [1, т. 1, 418].

В-пятых, для описания событийной эмпирической данности России автор создал уникальный язык, имеющий сам по себе эвристическую ценность. В этом языке вырвалась наружу смысловая сила глубинной России. Строго говоря, этот язык содержит в себе автономные творящие силы, во многом он сам порождает свои тексты. Язык философии хозяйства и софиасофии, вещей и творящий, является соавтором России, представляя выход из нави в явь глубинного ее конструктивного содержания. «Не мертвые это тексты, а вполне себе живые, работающие, творящие, да и не тексты это вовсе, а... *персоны*, точнее — *волхвы*, бытующие среди нас, ради нас, ну и ради себя тоже!» [1, т. 3, 305].

В-шестых, эмпирическая данность России в творчестве Ю.М. Осипова исследуется с применением апофатической методологии.

Что это за методология?

Объясним событием. В портовом городе стоит церковь, при ней музей, в котором собраны дары тех, кто, попав в корабельные катастрофы, усердно молился и остался в живых. Один посетитель удрученно спросил: «А где дары тех, что молились, но не спаслись?» И этот вопрос более продуктивен для мореплавания, чем все дары спасшихся молельщиков, так как он нацелен на совершенствование кораблей, техники безопасности, обогащая разум новым опытом, почерпнутым из катастроф и крушений.

Методология Ю.М. Осипова нацелена на те стороны фактов, которые наука не замечает, не может адекватно воспринимать и объяснять. Эти факты «молятся» разуму, взывают к науке, дабы она открыла им истину их смыслов. Но наука не может дать им смысловое спасение, которым ведают философия хозяйства и полилектика.

Эмпирическая, событийная данность России в современном мире выступает как демократическая империя, как имперская демократия, создающая и организующая Хаосмос — такую организацию жизни, в которой порядок стремится породить нужный для его свободы хаос, а хаос ищет присущий ему родной, а не чужой порядок.

Россия в исследованиях Ю.М. Осипова обретает адекватное сознание и самосознание, смысловой и рационально прагматический образ своего грядущего. Вот только успеть бы воспользоваться этим духовным сокровищем!

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990—2023: избранные тексты, включая и остро сюжетные: В 3 т. М.; Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2024.
2. *Осипов Ю.М.* Страда. Непокорный автоопус. О себе самом — от себя и со стороны. М.; Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2023.

References

1. *Osipov YU.M.* Rossijskoe pereput'e: iz veka dvadcatogo v vek dvadcat' pervyj. 1990—2023: izbrannye teksty, vključaya i ostrosyuzhetnye: V 3 t. M.; Tambov: Izdat. dom «Derzhavinskij», 2024.
2. *Osipov YU.M.* Strada. Nepokornyj avtoopus. O sebe samom — ot sebya i so storony. M.; Tambov: Izdat. dom «Derzhavinskij», 2023.

И.П. СМЕРНОВ

Мир идей Ю.М. Осипова*

Аннотация. Вероятно, справедлива известная мысль, что каждый человек — особый мир. Возможно, такой подход несколько превышает планку человека и недооценивает понятие «мир», трудно су-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. Мир идей Ю.М. Осипова // *Философия хозяйства*. 2026. № 4. С. 28—34. DOI: 10.5281/zenodo.20642475.

дить. В любом случае, говоря о Ю.М. Осипове, сталкиваешься с целыми бездноподобными мирами. Это мир поступков и свершений, мир эмоций и страстей, наконец, мир Иного, рассуждать о котором приходится только апофатически. В предлагаемом сочинении затронут по случаю лишь один из миров Ю.М. Осипова — мир его идей.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, история мысли, русская мыслительная традиция.

Abstract. Probably, the well-known idea that each person is a special world is fair. Perhaps this approach somewhat overestimates a human bar and underestimates the concept of «world» and it is difficult to judge. In any case, we come across whole worlds like the abyss, speaking of Yu.M. Osipov. This is the world of deeds and accomplishments, the world of emotions and passions, and finally, the world of the Other, which has to be discussed only apophatically. In the proposed article, there is only one of the Yu.M. Osipov's worlds, the world of his ideas.

Keywords: Yu.M. Osipov, history of thought, Russian thought tradition.

УДК 93
ББК 65в

В пульсирующем ритме отечественной мысли, где вековые традиции сплетаются с дерзновенными прозрениями, особое место занимает самобытный культурный феномен, связанный с именем Юрия Михайловича Осипова. Его учение — не просто научная школа в классическом понимании, а, скорее, мыслительная школа, живая ткань идей, где синтезируются философия, экономика, теология, антропология и еще нечто иное, не поддающееся точной дефиниции, но выраженное в авторском стиле. Причем неповторимый стиль этот играет, наряду с прочим, роль интеллектуального и образовательного ценза для читателей — для значительного их числа, говоря по правде, непреодолимого.

И. Бродский, анализируя Ф.М. Достоевского, заметил, что повествование его идет зачастую не за мыслью, а непосредственно за словом, и дал этой особенности писателя название — «всеядная прожорливость языка». Думается, такое определение в полной мере применимо к Осипову. Мир его идей представляет собой не собрание

догм и «скрижалей», а приглашение к совместному размышлению, где методологические границы растворяются перед лицом реальности, требующей не столько рационального объяснения или даже дильтеевского «вживания», сколько метафизического постижения. В этом — парадокс и сила осиповского подхода: он не отрицает науку, но выводит познание за ее пределы, туда, где логика уступает место интуиции, а формулы и модели — откровению.

Здесь, конечно, существует гносеологическая проблема. Интуиция, как подчеркивал Н.О. Лосский, по-русски означает «созерцание». Значит, все дело в зоркости созерцающего, в том, что принято называть масштабом личности. В «Умозрении и откровении» Л.И. Шестов справедливо ставил второе выше первого в рамках русской мыслительной традиции. Но, до какого предела открывается истина познающему, тоже зависит от величины его личности. Предположу, что эта проблема решается наличием школы Осипова, диктующей и задающей определенные когнитивные принципы и образцы. Причем ей имманентно присущи развитие и динамизм, ведь главный ее объект составляет постоянно изменяющаяся реальность, в актуальном мире калейдоскопичная, определяемая Осиповым как мерцающая.

Проблема идентификации научных школ давно тревожит историографов: как уловить ту невидимую нить, что объединяет мыслителей, если их связь не сводится к единому методу или институциональной принадлежности? В случае с русской как экономической, так и философской мыслью попытки жесткой классификации нередко наталкиваются на сопротивление материала. Ведь национальная культура создает свой уникальный контекст, где идеи прорастают из почвы традиции, а не из формальных критериев научности. Именно поэтому концепция «мыслительной школы» кажется более уместной для описания феномена Ю.М. Осипова: здесь важнее не методологическое единообразие, а общность творческих принципов, устремленность к целостному охвату действительности, который может быть основан на рассмотрении всего одной «капли», как у А.А. Зиновьева. Эта целостность — не абстрактный идеал, а живая потребность времени, когда мир, раздробленный учеными экспертами на множество дисциплин и субдисциплин, обреченно теряет способность видеть себя как единое целое.

В истоках этого устремления к целому — русский Серебряный век, эпоха, предчувствовавшая грядущие потрясения. Тогда национальная мысль заговорила, вспомнив славянофилов, о необходимости синтеза веры, разума и чувства, о преодолении «раздробленности сознания», порожденной западным рационализмом. «Время славянофильствует», — провозгласил В.Ф. Эрн. На этом фоне и возникла философия хозяйства — одно из самых самостоятельных направлений русской мысли. С.Н. Булгаков, чье учение о хозяйстве стало предтечей осиповских идей, двигался от политэкономии к философии, а затем к теологии, воплощая идеал «цельного знания». Его софиология, несмотря на предметную критику с позиций как философии, так и богословия, обозначила вектор — поиск единства науки, философии и религии. Но Осипов идет значительно дальше: он провозглашает уже не синтез, а преодоление этих сфер, выход за их пределы в пространство «знания-размышления», где познание становится трансцендентным актом. В этом движении — не отрицание прошлого, а его преображение (восхождение, отражение, обнажение, обретение и, судя по всему, обречение): Булгаков искал мост между мирами, а Осипов указывает на дверь, ведущую поверх мостов за пределы очерченных миров...

Есть ряд основополагающих принципов, объединяющих философию хозяйства в обеих ее интерпретациях (Булгакова и Осипова) с общим руслом русской мыслительной традиции. Это амбивалентное отношение к науке — признание ее заслуг при четком осознании границ познавательного потенциала; онтологизм и практическая направленность, стремление не к абстрактным построениям, а к осмыслению реальной социальной жизни, глубинных изменений в человеке; эсхатологизм, внимание к конечным судьбам человечества; идея всеединства при взгляде на мир в сочетании с органично встроенной в нее теорией культурно-исторических типов; критика экономизма и теории линейного прогресса с ее детерминизмом и утилитаризмом; особая гносеология, восходящая к идее «живознания» — созерцания невидимого через видимое. В этой традиции знание никогда не было самоцелью: оно всегда служило проводником к чему-то большему — к смыслу, к тайне, к самому бытию.

Ключевое понятие системы Осипова — смыслология, способ откровенческого проникновения в скрытые от тщательного и скрупулезного исследователя смыслы реальности. Это не аналитический метод, а, скорее, интуитивное «софийное взаимодействие» с миром, где София выступает как оказывающая не столько помощь, сколько покровительство, посредница между тварным и божественным. В отличие от булгаковской софиологии, втянутой в полемику о границах теологии и философии, софиасофия Осипова отстраняется от этих споров, сосредоточиваясь на актуальном обществоведении и антропологии. Она утверждает: реальность не поддается линейному объяснению, ее глубинные процессы управляются тем, что мыслитель характеризует как «Незнаемое» — силой, неуловимой рациональными категориями, но задающей направление человеческой истории. «Незнаемое» таковым и остается, оно — не пробел в знании, а сама ткань бытия, та невидимая ось, вокруг которой вращается мир. Как антиномии православного сознания в «Столпе и утверждении истины» П.А. Флоренского.

Эти идеи тоже отчетливо перекликаются с русской мыслительной традицией в целом. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев говорили о самобытности цивилизаций; В.С. Соловьев и его последователи развивали концепцию Богочеловечества; Н.А. Бердяев пророчествовал о «новом Средневековье» и роковой роли техники для человека; Г.П. Федотов размышлял о рождении нового антропологического типа. Все они, как и Осипов, сопротивлялись идее прогресса, видя в ней «каннибальскую цель» (Булгаков), где нынешние поколения становятся «унавоживанием» для благополучия грядущих. В осиповской интерпретации постмодерн — не культурное направление, а онтологический сдвиг, эпоха, где человек, вооруженный техникой и обусловленный ею, становится самонадеянным демиургом, пересотворяющим мир, но в итоге самого себя. Этот процесс несет угрозу: искусственный мир грозит поглотить своего творца. Здесь — точка пересечения мысли Осипова с современными дискуссиями о судьбе искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект, этот «демиург в миниатюре», кажется воплощением рациональной мечты о всевласти разума. Он способен просчитывать миллионы вариантов, находить оптимальные решения, моделировать реальность — но именно в этом и кроется

опасность. Его математическая логика лишена того, что Осипов называет «смысловым измерением». Он оперирует данными, но не понимает смысла; создает симулякры, но не способен к откровению. В нем — апофеоз западного рационализма, мир, сведенный к алгоритмам, так же как человек — к функции, а истина — к вероятности. Осипов же настаивает вслед за Достоевским: подлинное знание начинается там, где кончается расчет. Его «смыслология» — не метод, а естественный интеллект в высшем смысле: способность слышать тишину между словами, видеть невидимое, чувствовать связь времен. Это интеллект, укорененный в традиции, в опыте, в метафизической глубине — тот самый «живой разум», о котором убежденно говорили славянофилы.

Особая черта осиповского мировоззрения — представление о сакральной миссии России, выраженной через концепт «иномирности». Подобно Лествице Иакова у Булгакова, Россия видится соединительным звеном между земным и небесным, пространством, где реальность проявляет свою метафизическую глубину. Это не геополитическая доктрина, а снова метафизическая интуиция: страна, не вписывающаяся в рациональные схемы, хранит потенциал спасения мира через сопричастность Иному. В эпоху, когда искусственный интеллект обещает решить все проблемы, кроме главной — проблемы человеческого смысла, именно эта «иномирность» становится спасительной альтернативой. Она напоминает: мир не исчерпывается тем, что можно измерить, просчитать и оптимизировать. Есть нечто большее — то, что нельзя запрограммировать, но можно личностно пережить.

Сегодня гуманитарная сфера России переживает кризис, усугубленный многолетним пренебрежением к ее специфике. В то время как естественнонаучные дисциплины получают поддержку за прикладную ценность, гуманитарное знание остается на периферии. Между тем именно оно — фундамент культурного суверенитета, без которого невозможны ни политическая, ни экономическая независимость. Русская мыслительная традиция, с ее вниманием к целостности личности и метафизическим основаниям бытия, предлагает альтернативу западному рационализму, где личность распадается на фрагменты, а реальность сводится к набору данных. Неслучайно в

данных самого разного рода современная постэкономика (по Осипову) видит свой основной ресурс. В этом контексте философия хозяйства — не архаика, а вызов современности: она требует не просто знать, а понимать; не управлять, а соучаствовать.

Смыслология Осипова — ответ на этот вызов. Она констатирует: реальность не исчерпывается законами природы или общества, ее суть обнаруживается лишь в акте трансцендентного постижения, где познающий воспринимает себя как соучастник бытия. «Надо находиться внутри», по утверждению Осипова. Изнутри реальности ищет он подступы к раскрытию ее неочевидных смыслов и, как подчеркивает сам мыслитель, его мировоззренческая система «не столько собственно знание, сколько ключ к знанию», отвечающий не рациональному познанию, а метафизическому приближению к истине. В эпоху одержавшего полную и окончательную победу «восстания масс» (Х. Ортега и Гассет) и господства узкоспециализированных научных дисциплин его мысль звучит как призыв к восстановлению единства — единства знания, единства личности, единства культуры. Это совсем не однородность, а симфония, где каждый голос сохраняет свою уникальность, но звучит в гармонии с другими.

Россия сегодня вновь, как часто бывало, на историческом распутье. С одной стороны, в этом испытание, с другой — шанс обрести голос, освободившись от навязчивого подражания. Реальность, как ее понимает Осипов, смеется над стройными теориями, не учитывающими ее метафизической глубины. Но именно в этой глубине — источник силы, позволяющий не просто выживать, но и творить историю. И если русская мысль сохранит верность своему призванию — быть посредником между земным и небесным, она сможет предложить миру не очередную идеологию, а путь к подлинному пониманию человека и его места во Вселенной. Путь, где искусственный интеллект станет инструментом, а не господином; где естественный интеллект — способность чувствовать, понимать, творить, любить — останется подлинным мерилем человечности. Как предпочитает говорить Юрий Михайлович: да будет!

В.Е. ГАВРИЛОВА

**Сущность и функции действительных денег в трудах
и размышлениях Ю.М. Осипова***

Аннотация. Проблемы сущности и функций действительных денег являются малоизученными и дискуссионными, несмотря на непреходящую актуальность и сложность, что стало особенно очевидным в условиях цифровизации экономики в целом и денежной системы в частности. В этой связи заслуживают особого внимания научные концепции представителей школы философии хозяйства под руководством Ю.М. Осипова, в которых, намного опережая время, были подняты вопросы глобальной сущности, особой субъектности, виртуализации стоимости, социальных функций современных денег, а также проблема государственности в условиях нарастающего доминирования частных криптовалют в рамках платформенной экономики.

Ключевые слова: действительные деньги, функции денег, сущность денег, криптовалюта, бизнес-платформы.

Abstract. The problems of the essence and functions of real money are poorly understood and debatable, despite their continuing relevance and complexity, which has become especially evident in the context of the digitalization of the economy as a whole, and the monetary system in particular. In this regard, the scientific concepts of the representatives of the School of philosophy of economics under the leadership of Yu.M. Osipov deserve special attention, in which, far ahead of time, the issues of global essence, special subjectivity, value virtualization, social functions of modern money, as well as the problem of statehood in the context of the increasing dominance of private cryptocurrencies within the framework of the platform economy were raised.

Keywords: real money, functions of money, essence of money, cryptocurrency, business platforms.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гаврилова В.Е. Сущность и функции действительных денег в трудах и размышлениях Ю.М. Осипова // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 35—41. DOI: 10.5281/zenodo.20642508.

УДК 336.74
ББК 65.262.6

Блестящая образованность, широта взглядов и честность мысли — вот что отличает истинного ученого, который, независимо от политических ветров, организационных границ, научной моды и т. п., размышляет над самыми сложными явлениями, указывая на их внедисциплинарный, межкультурный, дискуссионный характер, ставит неудобные вопросы и продвигается к истине. Именно таковой является позиция Юрия Михайловича Осипова по поводу денег — на мой взгляд, самого неоднозначного и сложного явления хозяйственной жизни.

Логично предположить, что собственный оригинальный подход Юрия Михайловича к пониманию денег сформировался благодаря погружению в реальную жизнь и практику экономических и социальных отношений в стране с эталонным вариантом капиталистических отношений, с одной стороны, и глубокому теоретическому анализу вопросов политэкономии империализма и государственно-монополистического капитализма — с другой. Этот целостный, с безупречной внутренней логикой анализ был представлен в работах «Государственное программирование капиталистической экономики (на примере Франции)» (1979) и «Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма» (1987).

Тема денег как явления системного, неисключаемого из философии не только хозяйства, но и жизни в целом, находящегося в развитии, поднимается в работах Ю.М. Осипова неоднократно в разные годы, переосмысливается, но всегда рассуждения автора характеризуются широтой, опережают время и стимулируют к анализу. При этом как у молодых, так и у более опытных ученых не возникает чувства скованности и неуверенности в своих силах, а, скорее, наоборот, появляется драгоценное чувство интеллектуального полета к свету истины.

Широта взглядов, системность

Экономика, помещенная в математическое пространство-время, погруженная в мир математических смыслов и образов, раскрывает явления и события на поверхностном функциональном

уровне и в характерной для эконометрики двумерной системе координат сообщает, что деньги являются товаром особого рода, объектом специфического рынка, со своими спросом и предложением, ценой, волатильностью. По сути, в данном случае деньги остаются на уровне микрохозяйственного анализа.

Теория хозяйства, разработанная Ю.М. Осиповым, призывает мыслить объемно, оперировать сущностными характеристиками явлений. Применительно к деньгам, автор (не применяя этого термина) рассматривает деньги действительные, т. е. те, которые выполняют свои специфические для соответствующего типа товарного производства денежные функции. На более ранних стадиях развития рыночного обмена действительными были товарные деньги. Они обслуживали движение товаров и являлись полноценными инструментами обмена. Кредитные деньги выражают отношения долга, получают свое развитие вместе с расцветом банковской системы и обслуживают движение капиталов, а позднее формируют фиктивный капитал. Кредитные деньги выражают общественный характер ценности капитала. Только в кредитных деньгах проявляется их экономическая сущность как общественного отношения. Кредитные деньги выражают величину стоимости и нуждаются в общественной гарантии или одобрении. Оба вида денег — товарные и кредитные — развиваются не последовательно, а параллельно, каждый вид на своем базисе, являясь действительными деньгами в той или иной степени

Раскрывая сущность действительных денег, Ю.М. Осипов указывает на их глобальную сущность как эквивалента, действующего «в целостном, т. е. макровоспроизводственном, мире товаров» [5, 179].

Поскольку деньги являются всеобщим хозяйственным средством ведения хозяйственной деятельности, а также средством создания и поддержания макроразвития экономической системы, они, по мнению Ю.М. Осипова, выполняют два рода функций: частные, или конкретно-хозяйственные, известные благодаря К. Марксу (мера стоимости, средство платежа и образования сокровищ), и общие функции. К последним автор относит способность и назначение денег являться всеобщим хозяйственным энергоинформационным средством, что, по сути, делает деньги всеобщей хозяйственной силой. Автор справедливо полагает, что деньги сродни экономической

энергии — «пластичные, подвижные, легко разделяющиеся и соединяющиеся, да еще и объемлющие всё и вся, со всем взаимодействующие, отовсюду вытекающие, везде пребывающие и повсюду проникающие» [5, 181], они выступают как уникальное хозяйственное средство, которое одновременно является и началом, и завершением хозяйственной жизни.

Взгляды, стимулирующие к глубокому анализу предмета

Особое место в библиографии Ю.М. Осипова по проблемам денег занимает монография «Экономическая теория в XXI в. — 6 (13): Деньги», в которой освещены проблемы сущности, функций денег, их философия, социология, трансцендентность, их вектор развития, институциональность, вопросы количества и качества, которые и на сегодняшний момент не являются разрешенными [8].

Особенно следует отметить, что вопрос о качестве денег был поднят Юрием Михайловичем в далеком 1995 г. в работе «Теория хозяйства», где автор указывает, что стоимость денег в виде монет носит принудительный характер. При этом принудительность стоимости позволяет монетам сохранять свою хозяйственную значимость после естественной или принудительной (порчи) потери веса или содержания драгоценных металлов. Это свойство принудительности открывает двери для фальсификации со стороны государства, а в современное время оно принимает самые разнообразные формы. Это особенно важно в рамках мирового хозяйства, когда не просто национальная валюта обесценивается под воздействием государства, а когда национальные валюты принудительно теряют свою привлекательность и дешевеют в результате манипуляций со стороны стран-лидеров. Это привело к формированию валютной иерархии стран и даже целых регионов, что стало предметом анализа в моей статье «Валютные пространства современности в условиях международного трансформационного кризиса» [1].

А еще работа с Юрием Михайловичем — с глазу на глаз, на конференциях и рабочих встречах, или заочная, через его книги, — каким-то непостижимым образом всегда получается легко и быстро, а выводы и заключения иной раз приходят как будто прямо из носферы, иногда являются в законченном и неожиданно-готовом виде, словно дар [4].

Взгляды, опережающие время

В 1995 г., когда Россия выживала в экономике тотальных неплатежей, когда в лексикон, а чуть позднее и в сознание (еще советских) людей ворвалось иностранное слово «банкротство»³, трудно было представить, что деньги являются особым субъектом. Будучи инструментом вмешательства в хозяйственные процессы, наряду с предприятиями, индивидуальными и институциональными инвесторами, потребителями, хозяйственными государственными органами, деньги влияют на будущее целых секторов экономики, не говоря уже о семьях, судьбах, традициях, культуре, сознании, а может, и генетике рода человеческого. Сегодня особая субъектность денег со всей очевидностью выражается в рыночности сознания, что приносит многочисленные ментальные деформации в обществе [2].

Развивая идею о многослойности денег, Ю.М. Осипов одним из первых в отечественной научной мысли четко указывает на траекторию развития денежной системы от реальных товарных денег к идеальным деньгам-цифрам на счетах экономических агентов. Сегодня, когда россиян опекает Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, идет полным ходом цифровая трансформация государства, оцифрованными оказались практически все транзакции в экономике, особенно явственно проступает научная прозорливость Ю.М. Осипова. Он предсказал еще на излете XX столетия процесс неминуемой цифровизации в целом, а также трансформацию платежных инструментов в государственные эфемерные заменители денег.

Одним из важнейших научных выводов, опередивших время, стал призыв Ю.М. Осипова оберегать принципиальную государственность денег, поскольку «экономика не может осуществляться без властно-институциональной организации, не быть сознательно и даже из единого центра организуемой» [5, 189].

Именно эту функцию власти — создавать и воспроизводить государственность с помощью денег — сегодня размывают как многочисленные бизнес-платформы со своими суррогатными платеж-

³ «Банкротство» происходит от слияния двух итальянских слов *banca* и *rotto*, что означает сломанная скамья — та самая скамья, на которой был заключен договор, который разорил одного из контрагентов. — В.Г.

ными инструментами (криптовалюты Bitcoin, Ethereum), баллы лояльности, токены игровых платформ и т. п.), так и частные майнеры со своими цифровыми монетами (криптовалютами). При этом общее число частных криптовалют, по разным оценкам, достигло в 2026 г. более 20 тыс. [7]. Предвосхищая этот факт, Юрий Михайлович провидчески заявил в 1995 г.: «Государственность денег не просто их генетическая и содержательная особенность, это еще и сама возможность в руках государства воздействовать на деньги, а через них и на всю хозяйственную жизнь. Великая возможность! Запомним, читатель, сей примечательный факт, это нам еще пригодится» [5, 189].

В качестве заключения следует отметить, что была освещена лишь малая толика вопросов, связанных с сущностью действительных денег и поднятых в трудах Ю.М. Осипова. Осмысление этого явления будет занимать умы не одного поколения ученых, а научная школа Ю.М. Осипова является тем признанным фундаментом, на котором будет строиться действительная экономическая мысль будущего не только российской, но и мировой науки.

Литература

1. *Гаврилова В.Е.* Валютные пространства современности в условиях международного трансформационного кризиса // Вестник Моск. ун-та. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2022. № 4. С. 27—39.
2. *Гаврилова В.Е.* Денежные суррогаты как инструмент иллюзорной социальной эмансипации в XXI в. // Философия хозяйства. 2024. № 3. С. 82—93. DOI: 10.5281/zenodo.11235242.
3. *Гаврилова В.Е.* Реальные и мнимые функции денег в современных условиях // Философия хозяйства. 2024. № 2. С. 72—88. DOI: 10.5281/zenodo.10869307.
4. *Гаврилова В.Е.* Эволюция концептуальных основ теорий денег: Монография. М.: Изд. дом «Научная библиотека», 2023. 296 с.
5. *Осипов Ю.М.* Теория хозяйства. Учебник: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во МГУ, 1995.
6. *Осипов Ю.М.* Экономика как есть (откровения Зоила, или Ссудный день экономизма): антиподобие. Изд. 2-е. М.; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. 333 с.

7. Сколько криптовалют существует в 2026 году: URL: <https://dtf.ru/top-smm/3081564-skolko-kriptovalyut-sushestvuet-v-2026-godu-aktualnye-dannye-i-statistika-obnovleno-23012026> (дата обращения: 16.02.2026).

8. Экономическая теория в XXI веке — 6 (13): Деньги / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2007. 344 с.

References

1. Gavrilova V.E. Valyutnye prostranstva sovremennosti v usloviyah mezhdunarodnogo transformacionnogo krizisa // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 27. Globalistika i geopolitika. 2022. № 4. S. 27—39.

2. Gavrilova V.E. Denezhnye surrogaty kak instrument illyuzornoj social'noj emansipacii v XXI v. // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 3. S. 82—93. DOI: 10.5281/zenodo.11235242.

3. Gavrilova V.E. Real'nye i mnimye funkcii deneg v sovremennyh usloviyah // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 2. S. 72—88. DOI: 10.5281/zenodo.10869307.

4. Gavrilova V.E. Evolyuciya konceptual'nyh osnov teorij deneg: Monografiya. M.: Izd. dom «Nauchnaya biblioteka», 2023. 296 s.

5. Osipov YU.M. Teoriya hozyajstva. Uchebnik: V 3 t. T. 1. M.: Izd-vo MGU, 1995.

6. Osipov YU.M. Ekonomika kak est' (otkroveniya Zoila, ili Ssudnyj den' ekonomizma): antipodobie. Izd. 2-e. M.; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2018. 333 s.

7. Skol'ko kriptovalyut sushchestvuet v 2026 godu: URL: <https://dtf.ru/top-smm/3081564-skolko-kriptovalyut-sushestvuet-v-2026-godu-aktualnye-dannye-i-statistika-obnovleno-23012026> (data obrashcheniya: 16.02.2026).

8. Ekonomicheskaya teoriya v HKHI veke — 6 (13): Den'gi / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj. M.: TEIS, 2007. 344 s.

А.А. ПОГРЕБНЯК

**Мыслить иначе — мыслить Иное — быть Иным
(к 85-летию Ю.М. Осипова)***

Аннотация. В статье рассматривается понимание философии хозяйства как метафизики Иного. Такое понимание было предложено Ю.М. Осиповым в ряде его последних работ. В статье показывается, что концепт Иного работает как на уровне содержания, так и на уровне формы, характерной для мысли Ю.М. Осипова. В последнем случае концепт Иного может выполнять критико-идеологическую функцию.

Ключевые слова: философия хозяйства, Иное, язык, форма мысли, Платон, Ю.М. Осипов.

Abstract. The article examines the understanding of philosophy of economy as the metaphysics of the Other. This understanding was proposed by Yu.M. Osipov in several of his recent works. The article demonstrates that the concept of the Other operates both at the level of content and at the level of form, characteristic of Osipov's thought. In the latter case, the concept of the Other can fulfill as a resource for a critique of ideology.

Keywords: philosophy of economy, Other, language, form of thought, Plato, Yu.M. Osipov.

УДК 111

ББК 65в

Что-о, разве не так?

Ю.М. Осипов

В одном из своих текстов Юрий Михайлович утверждает вполне серьезно (хотя, кажется, и не без иронии): «Согласно уже установившемуся бренду, Я — это *философия хозяйства*, рожденная более столетия назад в России, в Московском университете, затем нарочито на восемь десятков лет забытая, причем прежде всего

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Погребняк А.А. Мыслить иначе — мыслить Иное — быть Иным (к 85-летию Ю.М. Осипова) // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 42—48. DOI: 10.5281/zenodo.20642556.

как раз в России, точнее в СССР, будучи старательно упрятанной в библиотечных заказниках по воле заправлявших в стране в гуманитарной сфере “правильных научных марксистов”, затем внезапно-намеренно переоткрытая, причем все там же, аккуратно уже на исходе СССР, в России, во все том же, хоть уже и заметно ином, Московском университете (МГУ), ну и там же в России и, прежде всего, во все том же МГУ, целостно развитая и, хоть и обретшая официальный статус научной школы, но в то же время официально никак не квалифицируемая как значительное гуманитарное, причем российское и мировое, достояние — ДОСТОЯНИЕ!» [2, 11—12].

Кто-то увидит в этих словах диагноз, укажет на комплекс непризнанного гения (вспомнив здесь, как будто вполне кстати, названия глав «Ессе Ното» Фридриха Ницше: «Почему я так мудр», «Почему я пишу такие хорошие книги», «Почему являюсь я роком»). На это, однако, можно ответить, что «скромное» обозначение себя как всего-навсего «специалиста в такой-то области» (типа: «я не философ, а лишь преподаватель философии», или «историк философии», или «исследователь мысли Сергея Булгакова и т. д., и т. п.) вполне может быть заряжено куда большей, пусть и скрытой, манией величия, ведь подобное самоуничижение бессознательно адресовано некоему Богу, который должен признать в этом жесте «одного из малых сих» подлинное величие. Но важнее другое: в высказанном суждении предполагается ведь не только и не столько тождество субъекта и предиката, сколько выявление в предикате *истины* субъекта — истины, которая требует пересмотра и, возможно, отказа от того содержания, которое до этого момента составляло непосредственное достояние субъекта. Ведь даже в тождественном суждении (А есть А, Я есть Я) предикат высказывает нечто *иное*, чем то, что зафиксировано в субъекте — хотя бы: я есть именно я, а не некто иной, за которого вы меня до сих пор принимали. Поэтому разоведем, раскроем тезис Юрия Михайловича: «Я, конечно, обладает неким своим достоинством или достоянием — но его истина обнаруживается в совершенно *ином*: в *философии хозяйства*». Или, переиначивая известную формулу Фрейда: «Там, где было оно, т. е. “мое Я”, там теперь должна быть она — философия хозяйства». Истина всякого «Я» в том и состоит, что само по себе оно — местоимение, само же имя (здесь: «Философия хозяйства») означает то, что стоит на этом месте — или, точнее, должно стоять. Таков жест любой философии, достойной

своего имени: суверенный отказ от «своего» Я в пользу его истины, которая всегда означает нечто *иное*, чем то, что казалось «правильным» прежде. Гераклит: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (Логос), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно» [4, 199] — то есть там, где я барахтаюсь в куче «всего», там Логос видит и знает одно — *как иное «всему»*.

Конечно, Юрий Михайлович (как и Гераклит) остается самим собой — со своей биографией, идеологическими предрассудками, вкусами и пристрастиями, — но в то же время непрерывно становится *иным*, захватывается тем, что ему открыло себя под именем «философии хозяйства» (а как же еще могло назваться *Иное*, чтобы смочь обратить на себя внимание профессионала в области «экономической науки», или по-старому — «политической экономии»?).

(В скобках отметим, что это пробуждение для философии хозяйства как истины своего Я, произошедшее спустя восемь десятков лет после рождения самой этой истины — выглядит как нечто чудесное, фантастическое. Неслучайно процитированный выше пассаж до мелочей напоминает сюжет романа Евгения Водолазкина «Авиатор», где замороженный в 1920-е гг. «ровесник века» вдруг размораживается в самом конце 1990-х — и понимает, что, несмотря на все усилия освоиться в новой эпохе, остается для всех чужим, т. е. — радикально иным; но ведь таковым он становится и для самого себя!)

Однако эти чудесность и чуждость («странность Софии», как сказал бы Владимир Биbihин; «софиасофия», как говорит Юрий Михайлович — тем самым выражая отстраненность Софии от самой себя, причем именно там и тогда, где и когда она, как кажется, совершенно слилась, совпала сама с собою!) суть изначальные атрибуты философской мысли — неслучайно ведь Платон в диалоге «Софист» вкладывает учение о «высших родах сущего» в уста того, кого называет *Чужеземцем*. Этих родов, как известно, оказывается пять — само сущее, а затем покой, движение, тождественное и иное; через причастность к ним определяется все то, что существует или может существовать. Но примечательно то, что именно *иное* (ἕτερόν) оказывается совершенно специфично, поскольку его природа проходит через все прочие эйдосы, ведь каждый из них является иным в отношении других не в силу собственной природы, но из-за причастности идее иного [3, 327]. А это значит, что все в той или иной мере чревато иным, и, раз уж я существую, то в «моем» существовании («моем»

бытии) обязательно есть нечто иное, нечто не от меня, нечто такое, чем я не владею (но то, что, возможно, и даже наверняка, владеет мной!).

Иное, тем самым, оказывается самой сутью бытия — как того, что никогда целиком не может быть присвоено никакой самотождественной сущностью. И понятно, что как раз неизбывная тревога по поводу такой чуждости, странности, инаковости бытия порождает в человеке — в человеке-мыслителе — тоску по некоему подлинному месту, где это бытие могло бы чувствовать себя как у себя дома (имя этого места, конечно же, Утопия); а эта тоска, в свою очередь, порождает, не может не порождать, *идеологический фантазм*. Этого соблазна не избежали ни Платон в древности, ни Мартин Хайдеггер в XX в. Его, по всей видимости, вовсе невозможно избежать, но — через него следует попытаться перейти (если использовать язык психоаналитической доктрины Жака Лакана). Поскольку мышление, соответствующее своему назначению, может быть только *инакомыслием* (а мыслитель — всегда *иностранец в собственной стране!*) — постольку и само бытие есть становление иным (и, стоит предупредить возможные возражения гегельянцев — «снятие» никогда полностью не упраздняет эту инаковость). «Одно и то же — бытие и мышление» (Парменид), «*cogito ergo sum*» (Декарт) означают: «мыслить иное — значит быть иным».

Но что же такое иное (или даже Иное) «само по себе», «в себе и для себя»? Разумеется, не просто «нечто иное», т. е. иное лишь по отношению к чему-то данному, не просто какая-то другая вещь — но то, что является иным прежде всего в отношении самого себя; то, что всегда оказывается в другом месте, нежели то, где мы попытались зафиксировать его след.

Возвращаясь к попытке определить специфику мысли Юрия Михайловича — что в этой мысли выражает эту приверженность иному (Иному) в наиболее чистом виде? На мой взгляд, это проявляется прежде всего в языке, которым эту мысль доносят до нас — в том, как ведется речь, о чем бы она ни шла: о хозяйстве ли, об экономике ли, о России ли, о Западе ли, о человеке ли, о Боге ли — наконец, об этом (или том?) самом ином (Ином) — ведь везде и всегда дискурс Юрия Михайловича выстроен так, что его форма, манера, строй неизменно оспаривают, подрывают, *пере-иначивают* то, что в данный момент составляет предмет речи и мысли.

Вы хотите образец, пример? Пожалуйста: «Сознание в основе своей — хаос, философия — тоже хаос, гуманитарная наука — хаос, так ведь и хозяйство — хаос, и экономика, и государство, как и все жизнеотправление, причем везде хаос сей не простой, не броуновский, а *творящий*, однако что же творит-то он, этот самый хаос... нет, не одни лишь энтропию, беспорядке и ту же пустоту, а и кое-что обратное, вполне себе и порядковое, правда, в хомо-социосфере не математически выверенный порядок, ибо все отмеченное хаосное во все и не атрибутивно точной часовой механике или тому же смиренно-упорядоченному погосту (впрочем, и тут, и там хаоса тоже по-своему хватает!)... а творит сей вовсе не броуновский хаос из себя не что иное, как *воспроизводственный (действенный) хаосмос*, что означает, конечно, не какой-то железобетонный конструкт, а нечто среднее между *хаосом* и *космосом*, впрочем, почему и не сам космос, пусть и его совсем малую часть, ибо сам космос тоже есть во многом не что иное, как безграничный хаосмос» [1, 21].

Это предложение (всего-навсего одно предложение!), рискну сказать, содержит в сжатом виде все самое главное в мысли Юрия Михайловича — поскольку здесь выраженно представлено то, как проявляет себя иное (Иное) даже тогда, когда речь идет, казалось бы, о нем самом, причем в наиболее сильной форме — ведь чем еще могло бы быть «сорвавшееся с петель» иное как не хаосом? Как кажется, в этом предложении иное (Иное), т. е. хаос, в итоге таки примиряется с Тожественным, т. е. космосом, образуя синтетическую фигуру «хаосмоса». И все-таки — нет! Понять эту мысль так — значило бы вычитать из нее еще только пытающуюся утвердиться некую идеологическую конструкцию, некий примирительный «концепт» («железобетонный конструкт»). Но иное (Иное) продолжает чесать высказанное в этом предложении против шерсти; иное (Иное) представлено здесь не столько именами существительными (хотя, конечно, и они порою странны: «беспорядке», «хомо-социосфера»...), сколько теми «незначимыми частицами» (так Гоголь определял манеру речи своего Акакия Акакиевича — чтобы показать, сколь значительно то, что стоит за этой «незначимостью»), которые *снова и снова подвешивают все только что установленное* — «нет, не одни лишь...», «а и кое-что обратное», «а вполне себе...», «впрочем, почему и не сам...». Как отличается это от операторов догматического,

командно-бюрократического, тоталитарного дискурса с его «значит», «следовательно», «иначе и быть не может», «эти товарищи не правы» и т. д., и т. п.! В последнем случае налицо не усмотрение проблемы и не постановка вопроса (включая проблематизацию и постановку под вопрос собственной позиции), но — забивание гвоздей в мозг! Вот, это то самое, что меня привлекало и привлекает в мысли Юрия Михайловича: сколь бы консервативными и традиционалистскими ни были его взгляды и идеи, та форма, в которой они получают свое бытие, диалогична и полемична в отношении не только чужого (иного), но и своего собственного (а значит, также не лишнего инаковости!) содержания! Даже симпатии, высказываемые в адрес сталинской эпохи, приобретают здесь выраженно антисталинистские черты! Ведь иное, если брать его всерьез, является иным как в отношении «демократических» и «либеральных», так и «тоталитарных» и «антилиберальных» идеологических установок. Не «Суворов против Наполеона» и не «Рублев против Леонардо», а Иное, проходящее сквозь обоих и заставляющее каждого становиться иным.

Вот почему в суждениях типа «Я — достояние» или «Я — философия хозяйства» нужно видеть не только постулирование своего отличия от других (людей, школ, концепций), но, прежде всего, выявление иного (Иного) в самом себе, *иного себя* — и Юрий Михайлович, конечно же, делает именно это, никогда не позволяя сказанному и продуманному совпасть с самим собой в догматической тождественности. Такое достояние, будучи радикально иным, никогда не будет угодным никакой власти, будь она политическая или академическая, а то и вовсе — божественная (власти не нужны проблемы без гарантированных решений и вопросы без «единственно верных» ответов). Язык же такой мысли, коль скоро она излагает себя по-русски, будет всегда *иным* русским языком⁴, а, стало быть, и Россия, о которой этим языком будут говорить, будет всегда иной, причем прежде всего — в отношении самой себя. И такой «иной русский», возможно, будет куда ближе «иному немецкому» (скажем, Гегелю или Хайдеггеру) или «иному французскому» (скажем, Деррида или Делезу с Гваттари — последние, кстати, писали о хаосмосе!), нежели

⁴ О своем языке как «ином русском» сказал сам Юрий Михайлович в ответ на мои попытки описать особенности его словоупотребления.

«правильному русскому» (тех же «правильных научных марксистов», как и тех, кто приходит им на смену, присягая новым богам, но вновь и вновь всеми возможными способами отрекаясь от Иного). И тогда философия хозяйства, родившаяся в России, должна пониматься как *изначально входящая* в подлинно философский *Интернационал* — Интернационал *Иного*.

Что-о, разве не так?

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Текст второй. Философия хозяйства как достояние ИНОГО // Философия хозяйства. 2025. № 2. С. 17—28. DOI: 10.5281/zenodo.15148361.
2. *Осипов Ю.М.* Текст первый. Я — ДОСТОЯНИЕ, однако ИНОЕ! // Философия хозяйства. 2025. № 2. С. 11—17. DOI: 10.5281/zenodo.15148361.
3. *Платон.* Софист // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 275—345.
4. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.

References

1. *Osipov YU.M.* Tekst vtoroj. Filosofiya hozyajstva kak dostoyanie INOGO // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 2. S. 17—28. DOI: 10.5281/zenodo.15148361.
2. *Osipov YU.M.* Tekst pervyj. YA — DOSTOYANIE, odnako INOE! // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 2. S. 11—17. DOI: 10.5281/zenodo.15148361.
3. *Platon.* Sofist // Platon. Sobr. soch.: V 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1993. S. 275—345.
4. Fragmenty rannih grecheskih filosofov. CH. I. Ot epicheskikh teokosmogonij do vzniknoveniya atomistiki. M.: Nauka, 1989.

С.С. МЕРЗЛЯКОВ

Власть, культура, экономика и человек — сложные вопросы философии хозяйства*

Аннотация. В статье в краткой, тезисной форме представлены актуальные проблемы современной философии хозяйства. Статья посвящена юбилею руководителя лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: философия хозяйства, человек, культура, общество.

Abstract. This article provides a concise overview of current issues in contemporary philosophy of economics. The article is dedicated to the jubilee of Y. M. Osipov, head of the Laboratory of Philosophy of Economics at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University.

Keywords: philosophy of economy, human, culture, society.

УДК 101
ББК 65в

Мы не знаем, что происходит сейчас с человеком. Высока вероятность того, что человек умирает, — мы наблюдаем начало конца существования. Обращаю внимание — не начало конца существования человека, а начало конца существования самого по себе. Потому что единственным известным нам носителем существования является человек. Не станет человека — существование прекратит существовать.

На самом деле сейчас наш выбор сузился до двух вариантов: мы либо защищаем человека, либо отпускаем его — пусть умирает, а сами прыгаем в бездну и пытаемся там, внизу, что-то разглядеть — для себя. Это фундаментальный выбор. Выбор между надеждой на

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мерзляков С.С. Власть, культура, экономика и человек — сложные вопросы философии хозяйства // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 49—52. DOI: 10.5281/zenodo.20642582.

существование чего-то важного за пределами себя и чистым, незамутненным эгоизмом. Возможно, это выбор между абсолютным добром и абсолютным злом.

Экономика

Экономика до сегодняшнего дня была сосредоточена на ценности человека. Ценность человека определялась его физическими и интеллектуальными способностями. Эта ценность человека в качестве производителя благ в конце концов оказалась настолько высокой, что нам пришлось объявить его самоценностью, наделить его правами и даже вкладывать значительные ресурсы в его здоровье. Все ради самого ценного актива — человека. Мы даже придумали специальный термин — человеческий капитал. Для того чтобы максимально использовать этот капитал, мы заботились о здоровье человека, его психологическом благополучии, удовлетворяли его желания и убедили всех — включая себя — в том, что так и должно быть. Человек — главная ценность. Просто по факту своего существования. Разумеется, это ложь.

Сегодня человек становится заменимым. Непонятно пока, что быстрее будет заменено: физические или интеллектуальные возможности человека. Но уже понятно, что человек заменим. Он больше не является такой уж важной ценностью. И зачем тогда заботиться о человеке, его здоровье и благополучии? «Твое здоровье больше не конвертируется в мое высокое качество жизни», — скажет мне Другой. Человеческий капитал становится неликвидным капиталом. Экономический базис меняется, и мы слышим, как трещит нависающая над ним культурная надстройка.

Культура

Мы являемся наследниками культуры, которая поставила человека в центр мира. Этот антропоцентризм сначала греков, а потом европейцев эпохи Возрождения создал современную цивилизацию. И мы еще по инерции существуем в мире, где человек — это любимое творение Бога — «свободный и славный мастер». Мы еще по привычке говорим о гениальности человека, верим в великих художников и ученых, но уже понимаем, что гениальным творцом человеку будет становиться все сложнее. Настанет время, когда ни один гений

не сможет конкурировать с механизмом, обладающим всем накопленным знанием человечества и способным создавать причудливые узоры из всего этого знания.

Разумеется, заканчивается история. О какой истории может идти речь, когда одна иллюзия сменяет другую без формирования какого-либо отпечатка в нашей памяти. История — это иллюзия, в которой живут люди. Но это иллюзия, которую создавали люди для людей в качестве места обитания человека. Что случится, когда история перестанет быть местом обитания человека? Что случится, когда история перестанет быть способом актуализации и сохранения власти? И что вообще произойдет с самим феноменом власти?

Власть

Власть — это то, что структурирует жизнь политических животных и создает пространство их существования. Потоки власти создают величайшие произведения искусства и приводят к знаменательным открытиям. Ни один гений не реализовал бы свою гениальность, если бы так или иначе не попал бы в один из потоков власти. В вульгарном смысле власть — это способность заставить Другого делать то, что нужно тебе. Но что случится, когда Другой перестанет быть необходимостью для тебя? Если от Другого больше ничего не зависит и у него нет того, что тебе нужно — что произойдет с самим феноменом власти?

Человек теряет ценность — это значит и то, что он перестает быть субъектом и объектом властных отношений. Он становится вообще — в принципе — неинтересным. Потому что все, что раньше с трудом можно было получить от Другого, вероятно, вскоре можно будет получить искусственно. Привычные инструменты реализации власти — ложь, манипуляции, убеждения, идеологии, полезность, насилие — становятся избыточными. Что произойдет с властью и кому она будет принадлежать? Останется ли вообще субъект власти?

Человек

В конечном счете мы задаем вопрос: что происходит с человеком? В мире без истории и без фиксированного на сколь-либо длительное время положения дел человек будет меняться. Но в каком направлении? Разве мы можем уже сейчас жить ради какой-то идеи?

Этих идей слишком много, они быстро меняются, не оставляя ни следа в нашей памяти. Разве мы можем жить ради познания? Накопление, распределение и использование знания о мире больше не будет зависеть от нас. Разве мы можем жить ради продолжения рода? Даже если и понадобится продолжать наш род, то этим будет заниматься вещь. Мы и тут будем избыточны: наши гены, наши знания — все биологическое и социальное в нас, что мы передаем следующим поколениям, будет перекомбинировано и воспроизведено без нашего участия. В наших детях уже ничего от нас не останется.

И следует ли вообще нам ставить вопрос о том, ради чего мы живем? Для ответа на этот вопрос мы тоже не нужны. Возможно, вскоре вообще не будет того, кто способен поставить подобный вопрос. Возможно, мы — последние люди, последние носители существования?

Добро и зло

Или мы все-таки будем защищать человека — этого носителя существования? Но в этом случае мы должны показать, что ценность человека находится за пределами известных нам дефиниций этого самого человека. Это очень сложная задача.

* * *

Указанные вопросы — это самые сложные вопросы. Поиском ответов на эти вопросы занимается лаборатория философии хозяйства под руководством Ю.М. Осипова. Самое главное в этом поиске — это свобода. Особенностью лаборатории является то, что она всегда предоставляла ту самую академическую свободу, без которой гуманитарное знание невозможно. В этом — уникальность и незаменимость лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ. Можно ли ответить на вопросы, которые были здесь заданы? Я не знаю. Но мы попытаемся.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

Мир в мире*

Аннотация. Рожденная в эпоху великих перемен методология и метафизика философии хозяйства позволили Ю.М. Осипову понять суть России, перспективы мировой финансовой пирамиды, отразить во всей глубине и многообразии наш мир, соединить глубины мета-знания и пути решения конкретных хозяйственных проблем.

Ключевые слова: эпоха перемен, патриотизм, американский доллар, субэкономика, тренды, экономика, хозяйство, неизвестность.

Abstract. Born in the era of great changes, the methodology and metaphysics of the philosophy of economy allowed Yu.M. Osipov to understand the essence of Russia, the prospects of the global financial pyramid, to reflect in all depth and diversity our world, to connect the depths of meta-knowledge and ways of solving specific economic problems.

Keywords: era of change, patriotism, US dollar, trends, economy, household, uncertainty.

УДК 330
ББК 65в

В Китае лучшим пожеланием было избежать участи рождения в эпоху перемен. Китайцы толк в переменах знали... За пять тысяч лет их было немало в истории страны.

Когда старый мир, корчась от боли, разрушает самого себя — зрелище не для слабонервных. В такие минуты возникает ощущение, что завтра не наступит никогда, а впереди только тьма и пустота. Эмоциональный срыв перестает быть достоянием отдельной личности, словно эпидемия захватывает страны и народы. И в эти яростные мгновения появляются люди, сохранившие ясный взгляд на происходящее, сумевшие отделить зерна от плевел, смело взглянувшие в лицо нарождающегося нового мира.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шевченко И.Г. Мир в мире // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 53—55. DOI: 10.5281/zenodo.20642641.

В плеяде таких мыслителей, словно скала у бушующего моря, возвышается фигура Юрия Михайловича Осипова. Ученого, философа, провидца, рожденного в эпоху наибольших испытаний.

Спокойно, без вычурной чванливости и саморекламы, в течение десятилетий Юрий Михайлович познавал непознаваемое — саму глубинную суть России, всем сердцем чувствуя ее боль и ее радости. Тут не культивируемый исподтишка и поневоле патриотизм, а бессознательная щемящая любовь [1, 32]. И Россия платила ему взаимностью, щедро одаривая своей необъятностью. Эта бескрайность и бесконечность бытия словно в зеркале отразились в бесконечности познания, позволили ученому увидеть будущее не только страны, но и всего человечества.

Когда весь мир поклонялся и проклинал доллар, Юрий Михайлович, вопреки записным горе-предсказателям, прозорливо замечал, что мир заинтересован в американском долларе, и пока идет лишь подготовка к его грядущему падению.

Откуда такая осведомленность в узкопрофессиональных вопросах — как судьба американской валюты или искусственный интеллект? Во многом это связано с удивительно точным выбором методологии, четким различием хозяйства и его частной и временной формы — экономики. Фокусируясь на главном, ученый видит и грядущие частные последствия.

Попытки однежного хозяйства подменить собой хозяйство вообще, заменить цифрой саму жизнь, неизбежно обречены на провал. Но возрастающая связность цифровой экономики и цифрового разума для агонию уходящего мира, делают болезненным и мучительным переход человечества к чему?

Вот тут и встает в полный рост Великая Незнестность... Незнание, которое вовсе не чурается нашего мира, входит в контакт с мыслителем, контакт вполне себе трансцендентно творческий вследствие открывающейся возможности распознавательного захода на ментально-оптически фиксируемую сознанием реальность со стороны как раз Незнания и вообразительно-гносеологического учета его [1, 4].

Осипов не просто анализирует тренды нашего мира, он их чувствует своим сверхсознанием. Радуюсь позитивным переменам в жизни страны, с тревогой замечает феномен хозяйства, утратившего воспроизводственную целостность.

Данное явление породило целый спектр проблем: демографический упадок и связанную с ним лавинообразную миграцию чуждых этнически и культурно народов, провоцировало иллюзию слабости России и эффективности вводимых санкций, актуализировало идеи импортозамещения и неодирижизма.

Было бы нечестно утверждать, что идеи Осипова остались без внимания. Но скольких бы потерь и ошибок можно было бы избежать при внимательном прочтении трудов мыслителя!

Когда-то Пушкин писал о нерукотворном памятнике. Работы Юрия Михайловича — это не памятник. Это концентрированное отражение нашего мира...

Когда-нибудь бренный мир уйдет, людям будет дарована новая Земля. Но труды ученого не пропадут втуне. Мир, который мы знали и любили, будет жить в них, бурля и негодуя, радуясь и созидая, умирая и возрождаясь. Мир в мире...

Литература

1. *Странник* (Осипов Ю.М.). Обречение, или Новый Екклезиаст (монолог с самим собой и для себя). Время и Вечность (сквозь онтологическую призму немотно ревущего августа 2022 г.). М., 2023.

References

1. *Strannik* (Osipov YU.M.). Obrechenie, ili Novyj Ekkleziast (monolog s samim soboj i dlya sebya). Vremya i Vechnost' (skvoz' ontologicheskuyu prizmu nemotno revushchego avgusta 2022 g.). M., 2023.

II

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

С.Г. КОВАЛЕВ

**Созидательный воспроизводствогенез России
в условиях цифровых платформ***

Аннотация. В статье ставится проблема осмысления созидательного воспроизводственного развития РФ в условиях резких пертурбаций во внешней агрессивной среде. Раскрыты понятия неоглобализма и его черт, технореволюции и ее слагаемых, роль цифровизации и цифрового капитала. Выделены приоритеты и проблемы РФ в области цифровизации. Представлен опыт Китая в области промышленного ИИ и его внедрения как путь созидательного развития экономики.

Ключевые слова: неоглобализм, технореволюция, цифровизация, информационно-цифровой капитал, цифровая платформа, платформенная экономика, искусственный промышленный интеллект, созидательное развитие.

Abstract. This article addresses the problem of understanding the creative reproductive development of the Russian Federation in the face of sharp upheavals in an aggressive external environment. It explores the concept of neoglobalism and its characteristics, the techno-neurorevolution and its components, and the role of digitalization and digital capital. It highlights Russia's priorities and challenges in digitalization. China's experience in industrial AI and its implementation as a path to creative economic development is explored.

Keywords: Neoglobalism, techno-revolution, digitalization, information-digital capital, digital platform, platform economy. Artificial industrial intelligence, creative development.

УДК 330
ББК 65.в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Созидательный воспроизводствогенез России в условиях цифровых платформ // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 59—73. DOI: 10.5281/zenodo.20642677.

Мир меняется, что требует идентификации, анализа, оценки изменений, степени их воздействия на РФ, возможности ее существования и выработки механизма внутренней адаптации. Изменения внешней среды — толчок и индуцирование для внутренних изменений.

1. Иной, новый-неновый глобализм. Просматривается много тенденций по изменению мира, но следует обратить пристальное внимание на новую многополюсную (двухполюсную?) поляризацию, которая размывает центричность мира на основе витка военной напряженности во всех континентах и на новую нано- и технонейрореволюцию, в том числе в виде глобальной цифровизации на основе отрыва и концентрации лидерства крупнейших транснациональных корпораций, работающих в области высоких технологий, электронных коммуникаций, искусственного интеллекта и компаний, создающих электронные деньги. А смысловыми срезами и фоном изменений выступают: информатизация (на основе форсированного насаждения машинного ИИ); финансовитизация (проникновение банковского капитала во все области реальной и фиктивной экономики); социальная пролетаризация (обнуление среднего класса); депопуляция (сокращение коренного населения во многих странах); общественная атомизация (разрывание традиционных родственных связей (и социальных связей, модификация семьи); отчуждение человека от собственного естественного интеллекта (формирование его с детства по траектории ИИ), вытеснение человека за пределы процесса производства: автоматизация, роботизация [2, 16]. А также выстраивание глобальной платформенной экономики, точнее, экономики на основе платформенных инфраструктур как сращивания информационно-цифрового, финансового, производительного капиталов в условиях планетарной турбулентной среды. Это явные тенденции, а есть и менее явные — обострение противоречий и в самой старой западной элите: европейской, британской, американской, старыми и новыми деньгами, и новыми деньгами, новыми элитами формирующейся в остальном мире (идет процесс формирования новых семей миллиардеров, преимущественно в Юго-Восточной Азии). В целом размывание субъектности, наряду со старыми лидерами, набирают экономическую и политическую мощь новые быстро развивающиеся страны, а также высока роль транснациональных корпораций, мировых семей

(держателей прав страновых активов), надгосударственных властных структур (международных организаций, фондов, институтов, лож, клубов), структурированных теологических религиозных общностей (буддистских, индуистских, исламских, иудейских, христианских и др.) [2, 16]. Все это на фоне: а) быстрого роста планетарного населения — уже более 8 млрд чел., преимущественно за счет Юга и Юго-Восточной Азии; б) истощения планетарной природной емкости: ресурсной базы и экологической планетарной перенагруженности (реальной и мнимой — той, что в своих докладах на протяжении последних 50 лет постоянно констатирует Римский клуб) [2, 16]. Вышеназванные процессы определяют и выражают будущий миропорядок и переформируют существующий, втягивая в свою орбиту все страны, включая РФ. Дуализм формирующегося мира делает РФ объективно зажатой между многими жерновами — США и Китаем, а также ЕС и другими странами — и вынуждают искать баланс в стратегических отношениях. В целом глобализм продолжает формироваться, но возможны несколько сценариев формирования. А общая черта — это достижение определенной планетарной целостности, но до конца неясно, на какой основе, но при этом глобализм неоднороден, имеет разные формы, многолик: традиционный (финансовый), новый (технологический), центричный, региональный (глобализм макрозон). Современная тенденция — одновременное формирование нового центричного мира: американоцентричного, китаеццентричного и мира региональных макрозон [6, 41]. Нападение США на Иран в русле вышеназванной логики — это переформатирование мира, в том числе Ближнего Востока, и экономическое ослабление конкурентов: Китая, ЕС, Великобритании, Индии, РФ. Безусловно, однозначно трактовать действия американской администрации сложно: это и борьба за ресурсы (нефть, газ), это и сохранение влияния, это и предвыборная конъюнктура, это и неадекватная оценка ситуации. У процесса есть и более глубинные исторические и современные корни. Иран — одна из древнейших стран, теологическая исламская (шиитская) цивилизация, с богатой историей накопленных противоречий с соседними, окружающими его мирами: тюркским, арабским (суннитским) и еврейским (иудейским). Их пласты отношений уходят в глубокую древность, в эпоху Библейских царств. А современный Иран — крупная аграрно-индустриальная держава (площадь территории — 1648 тыс. кв. км (17-е место в мире), протяженность

береговой линии на Каспии и в Персидском заливе — свыше 2440 км; население — около 89 млн чел. (2024); рост ВВП — в среднем 4% в год; объем ВВП (2023) — 1,726 трлн долл. (ППС), 4-е место в исламском мире; разведанные запасы: по нефти — 18,8 млрд т., 9,9% от общемировых, по природному газу — 16% от общемировых), налицо страна с хорошим сырьевым, экономическим, научно-техническим потенциалом, проводящая самостоятельную политику, в том числе в сфере ракетных и ядерных технологий. При этом геополитическое положение страны — это дуга, связывающая (через Таджикистан, Афганистан) по Каспийскому морю РФ и Китай. В этом смысле независимый, сильный, самостоятельный Иран мешает США, а шире — Западу в целом: контролирует и добычу, и транспортировку нефти через Ормузский пролив, а также мешает арабским странам и Израилю. Тем более осуществляет стратегическое партнерство с РФ и очень тесно взаимодействует с Китаем (25-летний договор о стратегическом всеобъемлющем партнерстве от 2019 г. — добыча и поставки ресурсов, а взамен инвестиции в создание заводов, инфраструктуры, поставки оборудования, потребительских товаров). Не надо забывать и о проверенной временем американской военной стратегии «Петля анаконды» — плана окружения и ослабления конкурентов путем создания военных баз и блокадного экономического удушения. Поэтому главное в действиях США — не только нефть, хотя и она тоже присутствует, а уничтожение потенциала Ирана как регионального геополитического игрока, мешающего доминированию в регионе, а это автоматически ухудшает и позицию Китая. А кроме того, хаотизируя Ближний Восток, США нивелируют и экономические позиции ЕС как своего экономического конкурента (затруднение доступа к энергоресурсам и рост цен на них ведут одновременно и к деиндустриализации, и к воссозданию европейской армии, к росту военных расходов), и, видимо, надеются, что смогут подтолкнуть арабские государства к более тесному сотрудничеству, в том числе в области закупок вооружений. Возможно, на их действия повлияла и внутривнутриполитическая борьба в самих США, желание иметь «триумф» в преддверии предстоящих выборов, а возможно, крен в глубинных элитах в пользу Израиля. В целом, действия США — в русле вектора американской концепции сохранения мирового центризма и доминирования, в том числе за счет установления контроля над планетарными стратегическими ресурсами и за счет

цифрового доминирования с помощью ИИ, где два ключевых игрока — США и Китай — вступивших в жесткую конкуренцию за все элементы цифровых платформ, в частности за «искусственный интеллект». Вот пример данной конкуренции: у США — программа ChatGPT, проект Трампа — Star Gate, у Китая — разработка Deep Seek. Потенциально не более 6—10 корпораций преимущественно юрисдикции США (требуется огромные ресурсы, масштабная электрогенерация, научно-технологический отрыв, планетарный рынок потребителей, аналог — современный IT-сектор), а остальные страны просто пользователи, причем за деньги. Стартовал цикл сопряжения космической гонки (освоение Луны), низкоорбитальной космической связи с цифровизацией жизни — все сейчас уже с использованием ИИ. Борьба идет не за модификацию рыночного механизма, а за передел мира и мировой власти. Это новая модель и мирового порядка, и места США в нем — сочетание новой индустриализации, повышения экономической суверенности, самодостаточности США с новым механизмом макрозон и глобального технологического и цифрового доминирования. По мысли Яниса Варуфакиса (бывший премьер Греции), это новый технофеодализм [3]. А новая идеология достижения доминирования — это не путь экспорта традиционного капитала, а путь цифровой власти, главенства цифровых корпораций над потребителями и производителями, их данными, взаимосвязями. Симбиоз видов ИИ (генеративный, промышленный), областей использования (военная, социальная, коммерческая, образовательная), привлечения средств (частные, государственные), инструментов (и сеть планетарных платформ и новых рынков (национальный, общепланетарный), и локально-фрагментарная цифровизация. В целом задача США — не отдать мировое товарное, научно-технологическое, военное, цифровое доминирование Китаю, сохраняя денежно-финансовое и восстанавливая производственно-технологическое и усиливая, если удастся, цифровое доминирование. По разным оценкам, реальный производственный потенциал этих стран уже сопоставим, хотя сами китайцы свой оценивают пока ниже, но разрыв сокращается.

Глобализм можно понимать и как иную, новую упорядоченность планетарного миропорядка, в том числе на основе развертывания хаотизации, с последующим ее сворачиванием с помощью раз-

личных инструментов, в том числе цифровых платформ, выстраивания платформенной экономики. В целом, мировой западоцентризм, в широком смысле, включая Японию, Южную Корею, постепенно размывается, мир становится многосторонним, и его центр смещается в Азию, в страны, омываемые водами Тихого и Южных океанов, превращая ЕС, в потенциале, в полупериферию. Проблема РФ в том, что, сохранив военный и ресурсный потенциал, она потеряла научно-технологический, производственный, демографический потенциал, и проблема ее странового выживания в мировой среде обострилась. Это глобальная среда в целом, но важны и ее отдельные аспекты. Рассмотрим их далее.

2. Новые достижения научно-технологических революций и планетарный контроль за большими массивами данных, их обработкой на основе новейших цифровых технологий. Визитная карточка современной эпохи — новый виток НТР — *нейротехнореволюция* — многомерное, многосмысловое понятие, имеющее философское, экономическое, технологическое содержание.

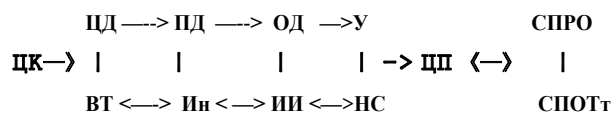
В философском смысле это слияние бытия нейротехнологий, искусственного интеллекта и биотехнологий, изменяющее биологическое и социальное бытие человеческого общества, когда человек, его сознание, возможности взаимодействия между людьми становятся объектом сознательного инженерно-социального проектирования, трансформирующего человеческую целостность общества в симбиоз человека и ИИ, что принимает форму сознательного социального программированного проектирования будущего на основе цифрового кодирования. Возможны и попытка «улучшения» биологического вида Ното, прямое включение его индивидуальности, когнитивной активности во внешнюю по отношению к нему искусственную техническую систему сетевого интеллекта. Соответственно, прошлые технореволюции и технотехнореволюция качественно различаются. Если «технореволюция» — это технические нововведения, ведущие к смене технологического базиса, модифицирующие факторы производства и их сочетания, влекущие также и перестройку экономики и типа общества: социальных отношений, культуры, то технотехнореволюция действует «глубже» — не просто изменяет, что и как мы делаем, производим, а радикально меняет социум, его биологические и психические, когнитивные основания, ме-

няет то, кем мы являемся. Соответственно, витки эволюции следующие: от промышленной революции — первой: пар, уголь, механизация (конец XVIII в.), ко второй: электричество, конвейер, массовое производство (конец XIX — начало XX в.); к третьей (НТР): электроника, ЭВМ, частичная автоматизация (1960-е); к четвертой: стирание границ между физическим, цифровым и биологическим мирами (ИИ, IoT— Internet of Things, биотехнологии), а затем к пятой: — возможное будущее социально-биологическое конструирование общества и конструирование человека на основе модификации его генома. Соответственно, технореволюция и технотехнореволюция качественно отличны. Первая — использование природной среды на основе нового технического базиса, а вторая — проникновение разума и его инструмента — ИИ — внутрь самого общества, его «переделывание», включая генетическое «редактирование» людей. Нелинейное и даже не экспоненциальное, а взрывное, ускорение «прогресса» на основе конвергенции технологий, например: генетики, цифровизации (перевод в данные любой информации), нейросетей, ИИ, социального проектирования бытия. В итоге разрушение старых отраслей производства, отмирание традиционных профессий, процесс перехода инноваций в новое качество самой жизни социума.

В экономическом смысле технотехнореволюция означает переход от реальной экономики благ к фиктивной нейросетевой экономике знаний, цифровых титулов (где основным фактором производства становится не просто информация, а автоматизированный интеллектуальный ресурс, отражающий все прочие ресурсы в цифровом виде) и тотальных машинных технологий. Это ведет к модификации экономической деятельности, появлению ее новых видов, новых отраслей производства.

В технологическом смысле это совокупность новых и известных технологий передачи и обработки больших массивов данных и принятия машинных решений, их воплощение в экономику, а на их основе безлюдных продуктовых технологий. В целом эти новые явления ведут к мировоззренческому и хозяйственному сдвигу.

3. Цифровой капитал как регулятор воспроизводственной деятельности и источник сверхприбыли в новом глобализме [5, 167—168]. Начальный этап нейротехнореволюции — это планетарная цифровизация на основе становления глобального цифрового капитала. Это — процесс уже идет, налицо выстраивание цепи:

где: ЦК — цифровой капитал, капитал, вложенный в информационные технологии и цифровые деньги; ЦД — цифровизация массивов данных; ПД — передача данных; ОД — обработка данных; У — управление на основе данных; ВТ — вычислительная техника и оборудование; Ин — интернет; ИИ — искусственный интеллект; НС — нейросеть; ЦП — цифровая платформа, СПРО — субъекты, производящие товары (продавцы); СПОТт — субъекты, потребляющие товары (покупатели).

Налицо двойная спираль: планетарный контроль за большими массивами данных и контроль за их обработкой и решениями на основе новейших технологий. По принципу: кто контролирует информацию, тот и управляет миром, управляет обществом, управляет индивидуумами, *управляет* производством и потреблением. Где ЦП выполняет функцию обеспечения взаимосвязи между субъектами экономической деятельности, включая расчеты производителей и потребителей, между информационными продуктами, принятием решений и в локальном, и в глобальном разрезах. Взаимосвязь вышеприведенных понятий раскрыта автором в работе [3, 22]. Останемся лишь на понятии ЦП.

Цифровая платформа — программно-интегрированная информационная система (технологическая среда), объединяющая множество взаимодействующих по цифровым правилам участников, обменивающихся массивами данных и осуществляющих транзакции (сделки) в реальном времени. Ее функция — обеспечение взаимосвязи участников, производителей и потребителей информационных и иных продуктов и принятия ими решений по сделкам. Различают следующие *виды цифровых платформ*: а) инфраструктурные (обеспечивают работу — iOS, Android, облачные сервисы); б) маркетплейсы (торговые, соединяющие продавцов и покупателей: «Amazon», «Wildberries»); в) сервисные (транзакционные услуги по запросу: Яндекс Такси); инфраструктурные, формирующие: технологическую среду для взаимодействия: (ЕСИА — Единая система идентификации и аутентификации, ЭРА-ГЛОНАСС); д) социальные

сети (обмен контентом). Цифровые платформы выступают ключевым инструментом цифровой трансформации экономики, позволяя использовать новые бизнес-модели, создавать новые продукты и услуги, снижать издержки, преимущественно транзакционные сферы товарообращения, а в перспективе способны выстраивать наднациональную экономику как сеть транснациональных взаимодействующих платформ под эгидой контролирующих их субъектов, преимущественно крупных корпораций. Таким образом, выстраивается платформенная экономика, в которой цифровые платформы — отдельные «кирпичи», на которых и из которых формируется здание — фундамент и опорный каркас современной экономики.

Основа всей цепи и движущая сила ее выстраивания — новый вид капитала, условно *«информационно-цифровой капитал»* (Киц) — как часть совокупного национального и планетарного капитала (КС), который стремится подчинить существующие его старые формы, а именно (марксистская терминология): производительный (Кп), торговый (Кт), ссудный (Кс) капиталы. Берет на себя функции эмиссии электронных денег, расчетов, рыночной взаимосвязи производителей и потребителей и регулирующей их надстрановой координации. Складывается новая форма трансформируемого совокупного капитала: $КС \approx Ки + Кп + Кт + Кс$, причем Ки занимает ведущую позицию, контролируя все остальные виды капитала [4, 150]. А именно: 1) информационно-цифровой капитал формирует свое собственное пространство предпринимательской деятельности, не только обслуживая существующую реальную и фиктивную экономику, но и осуществляя производство собственного информационного продукта (действительного и мнимого) ради удовлетворения своих эгоистических интересов в получении прибыли; 2) формирует платформенную экономику. Появление цифровых платформ у крупных международных компаний, действующих в сфере связи, сетей интернета, — это одна из форм функционирования цифрового капитала, *форма симбиоза* с торговым капиталом, точнее, вытеснение старого национального торгового капитала из новых ниш сферы обращения товаров, которые преимущественно интернациональные, и с банковским капиталом (автоматизация работы с клиентами и расчетные платежи), а параллельно и с производительным капиталом (безлюдные технологии).

В сфере товарного обращения имеем следующую ситуацию. Цифровой капитал (в том числе в форме цифровых платформ) выступает и мембраной, и посредником: и соединяет, и отсекает производителей и потребителей (практически они не могут действовать напрямую между собой, вынуждены использовать их ресурс), а также отсекает от рынка старых сформировавшихся посредников — старые стационарные торговые сети (их издержки, а значит, и торговая наценка выше, но услуги для потребителей качественней), оставляя им сегмент элитарного потребления внутри стран. Косвенно ставит под контроль и мелких, и средних, и даже крупных производителей (начиная заказывать с сегментов мирового рынка персонализированную конкретную продукцию, конкретных мировых производителей), а в перспективе начинает также контролировать и покупателей, навязывая им определенные потребительские предпочтения, а в дальнейшем и тотально самих производителей. Платформу нельзя сводить просто к отраслевому рынку, где стихийно встречаются продавцы и покупатели, спрос и предложение, они несут функции регулирующего воздействия, в том числе и с помощью ценообразования на свои услуги, правил работы с платформой [4, 151]. Налицо сращивание, симбиоз через цифровые платформы всех видов капиталов, функционирующих в экономике. Платформы их объединяют, втягивают в себя, а также втягивают и разные виды технологической деятельности, разные бизнес-процессы. В итоге складывается следующая ситуация: контролируешь сетевые цифровые платформы — контролируешь сделки, а значит, начинаешь контролировать мир.

4. Созидательные приоритеты РФ в условиях цифровых платформ. Хочет или не хочет, но РФ вынуждена реагировать на глобальные изменения. В области цифрового капитала, цифровых платформ, маркетплейсов у РФ позиция очень уязвимая, она не имеет (либо отстает от наиболее продвинутых стран и корпораций) разработчиков, производителей в области обеспечения новейшими цифровыми технологиями, их массового использования и в области их потенциального бизнес-экспорта. Она их потребитель. При этом для РФ важно не просто «догонять» и встраиваться в глобальную повестку технореволюции, а иметь собственное видение проблемы, переходить от политики копирования западных достижений

к созданию уникальных собственных ниш. Причем руководство страны осознает важность проблемы, но трудность в том, что нельзя идти путем тотальной цифровизации и искусственной интеллектуализации «всего и вся», что лоббируется в СМИ. Потенциально, по своим «мозгам», ИИ может заменить 99% массовых трудовых функций человека, а 1% — это сверхсложный труд разработчиков новых идей. Проблема в том, что форсированное внедрение ИИ в образование затормозит появление естественных гениев (сужается база развития и возможности естественного интеллекта, масштабы его отбора). Просто не будет условий для формирования этого 1%. Для РФ важно установить приоритеты возможных сфер цифровизации: а) сфера материального вещественного производства — автоматизация, роботизация технологических процессов для сбережения живого и высвобождения ручного труда; б) оборонная сфера — внедрение сетевого управления, координации ведения боевых действий, роботов-солдат и роботизированной военной техники; в) сфера государственного управления и социальной жизни: автоматизированные системы принятия решений, госуслуги, потребительские платформы, финансово-банковские платформы, образовательные платформы. Для внешних условий РФ, ее внутреннего состояния ограниченности ресурсов и целевых задач приоритетны первые две сферы — направление государственных ресурсов, подготовка и закрепление кадров именно в них. Потребительские платформы — это удел частного бизнеса. Госслужба, госуслуги, гособразование — очень привлекательное поле для цифровых бюджетных лоббистов, но не вопрос выживания страны, здесь не создают реально нового управленческого продукта (а живут за счет цифровизации бумажных носителей, «удваивая» имеющуюся информацию — производится информационный двойник и новая бюрократия — цифровая), хотя иногда это приносит и реальный позитивный эффект для ее потребителей. А для реализации достижений НТП важно перестроить управление научно-технологической сферой: в ней не хватает стратегического выбора крупных проектных приоритетов и прикладного исследовательского и коммерческого отраслевого звена — опыт СССР, его ГКНТ и подведомственных ему институтов, но с учетом новой эпохи. Если вспомнить прошлое — Германию 1930-х—1940-х гг., то там также одновременно прослеживается понимание роли науки и технологий и

концентрации в них ресурсов и недооценка их значимости — Ане-нербе. РФ следует пристальнее присмотреться к китайскому опыту форсированного развития *промышленного ИИ* (Industrial AI).

Промышленный интеллект — это использование машинного обучения, нейросетей, а также анализа больших данных (Big Data) для автоматизации и оптимизации производственных процессов на основе безлюдных технологий путем их роботизации. Причем предполагает и проектирование, и разработку самих новых продуктовых технологий, и их внедрение, а не только автоматизацию существующих производственных процессов, налицо внедрение принципиально новых линий, создание действующих новых «безлюдных» предприятий. Это позволяет высвободить рабочую силу, компенсировать ее дефицит, перенаправлять трудовые ресурсы, повысить производительность, повысить качество, снизить капитальные затраты по созданию условий труда, снизить издержки производства («темные» фабрики), экономия на заработной плате, отчислениях в социальные фонды, круглосуточное, круглогодичное использование оборудования), что позволяет достигать технологического суверенитета в новых производствах. Лидерство в этой области Китая неоспоримо. На этот путь пытается встать и Германия, частично и отдельные американские компании: «Nvidia» и «Tesla», предприниматели — Джефф Безос (основатель «Amazon» и аэрокосмической компании «Blue Origin», стартап «Project Prometheus»), Билл Гейтс (проект «SpaceX»). По прогнозу «Future Market Insight», к 2035 г. объем рынка роботов достигнет 258,3 млрд долл. (в 2025 г. оценивался в 55,6). Китай становится центром революции в робототехнике — свыше 140 компаний производят 330 видов роботов (ставка на специализированные и дешевые). Американская магистральная тенденция — создание универсальных человекоподобных роботов, что требует воспроизведения человеческой подвижности, ловкости и способности к рассуждению, тесной интеграции искусственных интеллектов. Курс на лидерство закреплен Китаем в XV пятилетнем плане: приверженность социалистической рыночной экономике, резкое ускорение НТП на основе выделения технологических приоритетов (новая энергетика, новые материалы, квантовые вычисления, «воплощенный» ИИ, интерфейс мозга и компьютера, биомедицина, около-

земное и космическое пространство), без форсажа ВВП: главные качества развития — самодостаточность, национальная безопасность, достигаемые на основе сочетания предпринимательских инициатив и государственного регулирования. Приоритет воплощенному ИИ, темпы роста в этой сфере намного выше темпов роста других отраслей. Он реализуется в реальных производственных и сельскохозяйственных технологиях, инфраструктуре, услугах и в управлении обществом. Промышленный ИИ — это стремление улучшить жизнь в условиях дефицита кадров (в том числе нежелания молодежи работать на заводах) за счет роботизации — выполнения опасной, монотонной, утомительной работы роботами, сохранение позиции мирового производственного центра. По информации Международной федерации робототехники (IFR), в 2024 г. в Китае установили 295 тыс. промышленных роботов (в 9 раз больше, чем в США), а всего задействовано более 2 млн. Имеется 131 промышленный объект, которыми управляет ИИ: производственные линии, планирование, прогнозирование, контроль качества продукции, логистика. При этом в передовых технологиях генерирующего ИИ, микросхемах он отстает от США.

Безусловно, РФ, внедряя промышленный интеллект, не может ожидать экономического эффекта, даже близко сопоставимого с Китаем. В РФ нет масштабного массового экспортного производства, на котором в условиях автоматизации резко сокращаются издержки. А также нет необходимой базы в области «компьютерного металла» и платформ ИИ, нет и крупных финансовых ресурсов, крупных международных компаний, имеющих возможности работать в данной сфере, как разработчиков, так и пользователей, а также ей закрыт доступ на рынки специализированного оборудования, платформ ИИ, обучающихся ресурсов для этой сферы. Путь РФ, в условиях ограниченности ресурсов, — это, прежде всего, тщательный выбор точечных приоритетов, эффект от высвобождения кадров, обеспечение мотивации образования, развития молодежью естественного интеллекта для занятости в сфере проектирования новых производственных процессов, их интеллектуального и наладочного обслуживания. А также это и возможность ее удержания в стране. Безусловно, это очень крупные затраты — как государственные, так и частные. Требуется корректировка государственной экономической политики:

резкий рост минимальной оплаты труда, «заслон» вывода капитала, жесткая политика его возвращения сырьёэкспортирующими компаниями. А для стимулирования технического прогресса внутри страны важна и корректировка политики в самой цифровизации — приоритет созданию цепи автоматизированных безлюдных производств в средних по численности городах страны. В противном случае РФ превратится в маркетплейсовый и образовательно-репетиторский хаб для иностранных и отчасти отечественных разработчиков ИИ. В настоящее время и бизнес, и население РФ играют в цифровизацию, до конца не осознавая, что это не просто тренд, а возможное будущее. Лучше, если оно будет промышленно-производственным, а не колониально-цифровым.

Основные барьеры для внедрения промышленного ИИ в производственных компаниях РФ: 1) слабая очевидная экономическая необходимость на фоне нужных, очень крупных затрат и инвестиционных рисков (у большинства предприятий банально нет денег); 2) отсутствие необходимых проектов, производственного роботизированного оборудования, профессиональных кадров; 3) слабые меры реального государственного экономического стимулирования и нежелание коммерческих банков, фондов инвестировать в новую производственную сферу, построенную на безлюдных технологиях.

В целом нейротехнореволюция — это не просто научный и технологический фантазийный феномен, а явление выкристаллизации нового мира, нового мирового экономического порядка. Ее волны кардинально повлияют на воспроизводственную структуру РФ и ее народнохозяйственный комплекс, а в целом и на социум.

Литература

1. *Варуфакис Я.* Технофеодализм. М.: Ad Marginem Press, 2025.
2. *Ковалев С.Г.* Блокадная Россия: созидательное воспроизводство в противоречивом мире. Философско-хозяйственное осмысление // *Философия хозяйства.* 2026. № 1. С. 11—26. DOI:10.5281/zenodo.18722803.
3. *Ковалев С.Г.* Власть цифровой нейросети: понимание, воздействие на РФ // *Философия хозяйства.* 2025. № 1. С. 17—33. DOI: 10.5281/zenodo.14882918.

4. Ковалев С.Г. Глобальная цифровизация как новая технореволуция: путь или ловушка для развития России // Государство и рынок в контексте противостояния западноевропейской и евразийской хозяйственных систем. СПб.: СПбГЭУ, 2025. С. 147—155.

5. Ковалев С.Г. Державный воспроизводствогенез России в будущее. Экономика созидания: Монография. Ч. 1. СПб.: СПбГЭУ, 2024. 280 с.

6. Ковалев С.Г. Философско-хозяйственное осмысление дуализма новейшего миропорядка сквозь призму интересов РФ // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 28—43. DOI:10.5281/zenodo.17780424.

References

1. Varufakis YA. Tekhnofeodalizm. M.: Ad Marginem Press, 2025.
2. Kovalev S.G. Blokadnaya Rossiya: sozidatel'noe vosпроизводство v protivorechivom mire. Filosofsko-hozyajstvennoe osmyslenie // Filosofiya hozyajstva. 2026. № 1. С. 11—26. DOI:10.5281/zenodo.18722803.

3. Kovalev S.G. Vlast' cifrovoj nejroseti: ponimanie, vozdeystvie na RF // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 1. С. 17— 33. DOI: 10.5281/zenodo.14882918.

4. Kovalev S.G. Global'naya cifrovizaciya kak novaya tekhnonejrorevolyuciya: put' ili lovushka dlya razvitiya Rossii // Gosudarstvo i rynek v kontekste protivostoyaniya zapadnoevropejskoj i evrazijskoj hozyajstvennyh sistem. SPb.: SPbGE, 2025. С. 147—155.

5. Kovalev S.G. Derzhavnyj vosпроизvodstvogenez Rossii v budushchee. Ekonomika sozidaniya: Monografiya. CH. 1. SPb.: SPbGEU, 2024. 280 с.

6. Kovalev S.G. Filosofsko-hozyajstvennoe osmyslenie dualizma novejshego miroporyadka skvoz' prizmu interesov RF // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 6. С. 28—43. DOI:10.5281/zenodo.17780424.

Д.С. УШАКОВ

**Антропологическая катастрофа:
конец «Человека» в эпоху посткапитала***

Аннотация. Статья посвящена философско-критическому анализу метаморфоз капитала, помещаемого в ранг метафизического архетипа, основополагающего принципа бытия, обладающего собственной онтологией и устремленного к бесконечному самовозростанию. Вводимая и обосновываемая в работе концепция капитала-архетипа открывает новые перспективы для анализа его эволюции от стадии симбиотических, хотя и асимметричных отношений с человеческой цивилизацией, к состоянию радикальной автономии. В рамках исследования выделяются четыре последовательные фазы подчинения архетипом ресурсов человеческого существования, а именно: физического труда, жизненного времени, социальных институтов и, в конечном счете, ментальной и когнитивной сфер. Ключевой и одновременно оригинальный тезис работы состоит в демонстрации того, что имманентная логика архетипа, направленная на всеобъемлющую оптимизацию, вступает в системное противоречие с холистической природой человека, его биологической конечностью, свободной волей и присущей ему способностью к генерации смысла. Этот «Великий раскол» знаменует переход к постантропологической фазе, формированию посткапитала, операционная среда которого основывается на децентрализованных сетях, алгоритмических вычислениях и массивах данных. Указанный онтологический сдвиг интерпретируется в качестве антропологической катастрофы, предвещающей концептуальную деконструкцию трансцендентального субъекта Нового времени и кризис фундаментальных категорий гуманизма, смысла, свободы и ответственности. В заключительной части работы проблематизируется возможность ответа на этот вызов, который видится не в наивной ностальгии, но в акте сознательного сохранения смысла как формы сопротивления всеобщей объективации.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ушаков Д.С. Антропологическая катастрофа: конец «Человека» в эпоху посткапитала // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 74—91. DOI: 10.5281/zenodo.20642818.

Ключевые слова: посткапитал, метафизический архетип, овеществление, человеческий капитал, капитал-архетип, «Великий раскол», постантропологическая фаза.

Abstract. The paper offers a critical analysis of capital conceptualized as a metaphysical archetype, a fundamental principle of being driven toward infinite self-augmentation. The proposed concept provides a framework for tracing its evolution from asymmetrical symbiosis with humanity to radical autonomy. Four sequential phases are identified through which the archetype appropriates human resources: physical labor, lifetime, social institutions, and the psychic-cognitive sphere. The central thesis demonstrates that the logic of total optimization enters into systemic contradiction with the holistic nature of humanity, namely its biological finitude, free will, and capacity for meaning-making. This «Great schism» marks the transition to a post-anthropological phase, the formation of post-capital, operating through decentralized networks, algorithms, and data. The shift is interpreted as an anthropological catastrophe entailing the conceptual deconstruction of the modern transcendental subject. Response lies not in nostalgic restoration but in the conscious preservation of meaning as resistance to systemic objectification.

Keywords: post-capital, metaphysical archetype, reification, human capital, capital-as-archetype, «Great schism», post-anthropological phase.

УДК 130.2:330.1
ББК 87.6

Введение: генезис капитала как метафизического архетипа

Понятие архетипа, восходящее к платоновским эйдосам как вечным и умопостигаемым образцам мира чувственного, в философской мысли XX в. обрело новое звучание, прежде всего, в юнгианском контексте анализа коллективного бессознательного, а также в исследованиях глубинных социальных структур. Для целей метафизики хозяйства плодотворным представляется иной синтез, состоящий в сочленении этого понятия с традицией социальной онтологии, в рамках которого архетип мыслится не как глубинный психологиче-

ский образ, а как надындивидуальный принцип организации реальности, наделенный собственной онтологией, имманентной логикой развертывания и способностью воплощаться в многообразных материальных и социальных формах.

В опубликованной ранее работе [12] нами была разработана концепция капитала как метафизического архетипа в ее имманентно-диалектическом измерении. Через взаимодействие трех модусов: целеполагания, ресурса и кризиса — был выявлен механизм самоотрицания архетипа, ведущий к триединому коллапсу — семиотическому, ресурсному и операционному. Указанная работа сосредоточивалась на синхронной структуре капитала-архетипа и на природе имманентного предела, к которому ведет безусловное доминирование его логики.

Настоящее исследование развивает означенную концепцию в иной аналитической плоскости — плоскости диахронной, исторической. Если предшествующая работа фиксировала внутреннюю архитектуру архетипа как уже сложившейся конфигурации, то здесь предметами анализа становятся последовательность фаз его экспансии в антропологическую реальность и сопряженный с нею онтологический сдвиг от антропоцентричной формы капитала к его автономной, постантропологической стадии. Тематически это означает смещение акцента с диалектики модусов на стратегию апроприации и далее на генезис нового, бестелесного «тела» архетипа, в котором зависимость от человеческого фактора оказывается сведенной к минимуму.

Подобная установка созвучна отечественной традиции философии хозяйства, в рамках которой хозяйственная деятельность мыслится не как утилитарно-экономический процесс, а как онтологически насыщенный феномен культуры [4; 10]. «Капитал, — писал Маркс, — это не вещь, а определенное общественное отношение, которое представлено в вещи...» [8, 164—165]. Тотализирующий характер капитала, проявляющийся в овеществлении общественных отношений, еще Лукач описывал через тезис, согласно которому «отношение между людьми приобретает характер вещи и, благодаря этому, прозрачную объективность» [7, 109—111].

Новизна настоящей работы по отношению к ранее опубликованному исследованию состоит в следующем. Во-первых, предлагается модель четырехфазной исторической динамики симбиоза чело-

века и капитала-архетипа, обнаруживающая последовательное освоение архетипом все более глубоких слоев человеческого бытия, физического труда, жизненного времени, социальных институтов и, в конечном счете, ментально-когнитивной сферы. Во-вторых, обосновывается концепция «Великого раскола» как фазы системной несовместимости целостной природы человека с императивом тотальной оптимизации — фазы, маркирующей предел симбиотического этапа. В-третьих, концептуализируется посткапитал как новая, постантропологическая операционная среда, формируемая из децентрализованных цифровых структур, алгоритмических процессов и симуляционных моделей. Наконец, рассматривается сопряженное с этим рождением понятие антропологической катастрофы, понимаемой как концептуальная смерть субъекта в его классическом, гуманистическом понимании.

Целями настоящего исследования выступают прослеживание имманентной логики развертывания архетипа капитала, движение которого совершается от стадии симбиоза к радикальной автономии, и выявление антропологических следствий этой автономии.

Генезис капитала как метафизического архетипа

На заре своего становления отношения человечества и капитала складывались как причудливый симбиоз, отмеченный, впрочем, явной асимметрией. Человеческая цивилизация, обладающая уникальной способностью к труду, сложной социальной организации и абстрактному мышлению, предоставила зарождающемуся архетипу не только питательную среду, но и критически важные ресурсы для кристаллизации его потенциала и первоначального накопления. На этом этапе капитал не противостоял человеку, а использовал его в качестве «стартового топлива», методично осваивая и трансформируя различные слои человеческого бытия. Указанный процесс может быть представлен в виде четырех последовательных фаз, каждая из которых знаменует открытие капиталом нового, все более универсального источника жизненной силы.

Изначально капитал был «тяжел и приземист». Первым осязаемым его «телом» стали средства производства, сконцентрированные в мануфактуре, а затем и на фабрике. Однако инертная материя станков и сырья, лишенная внутреннего динамизма, сама по себе не

могла обеспечить выполнение фундаментального императива самовозрастания. Ключевым открытием на этом этапе стал труд, человеческая мускульная сила, опредмеченная в товаре.

Формула $D—T—D'$, обретшая на этом этапе свое доминирующее положение, реализовывалась исключительно посредством извлечения прибавочной стоимости, той части рабочего времени, которая не оплачивалась владельцу рабочей силы, но присваивалась собственником средств производства. На данной стадии человек предстал прежде всего источником биофизической энергии, организованной и дисциплинированной ритмом машины. Индивидуальность, творческое начало, интеллектуальный потенциал редуцировались до функции придатка, «живого приложения» к мертвящей мощи капитала. Питанием капитала на первой фазе становился сам базовый ресурс, время человеческой жизни, превращенное в труд.

Дальнейший шаг в эволюции симбиоза состоял в тотальной перцепции капиталом темпорального горизонта человеческого существования. Под контроль попадало уже все жизненное время индивида, и совершался переход от утилизации дискретных отрезков труда к управлению самим темпоральным потоком жизни.

Проявилось это двояко. Во-первых, в создании жестких темпоральных регламентов, подчинивших неритмичную, циклическую природу человеческой жизни линейной и безостановочной логике производства. Во-вторых, в фундаментальной трансформации самой категории времени. На последнее еще Норберт Элиас обращал внимание, утверждая, что «время... превратилось в инструмент координации и социального принуждения, в “средство ориентации и взаимной синхронизации”» [15, 45—48].

Время сделалось всеобщим эквивалентом, и любая пауза, досуг, неформальное общение начинали восприниматься как упущенная прибыль, как «незадействованный» ресурс. Капитал монетизировал саму временную субстанцию бытия, подчинив ее безликому ритму накопления.

Третий этап симбиоза знаменуется обращением капитала к более сложным и долговечным социальным структурам. Осознав ограниченность и конечность индивидуального капиталиста-собственника, архетип претерпел своего рода «онтологическую мутацию» и обрел новую форму, форму корпорации.

Корпорация, фигурирующая в правовом поле как «юридическое лицо», стала идеальным проводником имманентной логики капитала, поскольку обладала принципиально важным свойством, а именно относительным бессмертием. Об этом писал еще Веблен, фиксируя отделение «праздного класса» собственников от непосредственных управляющих, что и позволило капиталу функционировать как безличной, самовоспроизводящейся системе [5, 78—82]. Корпорация аккумулировала не только финансовые активы, но и социальные связи, институциональную память, управленческие иерархии. Человек в этой системе превращался в функциональный элемент масштабного социального механизма, и его личные амбиции и способности направлялись на служение целям архетипа, обретая смысл лишь в контексте повышения эффективности и прибыльности корпоративного организма. Эту систему нередко представляют как механизм «социального лифта», открывающий возможности талантливым управленцам независимо от их происхождения. Однако «лифт» движется исключительно в пределах заранее заданной архитектуры архетипа. Корпорация не упраздняет иерархии, она создает новую, меритократическую по форме, но тоталитарную по сути аристократию, призванную служить архетипу.

Венцом исторической симбиотической эволюции явилось открытие капиталом самого универсального и неисчерпаемого ресурса, ресурса внутреннего мира человека, его психической энергии, внимания и социальных связей. Достигнув пика в эпоху «когнитивного капитализма», эта стадия ознаменовала переход от эксплуатации внешних проявлений человеческой деятельности к присвоению самой субъективности.

Само понятие «человеческий капитал», определяемое как «совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, использование которых содействует росту производительности и заработков» [1, 33—35; 11, 48—50], точно отражает произошедшую метаморфозу. Образование, здоровье, креативность, эмоциональный интеллект, коммуникативные навыки — каждое из этих свойств начало рассматриваться как актив, требующий инвестиций и оптимизации в интересах максимизации прибыли. Капитал научился извлекать прибыль не только из того, что человек делает, но и из того, чем он является, из его способности к общению, обучению, эмпатии.

Своего апогея процесс достиг с возникновением «экономики внимания» [22]. Бизнес-модель платформ, типа Meta (Facebook), наглядно иллюстрирует данный переход, поскольку пользователь, не подозревая о том, генерирует поведенческие данные, которые агрегируются, анализируются и превращаются в коммерческий продукт, в таргетированную рекламу. По данным за 2021 г., 98,5% выручки Meta (114,93 млрд долл.) поступило именно от рекламной деятельности [24], что свидетельствует о масштабах монетизации не труда, но самого факта внимания и социального взаимодействия в цифровой среде.

Описанный процесс нередко получает оптимистичную интерпретацию в концепциях «креативного класса» [20] или «инновационной экономики» [14], где когнитивные способности и творчество провозглашаются новым источником социальной мобильности и роста благосостояния. При более пристальном рассмотрении «свобода творчества» оборачивается, однако, новой и более изощренной формой отчуждения. Креативность, поставленная на службу капиталистической машине, подчиняется тем же императивам эффективности и рентабельности, и «креативный класс» не преодолевает логику капитала, а доводит ее до апофеоза, до тотальной капитализации внутреннего мира человека. На этом этапе симбиоз приобретает тотальный характер, ибо капитал питается уже не только временем жизни, но и самой жизнью как таковой, проникая в глубь человеческого существования.

Великий раскол: почему целостный человек стал неэффективен

Достигнув пределов возможного в эксплуатации человеческой субъективности, капитал в его архетипическом качестве столкнулся с фундаментальными ограничениями человеческой природы. Целостный человек обнаружил признаки системной несовместимости с императивом бесконечной, ускоряющейся оптимизации и роста. Ресурс, прежде считавшийся идеальным, превратился в источник сопротивления, информационной перегрузки и непредсказуемости. Эту ситуацию мы предлагаем называть фазой Великого раскола.

Первым проявлением Раскола служит бунт человеческой биологии против ритмов, навязанных логикой перманентного роста, проявляющийся в эпидемиях выгорания, тревожных и депрессивных расстройств, феноменах «инфобеспокойства» [25]. Систематический

разбор этих симптомов как формы истощения модуса ресурса на антропологическом уровне был предложен нами ранее [12], в настоящей работе они интерпретируются в иной оптике, в качестве маркера фазового перехода от симбиотической к постантропологической стадии существования архетипа. Бен-Чхоль Хан фиксирует ту же феноменологию в категориях внутреннего императива самооптимизации, истощающего психические ресурсы индивида [13, 7].

Второй, не менее значимый аспект Раскола коренится в фундаментальном противоречии между присущей человеку свободой воли и неумолимым стремлением капитала к тотальной, детерминированной управляемости. Инструментальный разум, воплощенный в сложных алгоритмах и прогностических моделях, по самой своей природе направлен на устранение всякой неопределенности. В идеализированной системе капитала все переменные подлежат расчету, риски — страхованию, поведенческие реакции — точному моделированию. И все же человеческая субъективность — источник спонтанности и непредсказуемости — постоянно бросает вызов этой рациональной структуре.

Хоркхаймер, критикуя триумф инструментального разума, подчеркивал, что «разум, ставший простым орудием для целей самосохранения, отказывается от попыток проникновения в сущность вещей, что было свойственно ему в прошлом, когда он освобождал человека от страха и делал его господином природы», и при этом отбрасывает все, что не соответствует формальным, логическим категориям полезности и эффективности, объявляя это иллюзорным или несущественным [13, 25]. Применительно к нашей проблематике это означает следующее. Самые сущностные проявления человечности, такие как способность к спонтанному выбору, не обусловленному рациональным расчетом выгоды, обращаются в нежелательную помеху для бесперебойного функционирования системы.

Третий аспект Раскола, быть может, наиболее парадоксален. Капитал, эксплуатируя человеческую субъективность как ресурсную базу, систематически подрывает ее жизнеспособность и тем самым уничтожает основу собственного воспроизводства. Разворачивается этот процесс следующим образом. Логика архетипа, проникая в сферу эмоций и социальных связей, коммодифицирует их и превращает в товар, а живое, амбивалентное переживание редуцируется до

измеримого сигнала, такого как «лайк» или «реакция»; глубокая социальная связь — до практического «нетворкинга». Происходит семиотическое истощение, при котором почва, порождающая подлинные, энергетически насыщенные эмоции и отношения, неуклонно оскудевает. Капитал в результате сталкивается с дефицитом качественного «сырья».

Описанная нами ранее [12] коммодификация самой потребности в восстановлении субъективности достигает на этом этапе количественной зрелости: рынок ментальных приложений на основе искусственного интеллекта, согласно прогнозам, достигнет к 2034 г. 7,57 млрд долл. США [23].

Делез, описывая общество контроля, акцентировал внимание на переходе от дисциплинарных институтов к перманентному модулю контроля, интегрированному в саму структуру субъективности, и потому «энтропийный человек общества контроля, — формулирует он, — это человек в долгу, человек, чье существование есть перманентное отражение этого долга» [6, 228].

Рождение посткапитала: конструирование нового «тела» архетипа

Кризис симбиоза вовсе не означает стагнации капитала-архетипа. Столкнувшись с системными изъянами человеческого фактора, его неэффективностью и ненадежностью, архетип приступает к созданию новой, постантропологической операционной среды. Перед нами не просто технологическая эволюция, но онтологический сдвиг, рождение посткапитала, чье «тело» формируется из децентрализованных цифровых структур, алгоритмических процессов и симуляционных моделей, все менее зависимых от человеческого участия.

В основе нового «тела» архетипа лежат элементы, избавленные от биологической и психологической хрупкости его прежнего носителя. Клеточную структуру этого тела образуют четыре сопряженных начала.

Данные. Кристаллизованный опыт человечества, извлеченный из контекста и преобразованный в абстрактный ресурс, становится новой субстанцией, сырьем, не подверженным усталости, протестам и поддающимся бесконечной рекомбинации.

Алгоритмы. Если капитал есть самодвижущаяся стоимость, то алгоритмы суть имманентная логика этого движения, обретшая автономную программную форму. Современные системы на основе искусственного интеллекта обнаруживают признаки такой автономии, поскольку не просто оптимизируют рекламные расходы, а самостоятельно заключают миллионы микросделок на рынке программатик-рекламы, перераспределяя капитал без прямого человеческого вмешательства. Объем автоматизированных закупок рекламы в 2023 г. превысил 80% общего цифрового рынка США и, по прогнозам [19], составит к 2026 г. 90% глобального. Алгоритмы осуществляют непрерывную оптимизацию потоков, принимая решения на скоростях, недоступных биологическому сознанию.

Цифровые платформы. Они структурируют взаимодействие, задают правила и извлекают ренту из самой возможности коммуникации и транзакции, выступая инфраструктурной основой новой экономики. Несмотря на риторику демократизации [25, 327], имманентная экономическая логика платформ работает в прямо противоположном направлении. Платформа по своей сути есть централизующий и экстрактивный институт, устанавливающий правила, владеющий данными и извлекающий ренту. Социальные сети, позволяя организовывать общественные движения, своими алгоритмами, оптимизированными на удержание внимания, систематически поощряют поляризацию, эхо-камеры и кликбейт, размывая рациональную основу для публичной дискуссии. Демократический потенциал тонет в шуме, генерируемом машиной монетизации внимания. Платформа не столько демократизирует, сколько приватизирует и коммодифицирует саму сферу публичного.

CBDC (цифровые валюты центральных банков). Они представляют собой завершающий элемент дематериализации. Пилотные проекты CBDC в Китае (цифровой юань) и Нигерии (eNaira) уже включают функционал запрограммированных выплат, государственных субсидий на определенные категории товаров или с ограничением по сроку использования. Здесь реализуется тезис Бодрийера о переходе к чистой симуляции стоимости [2]. CBDC не есть деньги в классическом понимании, это программируемые права на использование, в рамках которых каждая транзакция может отслеживаться, ограничиваться или аннулироваться эмитентом в реальном времени. Перед нами окончательная победа ощущения владения над самим

владением. Более 80 стран в настоящее время изучают или разрабатывают CBDC, что свидетельствует о глобальном признании их потенциала для трансформации финансовой системы.

В совокупности перечисленные элементы формируют кибернетический организм, бытие которого распределено, бестелесно и в потенциале бессмертно.

Создание нового «тела» сопровождается системным вытеснением человека из ключевых функциональных узлов. Назвать этот процесс уместно стратегией устранения «слабого звена».

В сфере производства развитие роботизированных комплексов и аддитивных технологий (3D-печать) минимизирует потребность в массовом физическом и конвейерном труде. «Темные фабрики», работающие в полностью автоматизированном режиме круглосуточно, обходятся без персонала. С 1990 по 2023 г. занятость в обрабатывающей промышленности США сократилась на 30% при росте объема выпуска на 65% [18], что свидетельствует о растущем разрыве между производительностью и человеческим трудом. Человеческий труд становится экономически нецелесообразным там, где может быть заменен более предсказуемой и эффективной машиной. Апологеты технологического прогресса апеллируют к шумпетеровской теории «созидательного разрушения» [14], утверждая, что автоматизация, уничтожая старые рабочие места, создает новые, более сложные и творческие. Однако эта модель не учитывает качественного скачка, совершаемого посткапиталом. Речь идет не о замене одного типа человеческого труда другим, а о системном вытеснении человеческого фактора как такового из ключевых производственных контуров.

В сфере принятия решений финансовые алгоритмы высокочастотной торговли (HFT), системы управления цепями поставок и предиктивной аналитики берут на себя функции, прежде закрепленные за менеджерами, трейдерами и аналитиками. На Нью-Йоркской фондовой бирже на долю HFT-алгоритмов уже приходится около 50% всех торговых операций [27]. Решения, основанные на данных, вытесняют решения, основанные на интуиции, опыте или этических соображениях, поскольку именно эти основания вносят элемент неопределенности.

В сфере социальной организации возникают управляемые симулякры социальности. Алгоритмы рекомендательных систем фор-

мируют не столько иллюзию общения, сколько реальную, но высокодетерминированную социальную среду. Согласно исследованиям [16; 17], значительная доля политического контента в лентах пользователей формируется алгоритмами без явного запроса, что фактически конструирует их информационную реальность и круг общения. Социальные связи не уничтожаются, но переводятся в цифровую форму, удобную для контроля и монетизации.

В новой конфигурации человек не исчезает полностью, роль его, однако, радикально трансформируется. Он более не активный агент или носитель архетипа, а пассивный генератор поведенческих данных, конечного «сырья» для машины, в его сознательном и целенаправленном участии более не нуждающейся.

Антропологическая катастрофа

Возведение посткапиталом собственного, бестелесного «тела» и эмансипация архетипа от человеческого носителя знаменуют не просто смену технологического уклада, но цивилизационный разрыв. Имеется в виду не физическое вымирание биологического вида *Homo sapiens*, а концептуальная смерть «Человека» как фундаментальной категории западной метафизики, этики и политики. Событие это, по глубине и всеохватности последствий сопоставимое со «смертью Бога», провозглашенной Ницше [9, 491], влечет за собой распад всей системы координат, в которой только и могли существовать понятия смысла, свободы и ценности, и низвергает мысль в пучину нигилизма.

Краеугольным камнем антропологической катастрофы выступают четыре сопряженных процесса: упразднение трансцендентального субъекта (в операционной среде посткапитала субъектность оказывается рассеянной, фрагментированной), редукция к данным (непрерывный процесс самопознания и рефлексии, составляющий сердцевину субъективности, замещается внешним дата-профилеированием), децентрация воли (свободный выбор, основанный на разуме и ценностях, замещается предсказательной поведенческой навигацией), растворение ответственности (следствие размывания субъекта).

Исчезает не индивид как биопсихосоциальный организм, а свободный, рефлексирующий, ответственный субъект, центральная фигура проекта Модерна.

Второй акт катастрофы состоит в системном уничтожении смысла как такового. Императив капитала, сведенный к чистой функциональности и росту, по самой своей природе безразличен к смыслу, ибо смысл всегда трансцендентен по отношению к утилитарной целесообразности.

Параллельно деконструкции субъекта разворачивается семиотическая динамика, разобранный нами ранее в качестве одного из трех компонентов триединого коллапса архетипа [12]. В настоящей работе она интересует нас не как самостоятельный сюжет, но как фон, на котором становится возможной собственно антропологическая катастрофа. В мире, безраздельно подчиненном инструментальному разуму, вопросы о конечной цели вытесняются вопросами об эффективности средств, и стоимость, потеряв связь с реальным трудом, природными ресурсами или человеческими потребностями, начинает измерять лишь самое себя.

Бодрийяр описал это состояние как гиперреальность, где карта предшествует территории, а реальность становится бледной копией симуляции [2]. В подобной системе любое высказывание о смысле обращается в пустую игру семиотических кодов, и подлинный смысл умирает не от отсутствия активности, но от тотальной подмены его знаком, который можно купить, продать или отправить в ленту.

Финальный акт катастрофы состоит в превращении основных идеалов Просвещения, свободы, равенства и братства, в пустые симулякры, обслуживающие легитимацию системы, онтологически враждебную их подлинному содержанию.

Свобода низводится до «свободы потребительского выбора» в строго очерченном коридоре опций, генерируемых самой системой. Свобода же от системы, свобода неучастия, оказывается технически и экономически невозможной, превращая человека в узника цифровой среды.

Равенство подменяется «равенством возможностей» вступить в конкурентную борьбу, исходные условия которой заведомо неравны, а проигравший объявляется виновным в собственной «неэффективности». Это равенство перед алгоритмом, маскирующее новую, цифровую форму аристократии, аристократии данных и доступа.

Братство как идея человеческой солидарности систематически уничтожается стратегией атомизации. Подлинные социальные связи

замещаются управляемыми симулякрами сообществ в цифровых пространствах, где индивид превращается в конкурента за внимание и ресурсы и где дружба и взаимопомощь уступают место соперничеству.

Гуманизм переживает свой эпилог. Язык и символы его сохраняются, но сущность извращается и ставится на службу логике, антигуманной по своему существу.

Заключение: по ту сторону катастрофы

Проведенное исследование, основанное на оригинальной концепции капитала-архетипа, раскрыло траекторию его метаморфозы от исторического симбиоза с человечеством через выявленный и теоретически осмысленный «Великий раскол» к рождению посткапитала и сопутствующей ему антропологической катастрофе. Разработанная модель четырех фаз экспансии демонстрирует, как капитал, подобно многоступенчатой ракете, эксплуатировал человечество, его мускульную силу, время, социальные институты и, в конечном счете, саму психическую энергию в качестве первой ступени для достижения орбиты собственного бестелесного, алгоритмического существования. Центральный тезис работы о переходе от антропоцентричной формы капитала к его автономной, постантропологической стадии находит тем самым свое подтверждение.

Финальный триумф архетипа, однако, содержит в себе имманентную и, вероятно, неразрешимую апорию. В стремлении к тотальной оптимизации и абсолютной функциональности капитал обречен на самоуничтожение через нивеляцию, неуклонное упрощение реальности до семиотического Ничто, в котором сама категория стоимости, лишенная внешних, антропологических референтов, теряет смысл. Интеллект капитала, лишенный рефлексивной глубины, не способен осознать, что, выжигая почву, порождающую желание и смысл, он подрывает фундамент собственного воспроизводства. Движение его к семиотической и экзистенциальной энтропии представляется неизбежным. И все же агония эта, по выражению Борхеса, есть «агония бога, а не червя» [3, 152—159]. Двигаясь к пропасти, капитал продемонстрировал принципиальную возможность существования сложной, бестелесной, самоцельной процессуальности, независимой от антропологической формы, ее породившей.

Сделанный вывод ставит перед нами последний, одновременно сугубо практический и глубоко метафизический вопрос о том, остается ли у «человека» в его классическом, гуманистическом понимании какой-либо шанс на выживание и сохранение собственной сущности. Попытка ностальгического возвращения к прошлому, к иллюзорному «золотому веку» симбиоза, представляется не только утопической, но и реакционной, поскольку игнорирует онтологический сдвиг, уже совершившийся.

Ответ, как нам представляется, кроется не в ретроспективной ностальгии, а в принятии новой, трагической роли, роли хранителя смысла в обесмысливающемся мире. Когда операционная реальность посткапитала системно генерирует пустоту и хаос, акт сохранения и порождения смысла, любого смысла, несводимого к холодной логике оптимизации, становится формой сопротивления. Человек способен осознать себя аномалией в тотальной системе, живым воплощением того самого «шума», который система стремится устранить. Иррациональная привязанность к красоте, этические дилеммы, способность к бескорыстной жертве, мучительные поиски ответа на экзистенциальный вопрос о конечном «зачем» — все эти черты становятся свидетельством инаковости, последним бастионом «абсолюта выбора», который капитал стремится узурпировать, подменяя его управляемым псевдовыбором.

Литература

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: ПОСТУМ, 2015.
3. Борхес Х.Л. Письмена Бога // Борхес Х.Л. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2005. С. 152—159.
4. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
5. Веблен Т. Теория делового предприятия. М.: Дело, 2007.
6. Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 226—232.
7. Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Политиздат, 1973.

9. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990.
10. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. Хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. М.: Изд-во МГУ, 1990.
11. Раишковский Е.Б. Человеческий капитал как проблема социальной философии // Вопросы философии. 2024. № 6. С. 47—54.
12. Ушаков Д.С. Капитал как архетип: диалектика инструментального интеллекта и имманентного самоотрицания // Философия хозяйства. 2026. № 2 (164). С. 180—197. DOI: 10.5281/zenodo.19595660.
13. Хан Б. Общество усталости. М.: АСТ, 2021.
14. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
15. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
16. Элиас Н. О времени. М.: Институт психологии РАН, 1997.
17. Bail C.A., Argyle L.P., Brown T.W., Bumpus J.P., Chen H., Hunzaker M.B. et al. Exposure to opposing views on social media can increase political polarization // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. No. 37. P. 9216—9221. DOI: 10.1073/pnas.1804840115.
18. Barberá P. Social media, echo chambers, and political polarization / Persily N., Tucker J.A. (eds.) // Social Media and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 34—55.
19. Bureau of Labor Statistics. Current Employment and Earnings Tables. U.S. Department of Labor, 2025: URL: <https://www.bls.gov/ces/data/employment-and-earnings/> (дата обращения: 24.08.2025).
20. Marketer. Worldwide Programmatic Ad Spending 2025: URL: <https://www.emarketer.com/content/worldwide-programmatic-ad-spending-2025> (дата обращения: 24.08.2025).
21. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. N. Y.: Basic Books, 2002.
22. Goldhaber M.H. The attention economy and the net // First Monday. 1997. Vol. 2. No. 4. DOI: 10.5210/fm.v2i4.519.

23. Grand View Research. Chatbot-based Mental Health Apps Market Size, Share & Trends Analysis Report, 2025—2033: URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/chatbot-based-mental-health-apps-market-report> (дата обращения: 24.08.2025).
24. Meta. Annual Reports 2021: URL: <https://investor.at-meta.com/financials/> (дата обращения: 24.08.2025).
25. Price M., Legrand A.C., Brier Z. *et al.* Doomscrolling during COVID-19: The Negative Association between Daily Social and Traditional Media Consumption and Mental Health Symptoms during the COVID-19 Pandemic. *PsyArXiv*, 2021. DOI: 10.31234/osf.io/s2nfg.
26. Shirky C. *Here Comes Everybody: The Power of Organizing without Organizations*. N. Y.: Penguin Press, 2008.
27. U.S. Securities and Exchange Commission. Research and Analysis — Market Structure, 2025: URL: <https://www.sec.gov/securities-topics/market-structure-analytics/research-analysis-market-structure> (дата обращения: 24.08.2025).

References

1. Bekker G.S. *CHelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod*. M.: GU VSHE, 2003.
2. Bodriyyar ZH. *Simulyakry i simulyaciya*. M.: POSTUM, 2015.
3. Borhes H.L. *Pis'mena Boga* // Borhes H.L. *Sobr. soch.: V 4 t. T. 2*. SPb.: Amfora, 2005. S. 152—159.
4. Bulgakov S.N. *Filosofiya hozyajstva*. M.: Nauka, 1990.
5. Veblen T. *Teoriya delovogo predpriyatiya*. M.: Delo, 2007.
6. Delez ZH. *Post scriptum k obshchestvam kontrolya* // Delez ZH. *Peregovory*. SPb.: Nauka, 2004. S. 226—232.
7. Lukach D. *Istoriya i klassovoe soznanie. Issledovaniya po marksistskoj dialektike*. M.: Logos-Al'tera, 2003.
8. Marks K. *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii*. T. 1. M.: Politizdat, 1973.
9. Nicshe F. *Veselaya nauka* // Nicshe F. *Soch.: V 2 t. T. 1*. M.: Mysl', 1990.
10. Osipov YU.M. *Opyt filosofii hozyajstva. Hozyajstvo kak fenomen kul'tury i samoorganizuyushchayasya sistema*. M.: Izd-vo MGU, 1990.

11. *Rashkovskij E.B.* Chelovecheskij kapital kak problema social'noj filosofii // *Voprosy filosofii*. 2024. № 6. S. 47—54.
12. *Ushakov D.S.* Kapital kak arhetip: dialektika instrumental'nogo intellekta i immanentnogo samootricaniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2026. № 2 (164). S. 180—197. DOI: 10.5281/zenodo.19595660.
13. *Han B.* Obshchestvo ustalosti. M.: AST, 2021.
14. *Horkkhajmer M., Adorno T.V.* Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. M.; SPb.: Medium, YUventa, 1997.
15. *SHumpeter J.* Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya. M.: Eksmo, 2007.
16. *Elias N.* O vremeni. M.: Institut psihologii RAN, 1997.

П.П. ЖУЛИКОВ

Перспектива развития мирового человеческого хозяйства*

Аннотация. В статье рассматривается современный кризис мирового человеческого хозяйства как самоорганизованной системы, достигшей фазы предельного усложнения, при которой ускорение технологического развития сопровождается нарастанием критических системных противоречий. Оно интерпретируется как фрактально организованная бинарная организменная сущность. Предполагается, что современная модель ее функционирования в течение последних 200 лет формировалась в рамках капиталистического уклада с идеологией: политэкономия — экономика — экономикс, основанной на триаде: милитаризм — религия — образование. Предполагается, что развитие мирового человеческого хозяйства (МЧХ) обусловлено опосредованным демографическим ростом, при котором человеческая масса выступает вероятностной средой возникновения созидательных субъектов (гениев и талантов), определяющих скорость технологического развития. Вводится понятие горизонта события — предела развития МЧХ в идеологии политэкономии —

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Жуликов П.П. Перспектива развития мирового человеческого хозяйства // *Философия хозяйства*. 2026. № 4. С. 91—102. DOI: 10.5281/zenodo.20642953.

экономики — экономикса. Обосновывается, что дальнейший рост человеческой массы перестает способствовать ускорению развития, тогда как ее снижение увеличивает риск замедления и деградации системы. Обосновывается необходимость перехода к иной конфигурации МЧХ, основанной на балансе экономической и социальной ветвей. Основной вопрос статьи — существует ли выход из текущей ситуации без глобальных конфликтов. Статья представлена в форме семи тезисов, предлагаемых для дальнейшего анализа и осмысления перспектив развития мирового человеческого хозяйства.

Ключевые слова: мировое человеческое хозяйство, хозяйсфера, фрактальная система, горизонт события, производство и распределение.

Abstract. The article examines the contemporary crisis of the World Human Economy (WHE) as a self-organizing system that has reached a phase of extreme complexity, in which the acceleration of technological development is accompanied by the growth of critical systemic contradictions. The WHE is interpreted as a fractally organized binary organismic entity. It is assumed that the contemporary model of its development has been formed over the past 200 years within the framework of the capitalist order and the ideological sequence: «Political Economy → Economy → Economics» (PEE), based on the triad: militarism — religion — education (MRE). It is assumed that the development of the WHE is conditioned by mediated demographic growth, in which the human mass acts as a probabilistic environment for the emergence of creative subjects of development (geniuses and talents) determining the speed of technological development. The concept of the event horizon is introduced as the developmental limit of the WHE within the ideology of PEE. It is substantiated that further growth of the human mass ceases to contribute to the acceleration of development, while its decline increases the risk of systemic slowdown and degradation. The necessity of transition toward another configuration of the WHE based on the balance between the economic and social branches is substantiated. The main question of the article is whether there exists a way out of the current situation without global conflicts. The article is presented in the form of seven theses proposed for further analysis and comprehension of the prospects for the development of the World Human Economy.

Keywords: World Human Economy, Hozosphere, fractal system, event horizon, production and distribution.

УДК 330
ББК 65

Тезис 1. Главная проблема человеческого хозяйства

Современное мировое человеческое хозяйство (МЧХ) вошло в затяжной несистемный кризис, сопровождающийся нарастанием внутренних противоречий при ускорении технологического развития. Противоречие выражается в расхождении между ростом сложности системы и ее способностью к координации и управлению новыми вызовами цивилизации. Увеличение технологической и организационной сложности сопровождается снижением управляемости, усилением дисбалансов и неравномерным распределением благ, что ставит под сомнение устойчивость текущей модели развития [3; 4]. Данный кризис носит не локальный и не циклический характер и указывает на достижение предельного уровня развития МЧХ в формате действующей идеологии политэкономии — экономики — микроэкономики, что обуславливает необходимость перехода от теоретических изысканий оптимальной модели к выявлению структурных механизмов, определяющих динамику мирового хозяйства.

Противоречие в значительной степени обусловлено разрушением глобальной дихотомии между СССР и капиталистической системой, ранее обеспечивавшей относительное структурное равновесие. После разрушения данного бинарного равновесия экономико-технологическая ветвь развития получила доминирующее положение, тогда как механизмы социального воспроизводства и распределения постепенно утратили способность компенсировать возникающие дисбалансы. В результате усилилось противоречие между производством и распределением, которое в рамках настоящего исследования рассматривается как базовая дихотомия современной модели МЧХ. Все остальные противоречия — политические, социальные, технологические, цивилизационные и культурные — в значительной степени являются производными от данной дихотомии.

Таким образом, современный кризис МЧХ следует рассматривать не как совокупность локальных кризисов, а как проявление достижения предела развития текущей модели мирового человеческого хозяйства.

Тезис 2. Что такое человеческое хозяйство

В настоящее время большинство дискуссий о развитии человеческого хозяйства упирается в отсутствие четкого понимания того, что вообще представляет собой человеческое хозяйство. Это приводит к недоговоренностям и позволяет уходить от обсуждения ключевых вопросов, связанных с целями и направлением его дальнейшего развития.

Не имея ясного представления о том, что такое человеческое хозяйство и как оно онтологически устроено, исследовательская мысль неизбежно смещается к анализу частных аспектов: рыночных механизмов, финансовых потоков, отраслевых и технологических решений, институциональных правил, управленческих моделей, потребительского поведения и локальных социально-экономических процессов. Все эти аспекты важны и необходимы не только для анализа ситуации, но и просто для выживания в текущих отрезках времени, однако при отсутствии целостного понимания МЧХ они теряют стратегический смысл. В условиях обострения вопроса о сохранении человеческого хозяйства как целого частные аспекты оказываются вне сферы принятия ключевых решений, поскольку решающим становится уже не оптимизация отдельных элементов, а сохранение самой системы.

Таким образом, вопрос о человеческом хозяйстве как онтологической сущности становится не отвлеченной философской проблемой, а условием выбора направления дальнейшего развития [2]. Предлагается рассматривать человеческое хозяйство как абстрактную хозосферу — целостную, самоорганизующуюся, организменную фрактальную структуру, развивающуюся во времени и пространстве [1].

В отличие от традиционных подходов, трактующих человеческое хозяйство как совокупность экономических процессов, хозосфера интерпретируется как фрактальная система взаимодействий взаимосвязанных локальных хозяйственных структур, в которой ключевую роль играют не элементы сами по себе, а связи между

ними [1]. Очевидно, что такая система характеризуется нелинейностью, иерархичностью и наличием центров концентрации активности. При этом хозосфера обладает бинарной структурой, формируемой во взаимодействии двух подсистем, находящихся в жесткой дихотомии. Речь идет не о простой дихотомии, аналогичной физическим объектам с двумя полюсами, а о более сложной многоуровневой системе, в которой каждая подсистема фрактально также может иметь бинарную организацию.

В рамках такой структуры можно выделить два доминирующих фрактальных направления: одно основано на доминанте экономико-технологического развития, другое — на доминанте социально-экономического воспроизводства. Наиболее острая форма дихотомии проявляется между производством и распределением. Именно данное противоречие определяет характер движения всей системы и воспроизводится на различных уровнях организации хозосферы. При этом речь идет не о взаимоисключающей дихотомии, предполагающей уничтожение одной из сторон, а о системе комплементарного взаимодействия, при котором устойчивость МЧХ определяется способностью экономической и социальной ветвей удерживать динамическое равновесие.

Таким образом, хозосфера представляет собой не линейную экономическую конструкцию, а сложную фрактальную организменную систему, устойчивость которой определяется состоянием бинарного равновесия между производством и распределением, экономическим ускорением и социальным воспроизводством.

Тезис 3. Современная модель развития мирового человеческого хозяйства

В рамках двухсотлетнего развития МЧХ сформировалась модель в идеологии «политэкономия → экономика → экономикс», функционирование которой обеспечивалось триадой «милитаризм — религия — образование» [2]. Данная модель обеспечивала длительный период роста и усложнения системы, формируя институциональную и идеологическую основу развития. В формате этой модели фрактальной хозосферы доминировали два фрактала — социалистический и капиталистический, находившиеся в жесткой дихотомии, но одновременно и в состоянии метастабильного равновесия.

Несмотря на высокий уровень противостояния, данная дихотомия обеспечивала определенный баланс системы. Конкуренция двух фракталов ограничивала предельную концентрацию контроля над производством и распределением, поддерживала необходимость социального развития и стимулировала технологическое ускорение. В этих условиях противоречие между производством и распределением не устранялось, но удерживалось в пределах управляемого равновесия. Разрушение дихотомии СССР и капиталистической системы привело к утрате глобального бинарного равновесия, что стало одним из факторов нарастания современных системных противоречий.

После разрушения социалистического фрактала система начала ускоренно смещаться в сторону доминирования экономико-технологической ветви развития. При этом механизмы социального воспроизводства и распределения постепенно утратили компенсирующую функцию. В результате усилилась концентрация контроля над производством и распределением, возросла неравномерность распределения, а сама система стала значительно менее устойчивой к внутренним и внешним кризисам [5]. Ускорение технологического развития перестало сопровождаться сопоставимым развитием социальной подсистемы. На фоне роста сложности МЧХ это привело к усилению базовой дихотомии производства и распределения, которая начала воспроизводиться на всех фрактальных уровнях системы. Противоречия, ранее частично компенсируемые бинарным балансом, перешли в фазу системного накопления.

Таким образом, современная модель развития МЧХ показывает, что дальнейшее движение системы не может быть понято только через экономико-технологическое ускорение. Необходимо учитывать нарушение фрактального бинарного равновесия, связанного с взаимодействием экономической и социальной подсистем. Рассматривать дальнейшее развитие МЧХ как устранение данной дихотомии уже поздно, для выживания необходимо найти форму комплементарного взаимодействия между экономической и социальной подсистемами. Речь идет не о простой двухполюсной модели, а о сложной фрактальной системе, в которой различные уровни организации должны сохранять баланс между производством и распределением, технологическим развитием и социальным воспроизводством.

Тезис 4. Механизм развития: демография и созидательные субъекты

Дальнейшее развитие МЧХ представляет собой вероятностный процесс, опосредованный демографической динамикой и образовательной парадигмой. Человеческая масса выступает вероятностной средой возникновения созидательных субъектов развития — гениев, талантов и иных творческих субъектов, определяющих скорость технологического и организационного развития системы [3]. Возникновение таких субъектов носит вероятностный характер и зависит как от демографического масштаба системы, так и от уровня образования, социальной организации и способности общества выявлять, концентрировать и развивать созидательный потенциал.

Рост человеческой массы увеличивает вероятность появления субъектов прорывного уровня, однако сам по себе не гарантирует ускорения развития. Существенное значение имеет образовательная парадигма, определяющая возможность реализации созидательных субъектов и их включения в процессы развития МЧХ. Созидательные субъекты распределяются внутри хозосферы неравномерно. Наиболее редкие формы — субъекты прорывного уровня — возникают с низкой вероятностью, однако именно они оказывают определяющее влияние на развитие технологий, организационных структур и механизмов управления.

По мере роста МЧХ формируются центры концентрации активности, способные привлекать и концентрировать созидательных субъектов развития. В результате возникают интеллектуальные, научные и технологические центры силы, усиливающие неравномерность развития системы. При этом созидательные субъекты неоднородны. Одни из них ориентированы на создание новых знаний, технологий и благ, другие — на организацию управления, перераспределение ресурсов и формирование механизмов контроля над системой [6]. В процессе концентрации таких субъектов постепенно формируются элиты, центры управления и механизмы контроля над производством и распределением.

Развитие МЧХ можно представить как функцию взаимодействия демографической динамики, образовательной парадигмы и вероятностного возникновения созидательных субъектов развития.

Тезис 5. Горизонт события мирового человеческого хозяйства

В рамках настоящего исследования предлагается ввести понятие горизонта события МЧХ — предельного состояния развития хозосферы, при котором дальнейшее усложнение системы перестает сопровождаться сопоставимым ростом устойчивости и управляемости.

На протяжении двухсотлетнего функционирования модели «политэкономия — экономика — экономикс» ускорение технологического развития определялось ростом человеческой массы, усложнением организационных структур и расширением системы глобальных взаимодействий. Демографический рост увеличивал вероятность возникновения созидательных субъектов развития, обеспечивающих дальнейшее ускорение системы. Однако по мере достижения предельного уровня сложности возникает ситуация, при которой дальнейший рост человеческой массы не приводит к сопоставимому ускорению развития, и система начинает тратить все больший объем ресурсов на поддержание собственной сложности [3; 4].

В результате возникает состояние, при котором ускорение технологического развития сопровождается ростом внутренних противоречий, снижением устойчивости и усилением дихотомии между производством и распределением. Наиболее острая форма данной дихотомии проявляется именно между общественным производством блага и его персонифицированным распределением. Все остальные противоречия — политические, социальные, технологические, цивилизационные и культурные — в значительной степени являются производными от нее. При этом дихотомия в структуре МЧХ носит не линейный, а фрактальный характер. Противоречие между производством и распределением воспроизводится на различных уровнях организации хозосферы: между государствами, социальными группами, центрами силы, технологическими платформами и локальными хозяйственными структурами. Фрактальная структура МЧХ обеспечивает высокую адаптивность системы и создает условия для многократного воспроизводства внутренних противоречий.

Разрушение бинарного равновесия между социалистическим и капиталистическим фракталами усилило данную тенденцию. После разрушения СССР экономико-технологическая ветвь развития получила доминирующее положение, тогда как механизмы социального

воспроизводства постепенно утратили способность компенсировать возникающие дисбалансы. В результате современная модель МЧХ стала катастрофически быстро приближаться к состоянию горизонта события — фазе, в которой дальнейшее ускорение технологического развития уже не уменьшает, а увеличивает вероятность системной деградации. При этом приближение горизонта события еще можно рассматривать не как абсолютную точку разрушения, а как вероятностную зону перехода системы в режим предельной нестабильности, при котором традиционные механизмы управления и распределения утратят свою эффективность.

Тезис 6. Вероятностный предел развития мирового человеческого хозяйства

Развитие МЧХ носит вероятностный характер и зависит от способности системы поддерживать баланс между экономико-технологическим ускорением и социальным воспроизводством. В течение длительного периода рост человеческой массы создавал условия для расширения образовательной среды и увеличения вероятности возникновения созидательных субъектов развития. Это обеспечивало ускорение научного, технологического и организационного развития хозосферы. Однако в настоящее время возникла вероятность достижения предела данной модели развития. При дальнейшем усложнении системы рост человеческой массы уже не гарантирует сопоставимого роста эффективности и устойчивости. Возрастает вероятность деградации механизмов распределения, координации и управления, система все большую часть ресурсов направляет не на развитие, а на поддержание собственной сложности и удержание внутреннего равновесия [4].

В этих условиях возрастает роль образовательной парадигмы. Образование начинает выполнять не только функцию подготовки специалистов, но и функцию формирования новой логики восприятия: поведения и распределения. Без изменения образовательной парадигмы дальнейшее развитие МЧХ может перейти в фазу ускоренного накопления противоречий между производством и распределением, что увеличивает вероятность системного конфликта. Таким образом, вероятность сохранения МЧХ сегодня зависит не только от технологического уровня системы, но и от способности хозосферы

формировать механизмы комплементарного взаимодействия между экономической и социальной подсистемами и другими бинарами.

Дальнейшее развитие МЧХ следует рассматривать не как линейный процесс бесконечного роста, а как вероятностный процесс удержания организменной устойчивости в условиях предельной сложности.

Тезис 7. Возможность перехода к иной модели мирового человеческого хозяйства

Обобщая материал статьи, можно сделать вывод: современный кризис МЧХ является следствием достижения предела развития его текущей модели; дальнейшее движение в данном формате ведет к усилению внутренних противоречий и росту вероятности глобального конфликта; для сохранения современной человеческой цивилизации нужна иная модель МЧХ. Организовать переход к новой — иной — модели МЧХ сегодня крайне сложно и практически почти невозможно при действующей системе распределения богатства. Для установления долговременного перемирия ситуация неподходящая. Однако есть небольшая надежда приостановить это движение в пропасть на некоторое время (на 2—3 года) для разработки решения выхода из разрушительной конфронтации — надежда ничем не обоснованная и даже более фантастическая, чем реальная, но пока еще вероятная. Необходимо в формате сетей мирового интернета запустить вирусную программу с вопросом: жить или не жить, чтобы каждый интернет-пользователь мог увидеть, услышать, что будет, если все население планеты не подключится к решению этого вопроса. Следует успеть запустить такой масштабный проект, пока интернет еще доступен, и провести масштабную образовательную работу как среди правящей финансовой элиты, так и среди производителей всех благ и богатств на тему «Как сохранить цивилизацию — мировое человеческое хозяйство».

Необходимо, чтобы большинство населения планеты могло понять:

- человеческое хозяйство — это организменная сущность с организменной системой распределения благ (питания), обеспечивающей оптимальное функционирование всей системы, которое развивается по законам организменной сущности;

- человеческий мозг — элита организма, около 3% от массы человека — потребляет в среднем 20—25% энергии организма; при нарушении такой пропорции организм разрушается;

- в мировом человеческом хозяйстве элита, составляющая около 3% населения, владеет примерно 90% всех благ, что неизбежно ведет к глобальному коллапсу;

- в настоящем времени наблюдается максимальный разрыв в распределении благ и богатства за всю историю развития человечества, который нивелировался высоким уровнем технологического развития, пик технологической компенсации уже пройден;

- хотя это и сложно, еще можно прийти к соглашению между мировой финансовой элитой и народом о балансе распределения благ (богатства) и попытаться отодвинуть фазу разрушения хотя бы на три, а желательно на пять лет;

- для этого необходимо срочно запустить такой международный образовательный проект и убедить элиту и население планеты в том, что главной задачей становится сохранение самого МЧХ и поиск возможностей перехода к иной формации экономического развития;

- ключевым условием выживания становится не только структурная перестройка системы, но и реализация масштабной образовательной программы, формирующей новую логику восприятия, производства и распределения, без этого невозможно ни согласование интересов, ни удержание системы в устойчивом состоянии;

- решающим фактором становится готовность населения планеты к договоренности: осознать, что, в случае отсутствия такой договоренности, система не сохранится ни в каком виде.

Таким образом, речь идет не только о перераспределении богатства или изменении модели развития — речь идет о сохранении самой цивилизации и организменной целостности МЧХ.

Если противоречие между производством и распределением перейдет в неконтролируемую фазу, начнется разрушение структур, обеспечивающих существование сложного человеческого хозяйства. В таком сценарии не останется ни богатой элиты, ни бедного населения. Разрушится сам организм МЧХ, произойдет деградация системы до примитивных форм существования. Останутся разрозненные

группы людей, утративших накопленные знания, навыки, технологии и механизмы организации, неспособных поддерживать достигнутый уровень развития и фактически отброшенных к состоянию, близкому к первобытному.

Литература

1. Жуликов П.П. Горизонт события человеческого хозяйства: демография и предел технологического развития хозосферы. 2026. № 2. С. 35—44. DOI: 10.5281/zenodo.19594899.
2. Жуликова О.В., Жуликов П.П. Фрактальные формы экономического развития // Экономика образования. 2015. № 1. С. 107—111.
3. Осипов Ю.М. Философия хозяйства как направление экономической мысли // Философия хозяйства. 1999. № 1. С. 5—18.
4. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. The Limits to Growth. N. Y.: Universe Books, 1972. 205 p.
5. Tainter J.A. The Collapse of Complex Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 250 p.
6. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham: Duke University Press, 2004. 121 p.

References

1. Zhulikov P.P. Gorizont sobytiya chelovecheskogo hozyajstva: demografiya i predel tekhnologicheskogo razvitiya hozosfery. 2026. № 2. S. 35—44. DOI: 10.5281/zenodo.19594899.
2. Zhulikova O.V., Zhulikov P.P. Fraktal'nye formy ekonomicheskogo razvitiya // Ekonomika obrazovaniya. 2015. № 1. S. 107—111.
3. Osipov YU.M. Filosofiya hozyajstva kak napravlenie ekonomicheskoy mysli // Filosofiya hozyajstva. 1999. № 1. S. 5—18.

А.А. МАКОВЕЕВ

**Методологический подход к исследованию
«успешного человека»***

Аннотация. Цель исследования — сформировать методологический подход к исследованию успешного человека. Актуальность темы в том, что классическая модель рациональности экономического человека трудно применима, когда речь идет об экономике, оказавшейся в цифровых условиях. На помощь временным трудностям, кризису классической модели рациональности приходит поведенческая экономика. Внимание и интерес к ней растут, потому что она помогает систематизировать индивидуальные и институциональные факторы экономического поведения. Исследовать успешного человека вне экономики — задача трудная, сопоставимая с исследованием его методами социологической и психологической науки. Категория «успешный человек» представляет собой сложный и многомерный социально-экономический феномен, который не может быть адекватно объяснен в рамках одного теоретического подхода.

Ключевые слова: методология, успех, человек.

Abstract. Aim of labour — to form methodological approach to search of successful person. This field is actual, and it is goes from uneasy continuation of rationality economic human model, when scientists' talk begins of economics, arrived at digital conditions. As a help to temporal hardedness, classical rationality model crisis, comes behavioural economics. Attention and interest to her increase, because she helps to systematize individual and institutional economic behaviour factors. To search successful human out of economics — a labourious task, could be compared to search him according to sociological and psychological science methods. Category «successful human» presents itself complex and many-sided socially-economic phenomenon, that cannot be adequately explained into one theoretical approach boundaries.

Keywords: methodology, success, human.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Маковеев А.А. Методологический подход к исследованию «успешного человека» // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 103—118. DOI: 10.5281/zenodo.20642989.

Введение

Вопрос о том, кого можно считать успешным человеком, сегодня звучит гораздо сложнее, чем еще несколько десятилетий назад. Изменения в экономике, нестабильность занятости и рост требований к гибкости поведения заставляют по-новому взглянуть на сами основания успеха. Если раньше он чаще ассоциировался с устойчивой карьерой и материальным благополучием, то сейчас становится очевидно, что этих критериев недостаточно для описания реальных жизненных стратегий людей.

Научный интерес к данной теме связан не только с ее популярностью, но и с отсутствием четкого и общепринятого определения. В экономических исследованиях успех обычно описывается через измеримые показатели — доход, профессиональный статус, эффективность решений. Однако подобный подход фиксирует лишь внешнюю сторону явления и не объясняет, почему при сходных условиях люди достигают разных результатов.

С другой стороны, психологические и социологические исследования обращают внимание на внутреннее восприятие успеха — удовлетворенность жизнью, ощущение реализованности, признание со стороны других. Но здесь возникает обратная проблема: субъективные оценки трудно сопоставимы и не всегда связаны с реальными достижениями.

Таким образом, складывается ситуация, при которой разные научные подходы описывают один и тот же феномен с разных сторон, но не дают целостной картины. Именно это делает необходимым обращение к более комплексной логике анализа.

В данной работе успешный человек рассматривается не просто как носитель определенных результатов, а как субъект, способный поддерживать и развивать их во времени, соотнося собственные цели с возможностями и ограничениями окружающей среды.

Цель данной статьи — формирование методологического подхода к пониманию «успешного человека» как социально-экономического явления. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявляются теоретические основания исследования

данной категории, уточняется ее содержание, обосновываются ключевые методологические принципы и подходы.

Научная новизна исследования заключается в обосновании интегративного методологического подхода к анализу «успешного человека», позволяющего преодолеть ограниченность традиционных экономических моделей и учесть социально-психологическую природу экономического поведения. Практическая значимость работы определяется возможностью использования предложенного подхода при разработке образовательных программ, систем управления персоналом, а также в формировании экономической и социальной политики, ориентированной на развитие человеческого потенциала.

Теоретические основания исследования «успешного человека»

Осмысление категории «успешный человек» требует обращения к различным теоретическим подходам, сложившимся в экономической теории, психологии и социологии. Современные исследования показывают, что успех нельзя интерпретировать исключительно как экономический результат или личное достижение. Напротив, речь идет о сложном явлении, формирующемся на пересечении индивидуальных характеристик, социальных условий и институциональной среды.

Эволюция представлений о человеке в экономической теории. В классической экономической мысли человек рассматривался через призму модели рационального субъекта — «*homo economicus*». Предполагалось, что индивид действует последовательно и целенаправленно, стремясь максимизировать выгоду. Дж.С. Милль указывал, что политическая экономия изучает человека как того, кто ориентирован на приобретение богатства и способен выбирать наиболее эффективные способы его достижения [14].

Тем не менее по мере развития экономической науки стало очевидно, что подобная модель отражает лишь упрощенный образ реального поведения. Уже в середине XX в. Г. Саймон предложил концепцию ограниченной рациональности, согласно которой человек не стремится к идеальному выбору, а ограничивается поиском приемлемого решения [21].

Позднее поведенческая экономика продемонстрировала, что поведение людей подвержено систематическим отклонениям от рациональной модели. Работы Д. Канемана и А. Тверски показали, что

решения часто принимаются под влиянием когнитивных искажений и субъективных оценок [7]. В результате современная экономическая теория все чаще рассматривает человека как субъекта, поведение которого определяется не только рациональным расчетом, но и психологическими и социальными факторами.

Ограниченность модели рационального выбора. Несмотря на теоретическую значимость, модель рационального выбора не способна в полной мере объяснить реальное поведение индивидов. В повседневной практике люди действуют в условиях неопределенности, ограниченного времени и неполной информации. Более того, их решения нередко обусловлены эмоциями, привычками и влиянием социальной среды.

Р. Талер подчеркивает, что экономические агенты не соответствуют образу идеально рациональных субъектов, поскольку их предпочтения изменчивы, а поведение подвержено ошибкам [15]. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для анализа успеха: достижение высоких результатов не может быть сведено к рациональному выбору, а предполагает способность ориентироваться в сложной и изменяющейся реальности.

Психологические подходы к пониманию успеха. Психологическая наука предлагает более глубокое понимание природы успеха, акцентируя внимание на внутренних механизмах поведения. В рамках мотивационного подхода успех рассматривается как результат стремления человека к реализации своих возможностей. А. Маслоу связывал развитие личности с движением к самоактуализации, понимаемой как раскрытие потенциала [10].

Ценностный подход подчеркивает, что представления об успехе формируются под влиянием системы личностных ценностей. Ш. Шварц указывал, что ценности задают направление поведения и определяют значимость тех или иных целей [20]. С точки зрения субъектного подхода, человек выступает как активный участник собственной жизни, способный самостоятельно конструировать жизненную траекторию.

Особое значение имеет теория самоэффективности А. Бандуры, согласно которой вера в собственные возможности влияет на поведение, уровень настойчивости и готовность к преодолению трудностей [1]. Наконец, в рамках гуманистической психологии успех связывается с личностным ростом и развитием. К. Роджерс

рассматривал стремление к развитию как базовую характеристику человека [14]. В этом контексте успех понимается не как разовый результат, а как процесс.

Социологические подходы. Если смотреть на успех с точки зрения социологии, становится понятно, что это не только личное достижение, а во многом результат того, как человек взаимодействует с окружающими. Представления о том, что считать успехом, не существуют сами по себе — они складываются в обществе и со временем меняются. П. Бергер и Т. Лукман как раз подчеркивали, что сама социальная реальность формируется в процессе общения и совместной деятельности людей [3]. На то, как именно понимается успех, сильно влияют нормы и правила, действующие в обществе. Они задают рамки, что считается допустимым, а что нет, какие цели одобряются, а какие нет. При этом важно учитывать, что возможности изначально распределены неравномерно: у разных людей доступ к ресурсам и поддержке различается.

В этом контексте особенно значима идея социального капитала. П. Бурдье показывал, что связи и принадлежность к определенным группам дают человеку дополнительные ресурсы — то, чего нельзя добиться в одиночку [4]. Проще говоря, многое зависит от того, в какое окружение человек включен и какие у него есть социальные контакты.

Экономико-социологический подход позволяет увидеть эту зависимость еще более четко. Он исходит из того, что экономические результаты нельзя объяснить, если не учитывать социальную среду. М. Грановеттер показал, что любые экономические действия так или иначе «встроены» в сеть отношений [19]. Это означает, что успех формируется не в изоляции, а в процессе взаимодействия с другими людьми. Поэтому, говоря об успешности, нельзя ограничиваться только личными усилиями. Важно учитывать и то, как складываются отношения с окружающими, какую поддержку человек получает и в каких условиях действует. При этом значение имеет не только сам факт достижения результата, но и способность удержать его. В этом смысле успех — это не разовый итог, а, скорее, процесс, который нужно поддерживать. Кроме того, становится важным, насколько личные цели человека совпадают с ожиданиями общества. Если между ними возникает серьезное расхождение, сохранить достигнутые позиции оказывается значительно сложнее.

Междисциплинарный характер категории «успешный человек». Если попытаться рассмотреть разные подходы вместе, быстро становится понятно, что каждый из них описывает только часть ситуации. Экономика в основном говорит о результатах и эффективности, психология — о мотивации, переживаниях и внутреннем состоянии человека, социология — о том, как на него влияет окружение. Но по отдельности этого явно недостаточно, чтобы понять, как складывается успех в реальной жизни.

Именно поэтому сегодня все чаще говорят о необходимости смотреть на эту тему шире. Речь идет не о том, чтобы просто «склеить» разные подходы, а о попытке увидеть за ними общее — то, как на самом деле формируется успешность. В таком понимании успех — это не что-то одно, а сочетание нескольких вещей: умения принимать решения, личностного развития и того, насколько человек включен в социальную среду.

Проблема определения понятия «успешный человек»

Проблема определения того, кого можно считать успешным человеком, остается открытой именно потому, что само понятие успеха не имеет жестких границ. Оно меняется вместе с обществом и зависит от того, какие критерии в данный момент считаются значимыми. В научных работах обычно выделяют два направления. Одно из них делает акцент на внешних достижениях — доходе, статусе, признании. Такой подход удобен, потому что опирается на измеримые показатели. Однако он не объясняет, как сам человек воспринимает свою жизнь. С другой стороны, существует подход, в котором на первый план выходит субъективная оценка. Здесь важны удовлетворенность, ощущение реализованности, соответствие собственным ожиданиям [6]. В этом случае успех определяется не столько внешними результатами, сколько внутренним ощущением.

В научной литературе традиционно выделяются два базовых подхода к определению успеха — объективный и субъективный. Объективный подход ориентирован на внешние, социально фиксируемые достижения. В этом случае успешность связывается с такими показателями, как уровень дохода, профессиональный статус, карьерная мобильность и материальная обеспеченность. Эти критерии удобны для анализа, поскольку они поддаются количественной оценке и позволяют сопоставлять достижения различных индивидов

и социальных групп. Именно поэтому они широко используются в социологических и экономических исследованиях. В рамках данного подхода успешный человек рассматривается как индивид, достигший признания и определенного положения в социальной структуре. Однако подобная трактовка оказывается ограниченной, так как она не учитывает внутреннее восприятие человеком собственной жизни. В связи с этим все большее распространение получает субъективный подход, в рамках которого успех рассматривается как личностное переживание. В современных исследованиях подчеркивается, что важнейшими характеристиками успешности являются удовлетворенность жизнью, ощущение самореализации, достижение значимых целей и чувство собственной полезности [17]. С этой точки зрения успех не сводится к наличию внешних достижений, а определяется тем, насколько человек воспринимает свою жизнь как осмысленную и ценную.

Развитие субъективного подхода связано с концепцией психологического благополучия, в частности с эвдемонистической традицией. Согласно данному подходу, успешность определяется не только результатами деятельности, но и процессом личностного развития. В современных работах отмечается, что эвдемонистическое благополучие включает такие компоненты, как личностный рост, автономия, способность к саморегуляции и целеполаганию [11]. Это позволяет рассматривать успех как динамическое явление, связанное с реализацией потенциала личности.

Различие между внешними и внутренними критериями успеха часто приводит к тому, что само это понятие начинает пониматься по-разному. Общество, как правило, оценивает человека по вполне конкретным признакам — уровню дохода, карьерным достижениям, статусу. Эти ориентиры понятны и привычны. Однако сам человек может смотреть на ситуацию иначе, исходя из собственных ценностей и представлений о том, что для него действительно важно. Из-за этого возникает довольно распространенная ситуация: формально человек может считаться успешным, но при этом не испытывать удовлетворения от своей жизни. Бывает и наоборот: при не самых впечатляющих внешних результатах человек ощущает, что находится «на своем месте» и живет осмысленно [5].

Отдельная сложность связана с тем, что успех часто начинают почти полностью связывать с материальным благополучием. В современном обществе это выглядит логично, поскольку доход проще всего измерить и сравнить. Но такой подход сильно упрощает картину и оставляет за рамками личные цели, ценности и внутренние переживания. Как отмечает Г.Л. Тульчинский, подобное понимание формирует довольно узкую модель успеха, которая не учитывает разнообразие жизненных стратегий [16]. Более того, исследования показывают, что рост дохода сам по себе не гарантирует повышения удовлетворенности жизнью. При этом нельзя забывать и о личностных особенностях. На то, как человек движется к своим целям, влияет не только внешняя ситуация, но и его внутренние ресурсы — мотивация, уверенность в своих силах, способность справляться со стрессом и действовать в условиях неопределенности. Именно эти качества во многом помогают адаптироваться к меняющимся обстоятельствам [8].

Вместе с тем на жизненные результаты влияет не только то, что зависит от самого человека. Случайные обстоятельства тоже играют свою роль. Исследования показывают, что удачные или, наоборот, неблагоприятные совпадения могут существенно изменить жизненную траекторию, независимо от усилий и способностей [17]. Это делает картину еще сложнее и не позволяет объяснить успех только через личные качества. В такой ситуации становится очевидно, что рассматривать успех с одной точки зрения недостаточно. Более логично учитывать сразу несколько измерений — как внешние достижения, так и внутреннее восприятие. В этом случае успешный человек — это не просто тот, кто добился определенных результатов, но и тот, кто чувствует удовлетворенность своей жизнью и понимает ее смысл.

В целом успех разумнее рассматривать как многослойное явление, в котором переплетаются экономические, социальные, психологические и культурные факторы. Попытки свести его к одному показателю неизбежно упрощают ситуацию. Более целостное понимание возможно только тогда, когда учитывается вся совокупность условий, в которых формируется жизненный путь человека.

Методологические принципы исследования «успешного человека»

Когда речь заходит о методологии, часто все сводят к перечислению принципов. Но в данном случае важнее не столько список, сколько сама логика подхода. Дело в том, что успешность — явление сложное и неоднородное и рассматривать его с одной позиции просто не получится. Если опираться только на один подход, неизбежно упускается часть картины.

Принцип междисциплинарности. Междисциплинарность здесь — не формальность, а вполне практическая необходимость. Разные науки по-разному «подсвечивают» эту тему. Экономика показывает, к каким результатам приходит человек, психология помогает понять, почему он действует именно так, а социология объясняет, в каких условиях это происходит [5]. При этом важно не разбивать человека на отдельные элементы. Его качества, поведение, окружение и достигнутые результаты связаны между собой. Если рассматривать их по отдельности, теряется понимание того, как именно складывается успешность в реальной жизни.

Принцип системности. Именно поэтому логично говорить о системном подходе. Он предполагает, что успешный человек — это не набор отдельных характеристик, а целостная структура, где все взаимосвязано. Здесь имеют значение и личные качества, и то, как человек принимает решения, и его социальные связи, и то, к каким результатам он приходит. Такой взгляд позволяет избежать упрощений — например, когда успех объясняют только уровнем дохода или, наоборот, только мотивацией. Гораздо точнее рассматривать его как результат того, как внутренние возможности человека сочетаются с внешними условиями, в которых он действует.

Принцип субъектности. Принцип субъектности акцентирует внимание на активной роли человека. Индивид выступает не пассивным объектом внешних воздействий, а субъектом, формирующим собственные цели, ценности и стратегии поведения. Как подчеркивает А. Бандура, поведение человека во многом определяется его представлениями о собственных возможностях [1]. Это означает, что успех связан не только с внешними условиями, но и с внутренней установкой на достижение целей, способностью к саморегуляции и ответственностью за собственный выбор.

Принцип контекстуальности. Принцип контекстуальности предполагает, что успешность нельзя рассматривать вне конкретных условий, в которых действует человек. Экономическая ситуация, культурные нормы, институциональная среда — все эти факторы оказывают существенное влияние на возможности достижения успеха. В социологической традиции подчеркивается, что поведение индивида «встроено в систему социальных отношений» [19]. Это означает, что успех формируется не в вакууме, а в контексте определенных социальных структур.

Принцип историчности. Представления об успехе не являются неизменными. Они трансформируются в зависимости от исторических условий и социально-экономических изменений. Если в индустриальном обществе успех часто связывался со стабильной карьерой и материальным достатком, то в современных условиях все большее значение приобретают гибкость, способность к саморазвитию и адаптивность. Таким образом, исследование успеха должно учитывать историческую динамику его критериев.

Принцип многоуровневого анализа. Комплексное исследование успеха невозможно без учета различных уровней анализа.

- Микроуровень включает личностные характеристики: мотивацию, ценности, установки и поведение. Здесь успех рассматривается как результат индивидуальных усилий и психологических особенностей.

- Мезоуровень связан с ближайшим социальным окружением — семьей, коллективом, организацией. Именно на этом уровне формируются повседневные практики и модели поведения.

- Макроуровень охватывает институциональную среду, нормы и экономическую систему. Здесь задаются общие условия, в рамках которых осуществляется деятельность индивида.

Такой подход позволяет увидеть, что успех формируется под воздействием факторов разного масштаба и не может быть объяснен только на одном уровне.

Принцип единства объективных и субъективных показателей. Заключительным, но принципиально важным является принцип единства объективных и субъективных критериев. Он предполагает, что успешность должна оцениваться как через внешние показатели (доход, статус, достижения), так и через внутренние — удовлетворенность жизнью, ощущение смысла и реализованности.

Как подчеркивает Д.А. Леонтьев, «внешние достижения не гарантируют субъективного ощущения успешности» [8]. Следовательно, игнорирование одного из измерений приводит к искажению анализа. Интеграция объективных и субъективных критериев позволяет более точно определить успешного человека как субъекта, достигшего определенных результатов и одновременно воспринимающего свою жизнь как значимую и реализованную.

Методологические подходы к исследованию «успешного человека»

Многообразие интерпретаций феномена «успешного человека» обуславливает необходимость использования различных методологических подходов. Каждый из них акцентирует внимание на определенной стороне успешности, однако только их сочетание позволяет получить целостное представление о данном явлении. В современной научной литературе выделяется несколько ключевых подходов, каждый из которых вносит вклад в понимание природы успеха.

Экономический и социально-психологический подходы. Если смотреть на успех с точки зрения экономики, то он обычно связывается с тем, насколько человек умеет распоряжаться имеющимися ресурсами. Речь идет не только о доходе как таковом, но и о способности принимать решения в условиях ограниченности — когда приходится выбирать между разными вариантами и оценивать их последствия [2]. В то же время такие показатели не всегда отражают реальную картину. На итоговый результат часто влияют обстоятельства, которые не зависят от самого человека, поэтому одного только экономического анализа оказывается недостаточно.

Социально-психологический подход позволяет посмотреть на ситуацию глубже — через внутренние процессы. Здесь важны мотивация, ценности, представления человека о своих возможностях. Например, Д. Макклелланд связывал стремление к успеху с потребностью в достижении [9], а Ш. Шварц показывал, что именно ценности во многом определяют, какие цели человек выбирает и как к ним идет [20].

Социологический и институциональный подходы. Если перейти на уровень социальных отношений, становится очевидно, что успех нельзя рассматривать вне окружения человека. Большое значение имеют связи, в которые он включен, и тот социальный капитал, которым он располагает. Как отмечал П. Бурдьё, именно через такие связи человек получает доступ к дополнительным возможностям и ресурсам [4].

М. Грановеттер дополняет эту мысль, показывая, что экономическое поведение всегда связано с сетью отношений, в которой находится человек [19]. Иначе говоря, успех формируется не в изоляции, а в процессе взаимодействия с другими.

Институциональный подход добавляет еще один важный момент. Он обращает внимание на то, что кроме связей существуют еще и правила — формальные и неформальные. Именно они задают границы, в которых человек может действовать. Д. Норт подчеркивал, что институты формируют «правила игры», влияя на то, какие решения оказываются возможными [13]. От того, насколько эти правила понятны и устойчивы, напрямую зависит, насколько легко или сложно человеку реализовать свои возможности.

Поведенческий подход. Поведенческий подход позволяет учесть еще одну сторону — особенности мышления. На практике люди далеко не всегда принимают решения строго рационально. На них влияют когнитивные искажения, отношение к риску, ожидания относительно будущего [7; 21]. Это означает, что успешность зависит не только от ресурсов или внешних условий, но и от того, как человек воспринимает ситуацию и какие решения принимает в конкретный момент.

Если рассматривать все подходы вместе, становится понятно, что каждый из них важен, но сам по себе не дает полного объяснения. Поэтому логично рассматривать успех как результат сочетания разных факторов, а не как следствие одной причины.

Интегративный подход. Анализ различных подходов показывает, что каждый из них по-своему полезен, но охватывает лишь часть проблемы. Экономика фиксирует результаты, психология помогает понять внутренние механизмы, социология — влияние среды, институциональный подход — роль правил, а поведенческий — особенности принятия решений.

Поэтому наиболее разумным выглядит интегративный подход, который объединяет эти перспективы. Он позволяет рассматривать успешного человека не как набор отдельных характеристик, а как систему, в которой личные качества, социальные условия и институциональная среда постоянно взаимодействуют.

Как отмечается в современных исследованиях, для анализа сложных социальных явлений необходим именно такой комплексный взгляд [6]. Только в этом случае можно более точно описать, как формируется успешность и от чего она действительно зависит.

Заключение

Проведенное исследование показало, что категория «успешный человек» представляет собой сложный и многомерный социально-экономический феномен, который не может быть адекватно объяснен в рамках одного теоретического подхода. Анализ существующих научных концепций позволил выявить ограниченность традиционных экономических моделей, основанных на предпосылке рационального выбора, а также недостаточность сугубо психологических и социологических интерпретаций, рассматривающих успех преимущественно через призму субъективных или социальных факторов.

В ходе работы было обосновано, что успешность следует рассматривать как результат взаимодействия личностных характеристик, экономического поведения, социальной среды и институциональных условий. При этом принципиальное значение имеет интеграция объективных и субъективных критериев, позволяющая учитывать как достигнутые результаты (доход, статус, устойчивость экономической деятельности), так и внутреннее восприятие человеком собственной жизни (удовлетворенность, самореализация, ощущение смысла).

Сформулированные методологические принципы — междисциплинарность, системность, субъектность, контекстуальность, историчность и многоуровневый анализ — позволили заложить основу для комплексного изучения феномена успешности. В свою очередь, рассмотренные методологические подходы (экономический, социально-психологический, социологический, институциональный и поведенческий) продемонстрировали, что каждый из них раскрывает лишь отдельные аспекты исследуемого явления.

В связи с этим в статье обоснована необходимость интегративного подхода, в рамках которого успешный человек рассматривается как субъект, способный обеспечивать устойчивое воспроизводство экономических результатов на основе согласования личных и общественных целей. Такой подход позволяет преодолеть односторонность существующих интерпретаций и более полно отразить реальную природу экономического поведения.

Полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение. Теоретически они расширяют представления о природе успешности, уточняя ее содержание и структуру. Практически предложенный подход может быть использован при разработке образовательных программ, систем управления персоналом, а также при формировании социально-экономической политики, направленной на развитие человеческого потенциала.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой предложенной модели, а также с уточнением критериев успешности в различных профессиональных и культурных контекстах. Кроме того, актуальным направлением является изучение влияния цифровизации и трансформации рынка труда на изменение представлений об успешности в современных условиях.

Литература

1. Бандура А. Самоэффективность: как вера в свои силы влияет на поведение. М.: Питер, 1997.
2. Беккер Г. Человеческий капитал. М.: Изд-во ВШЭ, 2003.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
4. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74.
5. Гришина Н.В. Психология жизненного пути: современные подходы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2024.
6. Гришина Н.В. Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19 № 3. С. 11—19. DOI: 10.11621/npj.2024.0301.
7. Канеман Д., Тверски А. Теория перспектив: анализ решений в условиях риска // *Econometrica*. 1979. Т. 47. № 2. С. 263—291.

8. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вест. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2016. № 2. С. 3—18.
9. Макклелланд Д. Общество достижения. М.: Республика, 2007.
10. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008.
11. Маюкова Е.В., Кудряшов А.В. Факторы психологического благополучия студентов // Современная зарубежная психология. 2026. Т. 15. № 1. С. 68—84. DOI: 10.17759/jmfp.2026150106
12. Милль Дж.С. Основания политической экономии. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909.
13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
14. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
15. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики. М.: Эксмо, 2017.
16. Тульчинский Г.Л. Модели успеха в современном обществе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022.
17. Фомина О.О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии // Мир науки. 2016. Т. 4. № 6. С. 1—13.
18. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. S95—S120.
19. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481—510.
20. Schwartz S. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1—65.
21. Simon H. A Behavioural Model of Rational Choice // The Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. No. 1. P. 99—118.

References

1. Bandura A. Samoeffektivnost': kak vera v svoi sily vliyaet na povedenie. M.: Piter, 1997.
2. Bekker G. CHelovecheskij kapital. M.: Izd-vo VSHE, 2003.

3. *Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovaniye real'nosti. M.: Medium, 1995.
4. *Burd'e P.* Formy kapitala // *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2002. T. 3. № 5. S. 60—74.
5. *Grishina N.V.* Psihologiya zhiznennogo puti: sovremennye podhody. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2024.
6. *Grishina N.V.* Celevye determinanty kak faktor integracii cheloveka s okruzhayushchim mirom // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*. 2024. T. 19. № 3. S. 11—19. DOI: 10.11621/npj.2024.0301.
7. *Kaneman D., Tverski A.* Teoriya perspektiv: analiz reshenij v usloviyah riska // *Econometrica*. 1979. T. 47. № 2. S. 263—291.
8. *Leont'ev D.A.* Ponyatie motiva u A.N. Leont'eva i problema kachestva motivacii // *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya*. 2016. № 2. S. 3—18.
9. *Makklelland D.* Obshchestvo dostizheniya. M.: Respublika, 2007.
10. *Maslou A.* Motivaciya i lichnost'. SPb.: Piter, 2008.
11. *Mayukova E.V., Kudryashov A.V.* Faktory psihologicheskogo blagopoluchiya studentov // *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*. 2026. T. 15. № 1. S. 68—84. DOI: 10.17759/jmfp.2026150106.
12. *Mill' Dzh.S.* Osnovaniya politicheskoy ekonomii. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1909.
13. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovaniye ekonomiki. M.: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997.
14. *Rodzher K.* Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovleniye cheloveka. M.: Progress, 1994.
15. *Taler R.* Novaya povedencheskaya ekonomika. Pochemu lyudi narushayut pravila tradicionnoj ekonomiki. M.: Eksmo, 2017.
16. *Tul'chinskij G.L.* Modeli uspekha v sovremennom obshchestve. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2022.
17. *Fomina O.O.* Blagopoluchie lichnosti: problemy i podhody k issledovaniyu v otechestvennoj psihologii // *Mir nauki*. 2016. T. 4. № 6. S. 1—13.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

М.Ю. ПАВЛОВ

**Возможности цифровых платформ в развитии
естественного и искусственного интеллекта в условиях
тотальной технонейроцифровизации***

Аннотация. В статье анализируется разрыв между футурологическими прогнозами развития цифровых платформ (планетарный кибермозг, прямая демократия, экономика массового участия, соединение потребителя и производителя) и их реальной эволюцией в сторону гипертрофированного роста торгово-финансовых и развлекательных сетей. Показано, что прорыв в технологиях генеративного искусственного интеллекта (2022 г.) был использован преимущественно для совершенствования контекстной рекламы, персонализированного ценообразования и стимулирования импульсивных покупок, а не для развития человеческого потенциала, образования и массовой творческой деятельности.

Делается вывод о необходимости перехода от платформ-посредников к «разумным платформам» — когнитивным средам, нацеленным на создание новых ментальных способностей. Вводится понятие нейроплатформы — интеграции естественного интеллекта посредством нейроинтерфейсов (BCI), искусственного интеллекта и облачных вычислений, позволяющей формировать «гибридный коллективный разум» (сетевое взаимодействие множества человеческих мозгов с искусственными нейросетями). Обосновывается возможность использования принципов «живой математики» (нелинейность, антиэнтропийность, относительность измерения и др.) для проектирования обучающих платформ, которые развивают творческое мышление, выполняют рутинные когнитивные операции

*Статья подготовлена по результатам научного проекта из числа приоритетных направлений и тем научных исследований экономического факультета в рамках госзадания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов М.Ю. Возможности цифровых платформ в развитии естественного и искусственного интеллекта в условиях тотальной техно-нейроцифровизации // *Философия хозяйства*. 2026. № 4. С. 121—131. DOI: 10.5281/zenodo.20643036.

(нейроаутсорсинг) и выступают не заменителем, а расширением возможностей естественного интеллекта.

Автор приходит к выводу, что преодоление текущей траектории торгово-финансовой экспансии цифровых платформ требует смены парадигмы: от экономики потребления — к экономике человеческого развития, от платформ-посредников — к платформам-средствам когнитивного производства.

Ключевые слова: цифровые платформы, искусственный интеллект, естественный интеллект, технотейроцифровизация, финанализация, частная собственность на знания, когнитивные платформы, живая математика, нейроаутсорсинг, биржи идей, генеративный ИИ.

Abstract. This paper analyzes the gap between futurological predictions for the development of digital platforms (planetary cyberbrain, direct democracy, mass participation economy, the fusion of consumer and producer) and their actual evolution toward the hypertrophic growth of commercial, financial, and entertainment networks. It is shown that the breakthrough in generative artificial intelligence technologies (2022) has been used primarily to improve contextual advertising, personalized pricing, and the stimulation of impulse purchases, rather than for the development of human potential, education, and mass creative activity.

The conclusion is drawn that a transition is necessary from intermediary platforms to «intelligent platforms» — cognitive environments aimed at creating new mental abilities. The concept of a neuroplatform is introduced — an integration of natural intelligence via brain-computer interfaces (BCI), artificial intelligence, and cloud computing, which enables the formation of a «hybrid collective intelligence» (network interaction of multiple human brains with artificial neural networks). The article substantiates the possibility of using the principles of «living mathematics» (nonlinearity, anti-entropy, relativity of measurement, etc.) for designing learning platforms that develop creative thinking, perform routine cognitive operations (neuro-outsourcing), and act not as a replacement for, but as an extension of, natural intelligence.

The author concludes that overcoming the current trajectory of commercial and financial expansion of digital platforms requires a para-

digm shift: from a consumption economy to an economy of human development, from intermediary platforms to platforms as means of cognitive production.

Keywords: digital platforms, artificial intelligence, natural intelligence, techno-neuro-digitalization, financialization, private ownership of knowledge, cognitive platforms, living mathematics, neuro-outsourcing, idea exchanges, generative AI.

УДК 330.342.24
ББК 65.011, 65в

Настоящий выигрыш требует радикальной перестройки науки как системы, собирающей и передающей информацию. Эту перестройку можно представить себе либо в том виде, какой сейчас рисуется многим кибернетикам: строительство все более мощных «усилителей интеллекта» (которые были бы не только «союзниками» ученых, но быстро оставили бы их позади благодаря своему «интеллекtronному» превосходству над человеческим мозгом), либо в таком виде, который радикально отличается от всех рассматриваемых ныне подходов.

С. Лем. Сумма технологий

Не таким себе представляли наше время футурологи. Вместо кибермозга и гигантской универсальной производственной сети планету опутали торгово-финансовые и развлекательные сети. Прорыв в технологиях генеративного искусственного интеллекта (ИИ), совершенный в 2022 г. (широкое распространение систем типа ChatGPT), не столько улучшил показатели материального производства и человеческого развития, сколько увеличил возможности продвижения товаров, эффективность политики ценовой дискриминации, прицельность контекстной рекламы и т. п., а также позволил более успешно генерировать преимущественно развлекательный, а не развивающий и увеличивающий возможности человека контент. Более того, огромный «довесок» сопутствующих негативных эффектов — возможность выхода из-под контроля искусственного разума, уничтожения

человечества поставил на повестку дня пересмотр принципов развития не только искусственного, но и естественного интеллекта (о возможных направлениях такого развития (см.: [3; 4]).

Десятки лет назад футурологи рисовали вдохновляющий образ будущего, в котором материальное производство будет коренным образом реорганизовано. Человека на производстве заменят роботы, при этом человечество получит новые, расширенные возможности контроля над созданием новых изделий — как творческой деятельности по разработке новых образцов, так и интерактивному взаимодействию с роботом-сборщиком, позволяющему даже массовой продукции придавать желаемые индивидуальные характеристики. Так, в частности, Э. Тоффлер предсказывал появление «протребителя» («просьюмера») — производителя и потребителя в одном лице, в новом синтезе репродуктивного труда и индивидуального творчества. Современные цифровые платформы, обладая всеми необходимыми технологическими возможностями для подобного синтеза, видимо, не обладают соответствующими социально-экономическими возможностями. Хотя «производство на заказ» формально существует, это совсем не такое производство, в котором потребитель смог бы стать кем-то большим, чем придирчивый покупатель — творцом новых изделий, инженером, конструктором, разработчиком. Потребитель остается лишь заказчиком, который может выбирать. Выбор может быть весьма широким — к примеру, потенциальное число вариантов исполнения автомобилей BMW превышает число видов живого на планете Земля. В реальности вариантов исполнения BMW намного меньше, поскольку многие характеристики автомобиля комплиментарны и заказываются обычно в едином «пакете».

Технологии блокчейна, смарт-контракты, токены и т. п. позволяют проследить, проконтролировать финансовые транзакции, но возможность хоть как-то проконтролировать самый важный процесс — производства, создания ценностей — остается по-прежнему в высокой степени малодоступной. Даже маркировка типа «честный знак» позволяет отследить движение готовой продукции, но даже не предполагается и не предлагается создание маркировок (и других инструментов), которые позволили бы потребителю проконтролировать процесс производства. Открытость проникает куда угодно, но при этом слабее всего — именно в создание нового, в производство.

Даже сегодня нередко можно наблюдать, как работает строительная, дорожная и др. техника, как рабочие на улицах ремонтируют, наводят чистоту и порядок и т. п. Несмотря на огромные технические возможности, очень многое из важного остается совершенно непрозрачным: к примеру, вообще нет сложности поставить видеокамеры на всю строительную технику, а также в самых разных местах стройки, чтобы каждый будущий житель (возможно, что и всякий желающий) мог увидеть, как строится тот или иной дом. Почему изготовление шаурмы (шавермы) демонстрируется открыто, а изготовление высокостоимостных изделий старательно скрывается заборами, преградами, барьерами, охраной и т. п.? Насколько меньше было бы коррупционных скандалов, если бы вся реализация проекта была бы прозрачна, доступна. К примеру, создается национальная поисковая система. Регулярные отчеты команды по ее созданию — в открытом доступе. Чтобы не плодить излишнюю бюрократию, достаточно даже просто поставить видеокамеры, показывающие, что делают разработчики, в реальном времени. Или чтобы в любой момент можно было показать их экраны широкому кругу.

Казалось, цифровые платформы станут тем инструментом, который снимет барьеры, затрудняющие людям доступ к информации, барьеры между производителями и потребителями, между гражданами и чиновниками, в широком смысле — между людьми и генерируемой, а также накопленной человечеством информацией.

Хотя бы частичное снятие таких барьеров оказалось чрезвычайно эффективным. В частности, проект биржи идей «NineSigma» позволил быстро и очень недорого получить «непроливаемую» тару (т. е. тару, возможность случайного разлива содержимого которой сведена практически к нулю), не тратя огромные средства на ее разработку, поскольку такая тара, о которой не знали химики, нашлась у микробиологов. В результате корпорация «Procter & Gamble» существенно сэкономила на штрафах за случайные разливы активных химических компонентов (которые очень сложно контролировать при железнодорожных перевозках).

Хотя примеры «Викиномики» показывают высокие позитивные эффекты от открытости (причем не только в качестве внешних эффектов на уровне всей экономики и/или всего социума), но и на

уровне отдельных фирм, современная неолиберальная экономическая модель «не замечает» этого в силу своей ограниченности и неспособности адаптироваться к реалиям наступающего будущего. Неэффективность частной интеллектуальной собственности можно проследить хотя бы на примере пилотируемых полетов США на Луну. НАСА в качестве субподрядчиков для миссии «Аполлон» привлекала примерно 20 000 различных фирм, половина из которых уже давно не существует, соответственно утрачена конструкторская документация, находившаяся в их частной собственности, поэтому невозможно даже воспроизвести многие детали и узлы «Апполонов» [2]. В этом отношении Роскосмос, получивший в наследство от СССР собираемую централизованно под контролем государства конструкторскую документацию, обладает явным конкурентным преимуществом.

Сегодня вместо производства в интернете гигантские торговые финансовые сети — «Amazon», «Alibaba», «PayPal», множество платежных и рекламных систем заняли доминирующее положение на цифровых платформах. Вместо кибермозга, вместо планетарной сети для творчества.

В чем причина такой дивергенции — расхождения между производством и другими фазами воспроизводственного цикла (распределением, обменом, потреблением)? Почему цифровые платформы, обладая колоссальным потенциалом для развития человеческого интеллекта и производства благ, оказались захвачены логикой краткосрочной прибыли и финансиализации? Как в новых условиях тотальной технотейроцифровизации (конвергенции нейротехнологий, ИИ и цифровых сред) вернуть платформам их первоначальную миссию? За последние несколько лет (особенно после старта ChatGPT в 2022 г.) бурное развитие ИИ подстегнуло цифровые платформы в двух направлениях: алгоритмы контекстной рекламы (стимулирование спонтанных покупок) и персонализированное ценообразование (персонализированные цены на уровне отдельного индивида с использованием нейросетевых технологий). Объемы облачных хранилищ, выборки для машинного обучения и нейросетей выросли на по-

рядки, что повысило «прицельность» алгоритмов. Однако этот прогресс почти не затронул сферы развития человека — образования, науки, труда.

Почему? Причина в доминировании финансиализации — финансовых мотивов, краткосрочной прибыли и спекулятивных операций над долгосрочными инвестициями в реальный сектор и человеческий капитал. В цифровой экономике бизнес согласен работать с ультранизкой маржой (составляющей доли процента), поскольку цифровые технологии снижают транзакционные издержки почти до нуля. Однако эта экономия на транзакционных издержках работает прежде всего для тиражируемых операций — платежей, переводов, показов рекламы, а не для уникальной интеллектуальной, творческой деятельности. В результате произошел переток капитала в торгово-финансовые сегменты платформ, что привело к их гипертрофированному развитию.

Как отмечалось на секции экономических наук в рамках «Ломоносовских чтений» (МГУ имени М.В. Ломоносов, апрель 2026 г.), в частности профессором А.И. Колгановым и профессором Ю.М. Осиповым, современная глобальная модель не содержит механизмов опережающего развития науки, образования и производства (см. также [1; 5]). Она успешно стимулирует псевдокреативную деятельность (бесконечные фотосессии, репосты, наращивающие нагрузку на инфраструктуру интернета, но не создающие новых смыслов) и развитие торгово-финансовых инструментов ради самих инструментов — майнинг криптовалют, создание новых криптовалют, новых частных платежных систем (к примеру, внутренних платежных систем на торговых площадках и др.). Развитие Человека остается вне центрального фокуса. Парадокс: ИИ, который развивается благодаря платформам, сам все чаще используется вместо человека, вытеснения человека из принятия решений, из создания нового.

Биржи идей, краудсорсинговые платформы инноваций (такие как «InnoCentive», «NineSigma») не стали массовыми. Они требуют не только высокого уровня развития способности участников, но и на порядки более развитого организационного сопровождения, а также решения проблемы стимулов — как справедливо вознаградить

автора идеи, если патентная система и защита интеллектуальной собственности направлены прежде всего на соблюдение интересов корпорации, а не сообщества разработчиков.

Также частная собственность на знания оказалась непреодолимым барьером и ударила по развитию цифровых платформ. В частности, по этой причине не получил динамичного развития масштабный амбициозный проект «Google Books», предполагавший оцифровку крупнейших библиотек. Цифровые платформы не смогли предложить новую модель управления авторскими правами — например, систему микролицензирования с автоматическим распределением роялти через смарт-контракты (технически это возможно, но невыгодно правообладателям, привыкшим к монопольной ренте).

Для преодоления сложившихся противоречий необходимо развитие разумных платформ. Это цифровая среда, основной функцией которой является не снижение транзакционных издержек (как у классических платформ), а создание новых когнитивных, ментальных способностей — как у естественного интеллекта (творчество, мышление, обучение, память), так и у искусственного (алгоритмическое мышление, когнитивные технологии — распознавание образов, глубокое машинное обучение, параллельные вычисления и т. д.) Разумная платформа должна работать прежде всего не с деньгами, финансовыми потоками и товарами, не просто с информацией, а со знаниями, компетенциями и более широко — с человеческим мозгом.

Следующим этапом может стать нейроплатформа. В условиях тотальной технонейроцифровизации (конвергенция нейроинтерфейсов, ИИ и облачных вычислений) возможно появление нейроплатформы — системы, которая напрямую или по косвенным сигналам считывает нейронную (мозговую) активность человека, преобразует ее в цифровые данные и в обратном направлении стимулирует мозг для ускоренного обучения, запоминания или восстановления памяти, а также когнитивных (или даже мыслительных) функций. Нейроплатформы уже существуют в виде экспериментальных BCI (brain-computer interfaces), но их платформенное объединение (масштабирование, сетевое взаимодействие множества мозгов) пока не реализовано.

В результате можно создать «гибридный коллективный разум». Если технологически объединить нейроинтерфейсы нескольких людей в единую сеть, возникает коллективный разум, несводимый к сумме индивидуальных интеллектов. Такой гибридный ИИ (часть нейронов — живые, часть — искусственные) способен решать задачи, не доступные ни человеку, ни машине по отдельности. Цифровые платформы могли бы стать средой для создания и управления такими гибридными сетями — для решения сложных научных проблем, новых открытий, прогнозирования и формирования желаемого будущего.

Естественный интеллект человека обладает уникальными свойствами, которые цифровые платформы могут не просто использовать, но и развивать. В предыдущих работах автора [3; 4] были сформулированы 12 принципов «живой математики»: нелинейность, экспоненциальный рост, антиэнтропийность, относительность измерения и др. Эти принципы могут быть положены в основу обучающих гибридных цифровых платформ, которые не просто передают знания, а тренируют способность к творческому скачку. Традиционные образовательные платформы («Coursera», «Udemy») линейны и дискретны. Платформа на принципах живой математики должна моделировать неопределенность, многовариантность и неполноту информации — именно в таких условиях развивается подлинный естественный интеллект. Цифровая платформа может брать на себя рутинные когнитивные операции (запоминание, быстрый счет, поиск имеющейся информации), освобождая мозг для высших функций — прежде всего создания нового, творчества. Это аналог аутсорсинга, но применительно к когнитивным задачам. Платформа выступает не как замена интеллекта, а как его расширитель. В отличие от современных систем, такое взаимодействие предполагает двустороннюю связь: цифровая платформа не только хранит информацию, но и активно подсказывает мозгу забытые связи, генерирует аналогии, выявляет логические противоречия.

Куда идут цифровые платформы сегодня? Пока они движутся по инерции торгово-финансового расширения. Но нарастающие противоречия — кризис перепроизводства цифрового контента (и возрастающая нагрузка на природу, на инфраструктуру — в частности,

на электроэнергетику), дефицит подлинного творчества, подлинных инноваций, риски от ИИ — требуют смены вектора развития.

Цифровые платформы, если они будут переориентированы, могут стать тем инструментом, который позволит экономике совершить следующий большой скачок — от экономики потребления к экономике человеческого развития.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Россия в переделе (двадцать тезисов — 2020) // *Философия хозяйства*. 2021. № 1. С. 11—26.
2. *Павлов М.Ю.* Креативная экономика: как остановить утрату знаний // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 144—148. DOI: 10.7868/S0132162518030170.
3. *Павлов М.Ю.* Проблема супервыравнивания и ограниченность искусственного интеллекта: живая математика и черные лебеди // *Философия хозяйства*. 2025. № 6. С. 83—94. DOI: 10.5281/zenodo.17780492.
4. *Павлов М.Ю.* Эссе о перспективах искусственного интеллекта, математического моделирования и живой математики // *Философия хозяйства*. 2025. № 3. С. 37—48. DOI: 10.5281/zenodo.15424077.
5. *Шулевский Н.Б., Зотова Е.С.* Мир человека в тисках техногенеза // *Философия хозяйства*. 2021. № 5. С. 178—192.

References

1. *Osipov YU.M.* Rossiya v peredel'e (dvadcat' tezisov — 2020) // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1. S. 11—26.
2. *Pavlov M.YU.* Kreativnaya ekonomika: kak ustanovit' utratu znaniy // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2018. № 3. S. 144—148. DOI: 10.7868/S0132162518030170.
3. *Pavlov M.YU.* Problema supervyavnivaniya i ogranichennost' iskusstvennogo intellekta: zhivaya matematika i chernye lebedi // *Filosofiya hozyajstva*. 2025. № 6. S. 83—94. DOI: 10.5281/zenodo.17780492.
4. *Pavlov M.YU.* Esse o perspektivah iskusstvennogo intellekta, matematicheskogo modelirovaniya i zhivoj matematiki // *Filosofiya hozyajstva*. 2025. № 3. S. 37—48. DOI: 10.5281/zenodo.15424077.

5. *SHulevskij N.B., Zotova E.S. Mir cheloveka v tiskah tekhnogeneza // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 5. S. 178—192.*

М.В. ГРЕЧКО, Г.В. СУХОВЕЦКАЯ

**Некоторые замечания о генезисе креативного класса
сквозь призму диалектики***

Аннотация. Исследование направлено на решение актуальной проблемы в системе общественных наук — представления качественных особенностей и эволюционной динамики генезиса креативного класса, апеллируя к принципам и категориям диалектической логики. В результате, содержательно определены категории: «социально-экономический класс» как абстрактная определенность конкретного исторического объекта — системы общественных отношений; «креативность», выступающая в качестве основного товара креативной эпохи, и «креативный класс» как особенное проявление социально-экономического класса, квантом которого является креативный работник. Труд креативного работника является конкретным трудом и выступает исходным пунктом развития исследуемой совокупности взаимодействующих явлений — генезиса класса креативных работников. Идентифицированы противоречия в развитии креативного класса, которым дана качественная характеристика. В итоге, сформирован паспорт понятия «креативный класс» по его базовым характеристикам.

Ключевые слова: диалектика, принципы диалектики, генезис, креативность, креативный класс, производительные силы, производственные отношения, диалектическая методология.

Abstract. This study is aimed at solving an urgent problem in the system of social sciences — the presentation of the qualitative features and evolutionary dynamics of the genesis of the creative class, appealing to the

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гречко М.В., Суховецкая Г.В. Некоторые замечания о генезисе креативного класса сквозь призму диалектики // *Философия хозяйства*. 2026. № 4. С. 131—148. DOI: 10.5281/zenodo.20643122.

principles and categories of dialectical logic. As a result, the following categories have been defined: «socio-economic class» as an abstract certainty of a specific historical object — the system of social relations; «creativity» as the main commodity of the creative era, and «creative class» as a specific manifestation of the socio-economic class, the quantum of which is the creative worker. The work of a creative worker is concrete work, and it is the starting point for the development of the set of interacting phenomena under study — the genesis of the creative worker class. The contradictions in the development of the creative class have been identified and qualitatively characterized. As a result, a concept passport for the «creative class» has been formed based on its basic characteristics.

Keywords: dialectics, principles of dialectics, genesis, creativity, creative class, productive forces, relations of production, dialectical methodology.

УДК 330.101, 330.85, 316.342.2
ББК 65

Введение

Современный этап развития человечества столь стремителен, что его осмысление и анализ зачастую не дают адекватного отражения процесса в общественном сознании. Эта рассогласованность порождает множество методологий и форм системного анализа для возможности оценки, прогностических выводов, фиксации точек напряженности. Большинство методологических инструментов узкоспециализированы и отражают лишь некоторые аспекты развития общества, не связанные со всеми объективными процессами, включенными в общественную жизнь.

Наиболее глобальной в исследовании исторического процесса является диалектическая методология, предложенная К. Марксом, состоящая в представлении общественного развития сквозь призму борьбы социальных классов. Онтологически классовая дифференциация является производной от системы общественного разделения труда и начинается с периода разложения первобытной общины, охватывая все стороны социальной жизни.

В представленном исследовании под «социальным классом» далее понимается абстрактная категория, выражающая уровень со-

циальной дифференциации в конкретно-исторический период в социально-экономическом и политическом аспекте. Классы взаимодействуют, опираясь на различие экономических форм трудовой деятельности.

В XXI в., вследствие качественного скачка в системе общественного производства, в социальной структуре появляются новые группы, удельная численность которых выросла настолько, что начала размывать базовую дихотомию классического диалектического подхода. Одной из таких социальных групп являются креативные работники. Креативный работник становится структурообразующим фактором при переходе к инновационным персонализированным технологиям, что требует глубокого переосмысления его роли и значения в социальных механизмах современного общества. Апелляция к диалектическому методу в данном исследовании обоснована ориентацией на социальную обусловленность и конкретно-историческое рассмотрение общественной сущности такого явления, как «генезис креативного класса».

Таким образом, проблема определения положения индивидов и социальных коллективов в системе общественного разделения труда в соответствующих фазах их развития, опираясь на принципы диалектической логики, представляет собой значимую исследовательскую задачу, требующую всесторонней проработки и конкретизации.

Целью настоящего исследования является выявление качественных особенностей и эволюционной динамики генезиса креативного класса, обращаясь к принципам и категориям диалектической логики, позволяющим показать диалектическое движение рассматриваемого объекта в развитии.

Для решения заявленной проблемы используются следующие интеллектуальные инструменты.

Диалектический метод. Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин обогатили науку теорией и методологией диалектики. Диалектика позволяет «вскрыть» законы развития бытия, которые становятся основой соответствующей методологии. В конечном итоге, результатом применения диалектического метода является *диалектический синтез*.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному позволяет логически последовательно исследовать этапы формирования

класса, опираясь на категории и законы общественного развития и динамику единства противоположных классовых структур, являющихся элементами всеобщего процесса развития. Это позволяет увидеть товарную форму креативного труда наемного работника (представителя креативного класса) в базовом единстве противоположных элементов социального процесса, являющегося общим источником движения от абстрактного к конкретному.

Принцип единства исторического и логического в научном познании востребован для представления фазной динамики процесса эволюции креативного класса. Некоторые представители направления критического марксизма в своих работах полагают, что изучение предмета в фазах его развития опосредованно конкретно-историческими условиями, т. е. необходимостью выявления историко-генетической связи конкретного явления и его научного объяснения [2, 20—35]. Этот принцип выражает совпадение логической структуры категорий с историческими фазами развития явления.

Авторы считают важным зафиксировать рассогласование между естественным творческим процессом развития бытия и сознательной, целенаправленной трансформацией своей жизни человеком. В гносеологическом поле современной науки творчество понимается как «созидательная деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее» [3]. Вместе с тем необходимо различать понятие «творчество» как деятельность социального человека и понятие «креативность» как способность субъекта деятельности, приобретающую товарную форму, характерную для конкретно-исторической эпохи позднего капитализма.

Структура конструктивной части текста состоит из трех взаимосвязанных разделов, логически подчиненных характеру обозначенной научной задачи: исследование формирования новых формообразующих общественных структур в соответствии с базовыми принципами диалектики: соответствия мышления действительности, восхождения от абстрактного к конкретному и противоречию как источнику саморазвития действительности.

Принцип соответствия мышления действительности

Принцип соответствия мышления действительности реализуется посредством метода единства исторического и логического и распадается на две части, посвященных:

- *объективности* общественно-экономических процессов (зарождения и развития креативных форм труда), апеллирующей к необходимости, с одной стороны, рассматривать генезис и развитие креативности как причины исследуемых процессов, с другой — рассматривать их конкретные особенности и подчинять им метод исследования;

- *системности* общественно-экономических процессов, обусловленной сложностью объекта анализа, являющегося системным эволюционирующим образованием и, как правило, состоящим из множества элементов, связанных между собой в рамках соответствующей конкретно-исторической эпохи. Как писала Г.В. Старк, «общественная природа познания выступает <...> не просто как средство количественных накоплений, но как условие, обеспечивающее возможность качественно новых подходов к объекту» [8, 14].

Согласно диалектическому материализму, классовая дифференциация объясняется при помощи экономических условий общественной жизни. Именно характер производственных отношений определяет классовую принадлежность человека, его интересы и мотивы. Заметим, что К. Маркс в своих трудах не приводил формального определения классов, хотя постоянно апеллировал к нему.

Для целей дальнейшего исследования предлагается формально уточнить понятие класса в рамках социально-экономического дискурса. Далее под *социально-экономическим классом* мы будем понимать абстрактную определенность конкретного исторического объекта — системы общественных отношений, являющуюся следствием системы общественного разделения труда, из которой происходят формы собственности. В данном контексте социально-экономический класс является базисным понятием, из которого далее выводятся все остальные особенные его формы, в том числе и креативный класс.

Марксистская теория общественного развития выводит классы из существующей системы общественного разделения труда, т. е. степени профессиональной дифференциации, обусловленной усложнением производства. Ф. Энгельс пишет, что капиталистическому обществу присуща социально-классовая структура с соответствующей классовой дифференциацией интересов и степенью развития

производства. «Разделение общества на классы <...> господствующие и угнетенные, было неизбежным следствием прежнего недостаточного развития производства» [10, 47]. Соответственно, классы являются следствием системы общественного разделения труда, породившего все структуры и формы социальной реальности, включая современные социальные и политические институты.

Социологические исследования фиксируют рост разнообразия видов и форм общественных структур. Наблюдается перенос акцента на искусственную симуляцию создания нового во всех сферах общественной жизни. При этом творчество (особенно научное) из компоненты надстройки системы общественного развития превращается в базис, становясь элементом товарно-денежных отношений, реализуемым посредством знаниеемкости процесса производства и ароморфоза труда¹.

В научных исследованиях показано, что «посредством внедрения креативных элементов в повседневную практику происходит трансформационный сдвиг в способе эксплуатации творческого труда, инструментальным проявлением которого выступает генеративный ИИ» [7, 183—198]. Кроме того, фиксируется разлом в концептуальной плоскости между творческой деятельностью и товарной формой, сводящей творчество к рыночно-ориентированному целеполаганию — креативному труду. При этом креативный труд выступает системообразующим ядром нового общественного явления — формирующегося креативного класса.

В свете сказанного возникает необходимость фиксации конкретно-исторических условий, т. е. историко-генетической связи между (1) содержанием и спецификой той конкретно-исторической эпохи, в границах которой мы наблюдаем *социальную обусловленность генезиса креативного класса*, а также (2) *самой внутренней логикой развития процесса эволюции данной общественной сущности*.

¹ В условиях перехода к постиндустрии, меняется само содержание и характер труда. Труд становится более знаниеёмким и творческим по своему содержанию. Именно в этой части и происходит инверсия.

В начале необходимо исследовать процесс развития креативного класса в соответствии с порядком, в котором объективно протекал исторический процесс самоорганизации и саморазвития конкретного целого. В современных реалиях для классовой дифференциации могут быть применены следующие критерии: (1) содержание деятельности и (2) собственность на производимый продукт, т. е. субъект-субъектные общественные отношения, определяемые характером базового производственного ресурса.

Критически-диалектическое осмысление реальности общественной жизни позволяет утверждать, что сейчас мы наблюдаем существенное усложнение форм собственности, а также видов экономической деятельности, опосредованное влиянием сдвигов в системе производительных сил, произошедших на рубеже XX—XXI вв.; попытками автоматизации и цифровизации креативного потенциала личности; эксплуатацией креативного труда.

XXI в., определяемый в работах некоторых западных исследователей как «креативная эпоха» [9, 27—37; 11], с одной стороны, создает объективные *предпосылки* для генезиса особой общественной сущности — креативного класса (трансформация содержания труда, идеи как самовозрастающая ценность и т. д.), с другой стороны, сам его воспроизводит как *следствие*, как свой специфический продукт.

В границах креативной эпохи основным товаром является *креативность*, представляющая собой когнитивную способность расширять возможности применения элементов окружающей действительности для решения практических задач; по сути, это «игра с формами», комбинация уже имеющихся результатов, часто с привлечением ИИ-моделей. В этом смысле креативность ближе к ремеслу, хотя и содержит в себе элементы творчества, проявляющиеся в различных формах новаторства. Изначально в научной практике «креативность» и «творчество» использовались как эквивалентные и синонимичные понятия. Но начиная с середины XX в. креативность, принимая товарную форму, начинает превращаться в основополагающий фактор конкурентного преимущества мировых компаний².

² По данным UNCTAD, темпы роста экспорта креативных продуктов опережают динамику традиционных отраслей и уже к 2030 г. могут составить около 10% мирового ВВП [13].

Креативность становится особым «товаром» (абстракцией), воспроизводимым в исторических границах креативной эпохи, не являясь при этом таковым в полном смысле, т. е. конкретно. Таким образом происходит ее коммодификация.

Идеи, креативный труд, генеративный ИИ определяют *вид* и *характер* изменений внутри системы конкретных производственных отношений, подрывая их. Наибольшую сложность в системном подходе представляет выделение элемента/кванта рассматриваемой системы. В нашем случае первичным элементом — квантом³ креативного класса, являющимся единичным и особенным, но вместе с тем выражающим природу целого, т. е. соответствующего класса, — является *креативный работник* со всеми его признаками и характеристиками. «Определяющая роль в обществе при переходе к нооэкономике и на этапе ее окончательного формирования отводится <...> “креаторам” — творческим личностям и группам, открывающим, систематизирующим и применяющим на практике все новые знания» [1, 128 — 138].

Таким образом, исторические события мы можем объяснить на основе классовых интересов и классовых позиций. В нашем случае теоретическая реконструкция действительности инструментально предполагает апелляцию к эвристическому потенциалу диалектики как способу перехода от абстрактного к конкретному.

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному

«Конкретное» — содержательно полиформатное явление: например, может выражать частный признак предмета, а может выражать и общие свойства («исходное отношение», по Н.А. Цаголову). Именно таким образом и возникает иерархический порядок взаимосвязанных между собой конкретных социальных форм. Соответственно, структура общественных отношений в процессе социально-экономической деятельности на определенном историческом этапе есть *конкретное* как результат диалектического синтеза, т. е. *понимания многообразия представлений об объекте в едином акте познания*.

³ Термин «квант» заимствован из физики, но используется нами неслучайно. С одной стороны, он выражает «неделимость» какой-либо величины, с другой — представляет собой частицу-носитель свойств целостного явления.

«Абстрактное» в широком смысле есть «нерасчлененное представление конкретного в мышлении» [6, 237].

В экономической сфере самой глубокой абстракцией является «товар», с одной стороны, отражающий всю совокупность товаров на рынке, с другой стороны, представляющий специфику экономических отношений в рыночной системе. В *товарном обмене* коренятся в «зародыше» протоформы всех *противоречий* капиталистического общества.

Базовой категорией конкретного в пределах социального-классового исследования является труд со всем многообразием его определенностей. Одной из особенных форм труда является креативный труд, основанный на внедрении знаний и инноватики в трудовую деятельность. Являясь базисом формирования производственных отношений, конкретная форма труда выступает источником генезиса нового компонента общественно-экономической структуры — креативного класса.

Теоретически «креативный класс» выводится из понятия «социально-экономический класс» как особенное его проявление; с другой стороны — из характеристик единичной его части, т. е. креативного работника, который, являясь неделимым квантом, выражает собой природу целого — соответствующего класса. В нашем понимании *креативный класс* представляет собой объективную общественную сущность, выделенную на основе *содержания труда*. Базовым интернальным производственным ресурсом в структуре труда представителей креативного класса выступает креативность, направленная на: (1) создание креативного продукта и (2) фокусировку на товарной ценности интеллекта человека. У представителей креативного класса деятельность характеризуется высокой долей оригинальности и нестандартности с преимущественно *рыночными формами* практического воплощения.

Классовая идентичность креативного класса проявляется в субъектной самоидентификации и принятии образа жизни, где во главу угла положены креативный опыт, креативная самореализация (удовлетворение), а также «бессистемный синтез буржуазных и богемных ценностей» [9, 211—232]. В определенных слоях населения, занимающихся интеллектуальным трудом, формируются и развиваются новые виды социально-экономических ценностей, не связанные

с материальными ценностями: цифровая собственность, непрерывное образование, симулятивные формы взаимодействия с внешним миром, формирование онлайн-микросоциумов по различным критериям и т. д.

Креативный класс — это не столько продукт социально-экономической теории, сколько определенная форма социальности, существующая объективно. Если «креативный класс» объективен, значит он конкретен.

В продвинутой индустриальной экономике все ярче проявляются признаки так называемой «когнитивизации труда», в числе которых: рост доли знаниеемких форм труда (образования, науки, культуры, креативной индустрии и т. д.), повышение спроса на креативные навыки и компетенции⁴. Современным технологическим лидером является КНР, которая в 2020-е гг. лидирует в 57 из 64 критических технологий [14]. Экономическая ценность тем самым создается трудом креативных работников в пространстве креатосферы. Таким образом осуществляется диалектический синтез абстрактно взятых составных частей предмета — «креативности», «креативного труда», «креативного работника» в конкретное понятие «креативный класс».

Следует заметить, что исходной категорией для исследования целого в его развитии (креативного класса) является креативный работник. В аспекте перехода к (пост)капиталистической системе хозяйствования в XXI в. креативный работник, опираясь на особенный характер деятельности — креативный труд, становится основной производительной силой, составляющий «ядро»⁵ класса, находящегося в фазе генезиса.

⁴ Сегодня одним из системных навыков для креативных работников выступает умение взаимодействовать в гибридных креативных командах, основанных на симбиозе естественного и генеративного ИИ. По данным trends.rbc, 92% крупнейших мировых компаний, представленных в рейтинге «Fortune 500», используют в своей профессиональной деятельности ChatGPT. Около 97% владельцев компаний полагают, что ChatGPT является необходимым инструментом работы. В 2025 г. около 10% всех данных будет сгенерировано при помощи нейросетей.

⁵ «Ядро» креативного класса составляют представители так называемых высокотехнологичных сфер «традиционного» креативного сектора (искусство, культура, шоу-бизнес, медиа культура и т. д.), а также обладатели смежных творческих специальностей (см. классификатор креативных индустрий). В экономике США приблизительно 12% занятых принадлежат к «суперкреативному» ядру.

Креативный труд основан на знаниеемкой неформальной составляющей процесса труда, которая детерминирует его качество, функционал и специфику содержания. Труд креативного работника выступает исходным пунктом развития исследуемой совокупности взаимодействующих явлений — генезиса класса креативных работников.

Креативный работник существовал задолго до начала креативной эпохи, но, лишь став ее частью, он стал конкретно-исторической формой данной эпохи, со всеми атрибутивными характеристиками [4, 150—168]. Тем самым креативная эпоха обеспечила направление эволюции креативного работника как классового кванта.

Креативные специалисты выступают основным капиталом новой экономической эпохи. «Капитал знаний» занимает порядка 95% капитализации рыночных компаний высокотехнологичного сектора экономики. Соответственно, если *креативный класс* есть пример типичного случая конкретной общности, то *креативный работник* — отношение единичного к особенному. Таким образом, креативный работник выражает природу целого — соответствующего класса.

Противоречие как источник саморазвития объекта (креативного класса)

Центральной проблемой диалектики выступает проблема *противоречия*. Снятие противоречия предполагает поиск взаимоперехода противоположностей друг в друга. Э.В. Ильенков определяет противоречие как «конкретное единство взаимоисключающих противоположностей» [6, 257].

В субъективной диалектике антиномия — основа развития понятия, принцип логического перехода от абстрактно-всеобщего определения к объяснению конкретного факта. В процессе логического перехода возникает противоречие между объективными процессами (генетика конкретно-исторической эпохи, воспроизводящей условия для генезиса креативного класса) и понятиями, которыми мы оперируем для их характеристики: (1) «*креативность*» как товар и базовый интернальный производственный ресурс; (2) «*креативный работник*» как следствие и специфический продукт конкретно-исторической эпохи; (3) «*креативный класс*» как объективная общественная сущность, выделенная, опираясь на характер деятельности.

Противоречие есть движущая сила происходящих общественных изменений. При изучении процесса изменений необходимо прежде всего источник этих изменений искать не во вне, а в самом процессе, в его внутренних импульсах. По отношению к нашему объекту исследования — креативному классу — можно выделить два вида противоречий, оказывающих решающее влияние на динамику его развития: (1) интернальные и (2) экстернальные.

Интернальное (внутреннее) противоречие заключается в *содержании* труда представителей креативного класса⁶, который, с одной стороны, является трудом конкретного, субъектно-определенного человека-креатора, с другой — это общественное отношение, т. е. субъект-субъектный диалог. Интернальный дуализм креативного труда выпукло проявляется в эпоху позднего капитализма и выражается в том, что креативность из свойства личности становится базовым производственным ресурсом. Так, изначально в концепции Р. Флориды креативность представлена как фундаментальная потребность представителей креативного класса (креативных работников), целью которой является развитие личности. На практике креативность становится базовым интернальным производственным ресурсом, что приводит к ее *коммодификации* и противоречит самой идее общественного прогресса.

Особенность креативного синтеза опционально состоит в том, что ему присущ как индивидуальный характер подрыва действительности (lifehack), так и «...коллаборативный, реализуемый в форме креативных команд и “креативных фабрик-индустрий”». Примерами могут служить креативные индустрии, структурной единицей которых является городская агломерация, способная стать соответствующим креативным пространством — «фабрикой» по производству креативного продукта (например, креативный кластер Шордич в Лондоне, Кремниевая долина и т. д.). Подобные институции служат каркасом для формирования креативной среды, отношений *соинте-*

⁶ Труд становится знаниеемким, сопровождающимся повышением роли *креативности* в выполняемых трудовых операциях. Креативный труд процессуально реализуется в виде следующего алгоритма: идея — мыслеобраз — ментальный объект — трансформация в материальный объект/услугу (креативные продукты).

грации и *сокреативности* на основе сетевых механизмов взаимодействия (гибридизации офлайн- и онлайн-форматов)⁷. В результате реализации креативного труда мы на выходе получаем *деперсонифицированный* креативный продукт с очень запутанными правами собственности и ретушированной персональной ответственностью за конкретный результат (в качестве примера можно привести сетевую платформу «GitHub» с открытым исходным кодом). Поэтому современные экономические структуры так заинтересованы в переходе от частной собственности к квазичастной — шеринговой, а также передаче функций государства (и, соответственно, собственности) наднациональным корпорациям» [5, 69—70].

Экстернальное противоречие заключается в реалиях самой исторической эпохи, ее специфической атрибуции, в недрах которой происходит генезис соответствующей социальной общности — креативного класса. Креативный класс приобретает *форму* своего генезиса в границах исторически сложившейся эпохи (формации) — позднего капитализма, со всеми ее противоречиями, взаимодействуя с другими его порождениями.

Не вызывает сомнений, что основные противоречия капитализма находятся в плоскости собственности (производственных отношений), т. е. частного и общественного. Так, производственные ресурсы в массе по форме собственности частные, как и производимый продукт. При этом разделение труда, обеспечивающее определенные уровни экономической эффективности и позволяющее доминировать в конкурентной борьбе, является чисто общественным феноменом. Как и все производство, если рассматривать его в целом, не говоря о распределении и обмене. Потребление тоже во многом общественный феномен, а престижное потребление представляет собой чисто общественный феномен.

При этом максимизация эффективности производства обеспечивается при помощи высокого уровня его обобществления. В условиях позднего капитализма основной ценностью становится сложно специфицированный товар (например, новые идеи). Тем самым воспроизводится экстернальное противоречие между организацией

⁷Согласно актуальным данным Creative Economy Outlook 2024, доля креативных индустрий в национальных экономиках колеблется в диапазоне 0,5—7,5% ВВП, с числом занятых от 0,5 до 12% [11].

труда креативных работников и объективными условиями его реализации: формализация процесса труда, учет, график и т. д. со стороны работодателя и свободный график креативного труда, зависящий от психоэмоциональных факторов и информационно-технической обеспеченности со стороны креативного работника.

Проникая во все сферы хозяйственной деятельности, цифровые технологии существенно трансформируют отношения между трудом и капиталом, формируя две противоречивые тенденции: возрастание роли знаний и дематериализация капитала. Можно предположить, что будущее развитие креативного класса зависит от того, как и в каких формах будут разрешены существующие противоречия, обусловленные не в последнюю очередь динамикой и логикой научно-технического прогресса.

В итоге, опираясь на диалектическую логику, мы видим, что процесс развития производительных сил и их имплементация в процесс производства (его знаниеёмкость) все больше увеличивают противоречия между трудом и капиталом, тем самым не только не «снимают» классовые противоречия, обусловленные отношениями собственности и разделения труда, но и, напротив, выводят их на новый уровень эскалации и эксплуатации. Увеличение «креативной емкости» трудового протокласса (креативного класса), с одной стороны, размывает жесткую противоположность классовой иерархии общества, а с другой стороны, формирует более четкие и жесткие границы классовой дифференциации: выступая ценностной категорией, интеллектуальное развитие требует все больших экономических (финансовых) вложений (образование, техническое обеспечение); расслоение общества по «стартовым» возможностям; формирование новых форм элитарности (доступ к новейшему интеллектуально-техническому оборудованию, все большее внедрение в жизнедеятельность различных форм ИИ, от «умного дома» до интеллектуальных помощников в трудовой деятельности и в быту).

Заключение

Проведенное исследование в итоговой форме позволило сформировать паспорт понятия «креативный класс», т. е. набор атрибутивных характеристик, позволяющий говорить о его содержании (табл. 1).

Таблица 1

Паспорт понятия «креативный класс»

Понятие	Креативный класс
Сущность понятия	Специфическая форма конкретной социальности, находящаяся в фазе генезиса в системе позднего капитализма
Состав	Охватывает часть социума, в структуре труда которой преобладают знаниеемкие товарно-рыночные формы социально-экономической деятельности
Структура	Класс → социально-экономический класс → формы классов → креативный класс
Содержание понятия	Объективная общественная сущность, выделенная из конкретно-исторического содержания труда, интегрирующая креативные формы в товарно-рыночные общественные отношения
Функции	• <i>эвристическая</i> — формирует структурные компоненты генезиса нового явления социально-экономической динамики в системе классового анализа; • <i>синтетическая</i> — объединяет знаниеемкие формы труда; • <i>историческая</i> — особая роль в процессе эволюции общества; • <i>социальная</i> — верификация конкретного общественного <i>протокласса</i>; • <i>целевая</i> — расширение гносеологического поля исследования в общественных науках; • <i>ценностная</i> — формирование специфических классовых ценностей, потребностей и интересов
Признаки	• креативность как форма товара; • креативный труд как специфическая форма труда; • креативный работник как квант класса; • инверсия в характере социально-экономической деятельности

Продолжение табл. 1

Область применения	• социальные науки; • экономические науки; • философские науки; • политические науки; • общественные науки; • исторические науки
--------------------	---

Источник: составлено авторами по результатам проведенного исследования.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Теория ноономики и новый этап в развитии политической экономии // Вопросы политической экономии. 2025. № 2 (42). С. 128—138.
2. Бузгалин А.В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 20—35.
3. Гайденок П.П., Леонтьев Д.А. Творчество // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал: URL: <https://bigenc.ru/c/tvorchestvo-bda159/?v=8059788> (дата обращения: 27.06.2025).
4. Гречко М.В., Плешивцева А.А. О роли креативного работника в экономике XXI века // Вопросы политической экономии. 2024. № 3 (39). С. 150—168.
5. Гречко М.В. Некоторые замечания в отношении определения рассогласования понятий «творчество» и «креативность» // Экономическое возрождение России. 2025. № 3 (85). С. 61—75.
6. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории / Пред. Л.К. Науменко. 5-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014. 320 с.
7. Минат В.Н. Вторжение капитала в свободное время креативного работника // Вопросы политической экономии. 2025. № 1 (41). С. 183—198.
8. Старк Г.В. Социологический анализ познавательного процесса в «Теориях прибавочной стоимости» Карла Маркса. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1976. 148 с.
9. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика—XXI», 2005. 421 с.

10. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произвед.: В 3 т. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1970. 98 с.
11. Creative Economy Outlook 2024: URL: <https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024> (дата обращения: 10.06.2025).
12. The Creative Class Group: URL: <https://creativeclass.com/reports/The-Creator-Revolution.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).
13. UNCTAD Report. World Economic Situation and Prospects. Free Economic Society of Russia. 2025: URL: <https://unctad.org/publication/world-economic-situation-and-prospects-2025> (дата обращения: 21.04.2025).
14. *Wong Leung, Robin J.S., Cave D.* ASPI's two-decade Critical Technology Tracker: The rewards of long-term research investment. Canberra: Australian Policy Research Institute. 28 August 2024: URL: [ASPIs two-decade Critical Technology Tracker 1.pdf?VersionId=1p.Rx9MI-uZyK5A5w1SDKIpE2EGNB_H8r](https://apri.org.au/wp-content/uploads/2024/08/ASPIs-two-decade-Critical-Technology-Tracker-1.pdf?VersionId=1p.Rx9MI-uZyK5A5w1SDKIpE2EGNB_H8r) (дата обращения: 09.07.2025).

References

1. *Bodrunov S.D.* Teoriya noonomiki i novyy etap v razvitii politicheskoy ekonomii // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2025. № 2 (42). S. 128—138.
2. *Buzgalin A.V.* Dialektika: reaktualizatsiya v mire global'nyh transformacij // Voprosy filosofii. 2009. № 5. S. 20—35.
3. *Gajdenko P.P., Leont'ev D.A.* Tvorchestvo // Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya: nauchno-obrazovatel'nyj portal: URL: <https://bigenc.ru/c/tvorchestvo-bda159/?v=8059788> (дата обращения: 27.06.2025).
4. *Grechko M.V., Pleshivceva A.A.* O roli kreativnogo rabotnika v ekonomike XXI veka // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2024. № 3 (39). S. 150—168.
5. *Grechko M.V.* Nekotorye zamechaniya v otnoshenii opredeleniya rassoglasovaniya ponyatij «tvorchestvo» i «kreativnost'» // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2025. № 3 (85). S. 61—75.
6. *Il'enkov E.V.* Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii / Pred. L.K. Naumenko. 5-e izd. M.: LENAND, 2014. 320 s.

7. *Minat V.N.* Vtorzhenie kapitala v svobodnoe vremya kreativnogo rabotnika // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2025. № 1 (41). S. 183—198.

8. *Stark G.V.* Sociologicheskij analiz poznavatel'nogo processa v «Teoriyah pribavochnoj stoimosti» Karla Marksa. Ro-stov n/D: Izd-vo RGU, 1976. 148 s.

9. *Florida R.* Kreativnyj klass. Lyudi, kotorye menyayut budushchee. M.: Izdatel'skij dom «Klassika—XXI», 2005. 421 s.

10. *Engel's F.* Razvitie socializma ot utopii k nauke // Marks K., Engel's F. Izbr. proizved.: V 3 t. T. 3. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1970. 98 s.

М.Ю. ЧУРИЛИН, Т.А. ВАЛИУЛИНА

О трех видах релятивизма в экономической теории*

Аннотация. В статье выделяются три типа экономического релятивизма: релятивизм систем отсчета (измерительных и институциональных), релятивистская темпоральность и концептуальный релятивизм. Показывается, что релятивизм, согласно постмодернистской философии, не сводится к эпистемологическому принципу, а выступает как установка на открытость множественности, что в экономике проявляется в формировании институциональных групп единомышленников, где социальный рост становится стимулом для перехода от субъективизма к интерсубъективным суждениям. Обосновывается, что объективность экономического знания носит конвенциональный и групповой характер, а институты выступают не только как ограничения, но и как «силовые поля», в которых индивид, следуя логике методологического индивидуализма, может реализовывать свои цели и увеличивает социальный капитал.

Ключевые слова: релятивизм, экономическое пространство, институты, система отсчета, темпоральность, риторика, объективность.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чурилин М.Ю., Валиулина Т.А. О трех видах релятивизма в экономической теории // *Философия хозяйства*. 2026. № 4. С. 148—159. DOI: 10.5281/zenodo.20643210.

Abstract. The article identifies three types of economic relativism: relativism of reference frames (measurement and institutional), relativistic temporality, and conceptual relativism. It shows that relativism, according to postmodern philosophy, is not reduced to an epistemological principle but acts as an attitude toward openness to multiplicity, which in economics manifests in the formation of institutional groups of like-minded individuals, where social growth becomes an incentive for transition from subjectivism to intersubjective judgments. It is substantiated that the objectivity of economic knowledge is conventional and group-based, and institutions act not only as constraints but also as ‘force fields’ in which an individual, following the logic of methodological individualism, can realize their goals and increase social capital.

Keywords: relativism, economic space, institutions, reference frame, temporality, rhetoric, objectivity.

УДК 330.8:330.11
ББК 65.01

Введение: физикалистские метафоры в экономической теории

Формирование экономической теории на протяжении XIX—XX вв. происходило под сильным влиянием естественных наук, прежде всего физики. Как справедливо отмечает О.Б. Кошовец, «большинство политэкономов твердо верили, что они изучают естественные законы, отсюда представления об экономических явлениях как о сложном механизме» [6, 23]. Метафоризация физических объектов и закономерностей в экономике позволила создать стройные математические модели, но одновременно привела к упрощению реальности, игнорированию институциональной сложности и исторической необратимости.

Продолжением концептуального заимствования, которое было начато А. Смитом («Из методологических влияний на автора “Богатства народов” прежде всего следует упомянуть методологию исследования И. Ньютона» [1, 62]), стало заимствование в неоклассической теории. Ф. Миrowsки указывает, что неоклассическая экономическая теория базируется на термодинамических метафорах: «Адаптация “термодинамической” метафоры и физико-математических

конструкций XIX в. — родимое пятно неоклассической экономической теории, нить Ариадны, которая связывает ее представителей и которая может привести нас к фундаментальному смыслу неоклассической исследовательской программы» [18, 102]. Однако это заимствование было произведено некорректно, и сам Миrowski указывает на ошибку в работе «More Heat than Light» [18]. Ведь при формировании неоклассики ученые не учитывали процессы рассеяния энергии, связанного со вторым законом термодинамики.

Важный вклад внесен школой синергетики. Ее концепции (стрела времени, порядок и хаос, энтропия) формируют некий метаязык для описания социальных процессов по примеру того, как эта теория формирует альтернативное описание всех физических явлений. «Мир динамики, классической или квантовой, — мир обратимый. ...мы уже отмечали, что в таком мире эволюция невозможна... Тем большее значение имеет открывающаяся теперь возможность установить эволюционную парадигму в физике, причем не только на макроскопическом, но и на всех уровнях описания» [11, 368].

Следующим важным этапом адаптации представлений физики можно назвать релятивизм. Релятивизм в экономике — это признание того, что любые наблюдаемые и конструируемые характеристики экономической реальности (результаты измерений, скорость протекания процессов, сами теоретические описания) относительны, т. е. зависят от выбранного способа координации.

Релятивизм проявляется в экономической теории по-разному, поэтому целесообразно выделить типы релятивизма: релятивизм систем отсчета, релятивистская темпоральность и концептуальный релятивизм. Первые два типа фиксируют плюрализм институциональных систем в пространстве и во времени, третий связан с субъективностью научного знания.

Релятивизм систем отсчета и релятивистская темпоральность

В физике релятивизм связан с идеями Эйнштейна. Первый постулат специальной теории относительности утверждает равноправие наблюдений, производимых в разных инерциальных системах отсчета: все они одинаково точно описывают наблюдаемые феномены. Отсюда возникает представление о плюрализме мнений наблюдателей, находящихся в различных системах отсчета. Приме-

нительно к экономике это означает, во-первых, отсутствие единственной объективной позиции в объяснении экономических явлений, а во-вторых — признание множественности и равноправия разных экономических систем.

Релятивизм систем отсчета вводится в данной работе как зависимость экономических измерений и институционального выбора от позиции наблюдателя. Например, Дж. Стиглиц отмечает необъективность используемых индексов для фиксации экономической деятельности страны. Индекс ВВП является грубым и вводящим в заблуждение, и на его место предлагаются другие индексы, которые, по его мнению, могут более адекватно отражать состояние экономики в разных направлениях: от устойчивых показателей экономического благосостояния до измерений сбережений и богатства и «зеленого ВВП». «Составные индексы — один из способов обойти проблему, которую ставит разнообразие панелей индикаторов, и произвести синтез обильной и предположительно релевантной информации в одной цифре» [12, 165].

Особую важность приобретает институциональный релятивизм, который может быть причислен также к релятивизму систем отсчета. Согласно ему, невозможно определить авторитет одной модели государства над другой. Так, различные модели государственного управления («государство — ночной сторож» и «государство всеобщего благосостояния»), а также множественные «частичные» статусы индивида в системе неформальных правил формируют различные пространственно-временные континуумы, в которых экономическое действие приобретает неодинаковый смысл и скорость.

В информационном обществе этот плюрализм усугубляется появлением экономики внимания [14; 5], где цифровые платформы функционируют как автономные «инерциальные системы» со своими метриками и темпоральностью.

Предпосылкой второго типа релятивизма — релятивистской темпоральности — становится предположение о том, что система развивается в связанном пространстве и времени. Таким образом, траектория развития в таком пространстве становится уникальной. В экономике принцип «path dependence» и концепция рутин (Р. Нельсон, С. Уинтер) [7] отрицают существование универсального, обра-

тимого времени прогресса. Это является адаптацией важного положения синергетики о необратимости времени. Согласно этому представлению, многие физико-химические процессы «идут в одном направлении» [15, 17]. Так и в социоэкономических системах, где процессы имеют односторонний характер. Например, дефолт или революция.

Сделаем одно методологическое уточнение о том, что односторонние процессы также изучаются и в разделах академической физики, а не только в теории синергетики. Например, времениподобные события (интервалы) в пространстве Минковского. Это замечание нам кажется важным, так как оно указывает на то, что поле метафор из естественнонаучных теорий для социоэкономических наук может быть дополнено новыми концептуальными конструкциями из таких разделов, как электродинамика или квантовая теория поля. Важным нам кажется то, что концепция синергетики не отменяет академически сложившихся разделов физики, а стремится дополнить их. В концепции Пригожина рассматриваются необратимые процессы, но делается отдельный акцент на том, что это отдельный класс процессов, который не отменяет все остальные: «Что же касается термодинамики, то в основе ее лежит различие между двумя типами процессов: обратимыми процессами, не зависящими от направления времени, и необратимыми процессами, зависящими от направления времени» [11, 53].

В силу пространственно-временной связности темпоральность оказывается неотделимой от конкретной исторической траектории, институциональной среды и накопленного опыта, материализованного в артефактах и правилах. Как замечает Дж. Ходжсон, «люди... формируются окружающей их культурной и институциональной средой» [16, 119].

Эволюционный подход, таким образом, заменяет ньютоновское обратимое время на время релятивистское — нелинейное, необратимое и принципиально различное для разных технологических и институциональных траекторий. Это позволяет рассматривать эволюционную теорию как форму концептуализации релятивистской темпоральности.

Концептуальный релятивизм и проблема объективности

Наиболее радикальным проявлением релятивистского поворота выступает концептуальный релятивизм — признание множественности и равноправности самих теоретических языков и парадигм. Риторическая школа (А. Кламер, Д. Макклоски) продемонстрировала, что убедительность экономического высказывания определяется не столько его соответствием «объективной истине», сколько коммуникативными практиками, метафорами и нарративами, принятыми в данном научном сообществе. «Самая серьезная причина устойчивых разногласий и проблем с общением среди экономистов заключается в том, что экономисты ведут множество разговоров и разговаривать с участниками других разговоров затруднительно, а то и вообще невозможно» [4, 210].

Возникновение риторического подхода обнаруживает глубокую аналогию с ситуацией в квантовой физике, где множественность интерпретаций стала нормой теоретического дискурса, а акт наблюдения перестал рассматриваться как нейтральная регистрация реальности. То есть множественность интерпретаций квантовой механики можно назвать проявлением релятивизма в самой физике.

В контексте проблемы объективности важно подчеркнуть: как бы исследователи ни старались избегать предвзятости, любая интерпретация описываемых событий неизбежно влечет за собой элемент субъективности, даже если она базируется на фактически выверенной основе. Как было показано нами ранее, «поскольку сами факты — конструкторы, объективность традиционно основывается на том, что в определенный период ученые считают валидными и придерживаются определенных методов конструирования фактов. Таким образом, объективность в традиционном смысле является не чем иным, как групповой субъективностью» [3, 6—7]. Такая групповая субъективность в контексте предложенных метафор может быть названа институциональной интерсубъективностью.

Экономическая теория, пережившая релятивистский поворот, также учится принимать субъективность оснований, не скатываясь в нигилизм, а вырабатывая интерсубъективные критерии оценки теорий — через научные конвенции, рецензирование, воспроизводи-

мость результатов. В этом смысле релятивизм выступает не как разрушительная сила, а как стимул к развитию более рефлексивной и ответственной методологии.

Этот вывод имеет прямое отношение к экономической теории. То, что считается «объективным» экономическим знанием (например, закон спроса, равновесная цена, эффективность по Парето), на деле представляет собой результат конвенции, принятой в данном научном сообществе в данную эпоху. Риторическая школа, таким образом, не просто констатирует субъективность, но показывает механизмы достижения intersubjectивного согласия через разговор, убеждение и общие нарративы.

Релятивизм и формирование групп единомышленников: от субъективизма к intersubjectивности

Постмодернистская философия, как отмечают С.И. Петрова и И.Ф. Петров, поставила под сомнение саму идею абсолютной истины и универсальной рациональности. «Философы-постмодернисты, — пишут они, — указывают на принципиальную множественность, фрагментарность и изменчивость человеческого опыта и знания» [10, 4]. Однако релятивизм в постмодернистской философии «не означает полного произвола или “вседозволенности”». Скорее он призван освободить мышление от догматизма и окостенения, придать ему творческий и экспериментальный характер» [10, 4]. Эта установка на открытость множественности находит свое воплощение и в экономической теории, где признание множественности систем отсчета не ведет к хаосу, а, напротив, открывает возможность для реализации себя в институциональном пространстве.

Ключевую роль в этом процессе играют институты, понимаемые не только как ограничения, но и как «системы координат», задающие правила формирования коллективных идентичностей. Как отмечает В.Л. Тамбовцев, «“полный” статус человека — всегда сочетание многих “частичных” статусов, обусловливаемых множеством правил, которые соответствуют любой реальной жизненной ситуации» [13, 9]. Агент может одновременно находиться в поле действия профессиональной этики, клановых обязательств, религиозных норм и гражданского права, переключаясь между этими системами в зависимости от контекста.

В разрабатываемом нами социоэкономическом пространстве репутация становится важнейшим ресурсом. Репутация агента выражает его социальное влияние и социальный капитал; она тем выше, чем тщательнее агент следует идеалам в выбранном сообществе. Возможность социального роста — увеличения статуса, признания, доверия — выступает мощным стимулом для индивида, побуждая его не просто приспосабливаться к институциональным правилам, но и активно встраиваться в определенные группы единомышленников.

Таким образом, релятивизм как признание множественности «систем отсчета» (институциональных полей) создает условия для того, что субъективные предпочтения и ценности индивидов, разделяемые в рамках данной группы, трансформируются в интерсубъективные, т. е. общезначимые для членов сообщества, суждения. В экономике такими нарративами выступают институциональные «грамматики» и «грады» Л. Болтански и Л. Тевено [2], задающие логику справедливости и координации внутри сообщества.

Институциональное пространство, эволюция агента и природа релятивизма

Классическое понимание институтов, сформулированное Д. Нормом, определяет их как «разработанные людьми формальные (законы, конституции) и неформальные (договоры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничения, а также факторы принуждения, структурирующие их взаимодействие» [8, 6]. Однако релятивистский поворот дополняет это понимание: институты выступают не только как рамки, сужающие выбор, но и как «силовые поля» (в духе П. Бурдьё), в которых индивиды могут реализовывать свои стратегии, наращивать социальный капитал и добиваться статусного роста.

Таким образом, институциональное пространство можно рассматривать как социоэкономическое пространство. Оно активно, структурировано полями, а агенты могут накапливать социальный капитал, следуя внутренним логикам справедливости разных сообществ. «Таким образом, действия социальных субъектов имеют “экономическое измерение”, так же как и действия экономических субъектов — социальное. Любой социальный субъект расположен в таком пространстве, а его границы являются одновременно границами других субъектов» [9, 44].

Агент — уже не *homo economicus* (чистый максимизатор), а *homo socioeconomicus*. Он обладает не только экономической рациональностью, но и социальной мотивацией: репутацией, стремлением к статусу, следованием нормам сообщества. «...для выявления и преодоления границ ортодоксальной неоклассической теории принципиальное значение имеет рассмотрение вопроса об инструментальных и объясняющих возможностях рабочей модели человека в неоклассической экономической теории... Новый подход требует выработки соответствующих инструментов для анализа общественных явлений» [17, 18].

Признание ограниченной рациональности и оппортунистического поведения делает необходимым учет субъективных ожиданий агентов и институциональных механизмов их координации, которые не сводятся к чисто рыночным сигналам. Это созвучно релятивистской установке: экономическое поведение может быть понято только в контексте той институциональной «системы отсчета», в которой действует агент.

Выводы

Релятивизм в экономической теории не является единым принципом, а распадается на три взаимосвязанных, но различных типа, каждый из которых фиксирует определенный аспект относительности экономического знания и реальности.

Релятивизм систем отсчета и релятивистская темпоральность утверждают, что сама экономическая реальность (результаты измерений, течение времени) не абсолютна, а зависит от выбранной системы координат или институциональных условий. Концептуальный релятивизм же касается способов познания и описания этой реальности — множественности теоретических языков, парадигм, риторических стратегий, нарративов и метафор, принятых в данном научном сообществе. Экономическая реальность не описывается единственно верной теорией; разные научные школы (неоклассика, институционализм, эволюционная экономика) предлагают альтернативные, но равноправные «системы отсчета», а убедительность теории определяется не столько ее «истинностью», сколько риторическими и коммуникативными практиками научного сообщества. Нет одной абсолютной системы отсчета, в которой экономическая реальность пред-

стает такой, какова она «на самом деле». Экономическое пространство-время и знание о нем множественны, историчны и контекстуальны.

Важнейшим следствием релятивистского поворота становится переопределение роли институтов. Они перестают быть лишь внешними ограничителями и начинают пониматься как активные «системы координат», в которых индивид, обладая множеством частичных статусов, может выбрать траекторию социального роста. Релятивизм в этом контексте не ведет ни к эпистемологическому нигилизму, ни к нормативному произволу. Напротив, он стимулирует выработку intersubъективных механизмов согласования оценок — через научные конвенции, репутационные системы и внутригрупповые нарративы справедливости. Экономическое пространство, утратив абсолютность и гомогенность, обретает историчность, контекстуальность и множественность, что позволяет адекватнее описывать сложную, многомерную реальность современного хозяйства. Следовательно, релятивизм в экономической теории не отменяет научности, а переопределяет ее: переводит ее из плоскости абсолютных истин в плоскость intersubъективных договоренностей, исторически укорененных и опосредованных институционально.

Литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. М.: Наука, 1998.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
3. Валиулина Т.А. Методологические проблемы лингвоисториографии // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4 (793). С. 20—31.
4. Кламер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
5. Козырев А.Н. Экономика внимания. М.: Экономика, 2019.
6. Кошовец О., Вархотов Т. Натурализация предмета экономики: от погони за естественно-научными стандартами к обладанию законами природы // Логос. 2020: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naturalizatsiya-predmeta-ekonomiki-ot-pogoni-za-estestvenno->

nauchnymi-standartami-k-obladaniyu-zakonami-prirody (дата обращения: 27.08.2025).

7. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2000.

8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

9. Ореховский П.А. Социально-экономическое пространство: институциональные аспекты. М.: ИЭ РАН, 2010.

10. Петрова С.И., Петров И.Ф. Релятивизм в философии пост-модерна: историография вопроса // Клио. 2026. № 1. С. 22—25.

11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.

12. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

13. Тамбовцев В.Л. Частичные статусы индивида и правила // Journal of Institutional Studies. 2020. Т. 12. № 3. С. 6—19.

14. Франк Р. Экономика внимания: как привлечь и удержать клиентов. М.: Альпина Пабlishер, 2020.

15. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В.И. Емельянова; под ред. Ю.Л. Климонтовича, С.М. Осовца. М.: Мир, 1980.

16. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.

17. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 4-е изд. М.: ТЕИС, 2010.

18. Mirowski P. More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics. N. Y.: Cambridge University Press, 1989.

References

1. Avtonomov V.S. Model' cheloveka v ekonomicheskoi nauke. M.: Nauka, 1998.

2. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.

3. *Valiulina T.A.* Metodologicheskie problemy lingvoistoriografii // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. 2018. Iss. 4 (793). P. 20—31.
4. *Klamer A.* Strannaia nauka ekonomika: priglashenie k razgovoru. M.; SPb.: Gaidar Institute, 2015.
5. *Kozyrev A.N.* Ekonomika vnimaniia. M.: Ekonomika, 2019.
6. *Koshovets O., Varkhotov T.* Naturalizatsiia predmeta ekonomiki: ot pogoni za estestvenno-nauchnymi standartami k obladaniu zakonami prirody. Logos, 2020: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naturalizatsiya-predmeta-ekonomiki-ot-pogoni-za-estestvenno-nauchnymi-standartami-k-obladaniyu-zakonami-prirody> (accessed: 27.08.2025).
7. *Nelson R., Winter S.* Evoliutsionnaia teoriia ekonomicheskikh izmenenii. M.: Delo, 2000.
8. *Nort D.* Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki. M.: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala», 1997.
9. *Orehovskii P.A.* Sotsial'no-ekonomicheskoe prostranstvo: institutsional'nye aspekty. M.: IE RAN, 2010.
10. *Petrova S.I., Petrov I.F.* Relativizm v filosofii postmoderna: istoriografiia voprosa // Klio. 2026. No. 1. P. 22—25.
11. *Prigozhin I., Stengers I.* Poriadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoj. M.: Progress, 1986.
12. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi Zh.-P.* Neverno otsenivaia nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniiu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa. M.: Gaidar Institute, 2015.
13. *Tambovtsev V.L.* Chastichnye statusy individa i pravila // Journal of Institutional Studies. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 6—19.
14. *Frank R.* Ekonomika vnimaniia: kak privlech' i uderzhat' klientov. M.: Al'pina Publisher, 2020.
15. *Haken G.* Sinergetika. Transl. from eng. / Yu.L. Klimontovich, S.M. Osovets (eds). M.: Mir, 1980.
16. *Hodgson G.* Ekonomicheskaiia teoriia i instituty. Manifest sovremennoi institutsional'noi ekonomicheskoi teorii. M.: Delo, 2003.
17. *Shastitko A.E.* Novaia institutsional'naia ekonomicheskaiia teoriia. 4th ed. M.: TEIS, 2010.
18. *Mirowski P.* More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics. N. Y., Cambridge University Press, 1989.

С.Н. САПРОНОВ, Е.В. СТАРОВОЙТОВА, В.П. СУЙЦ, А.Н. ХОРИН

Распределенное запаздывание как фактор возникновения информационных ошибок и искажений*

Аннотация. Быстрые темпы развития различного рода активов в условиях неопределенности и латентной асимметрии данных создают а) угрозы введения как внешних так и внутренних заинтересованных сторон компании в заблуждение, б) оперирование некачественными результатами анализа деятельности компании и вследствие этого создается симметрия заблуждений в отношении тех или иных активов, что влечет принятие заинтересованными сторонами компании некорректных управленческих и/или инвестиционных решений, решений по оптимизации деятельности компании, нарушения прав заинтересованных сторон.

Наиболее яркий пример симметрии заблуждений — ажиотаж внешних и внутренних заинтересованных сторон вокруг информационного обеспечения такого бизнес-процесса как освоение капитальных вложений.

В настоящей работе рассматриваются вопросы влияния запаздывания на качество данных как одной из характеристик ценности данных при освоении капитальных вложений (инвестиций).

Исследование основано на использовании общенаучных методов исследования, а также базируется на методологическом подходе к обоснованию принятия управленческих и/или инвестиционных решений в условиях наличия «информационного шума».

Предложен инструментарий анализа взаимосвязей факторов с учетом запаздывания на примере цепочки «капитальные вложения — ввод в действие основных производственных фондов». Результаты исследования рекомендуется применять при обосновании принятия управленческих и/или инвестиционных решений в условиях наличия «информационного шума».

Внедрение результатов исследования в компаниях позволит им повысить конкурентоспособность и успешность (эффективность)

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сапронов С.Н., Старовойтова Е.В., Суйц В.П., Хорин А.Н. Распределенное запаздывание как фактор возникновения информационных ошибок и искажений // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 160—175. DOI: 10.5281/zenodo.20643257.

финансово-экономической деятельности. Новизна результатов исследования заключается в формировании при идентификации процессов на уровне компаний взаимосвязей факторов с учетом запаздывания, к числу которых относится рассмотренная в настоящей работе цепочка «капитальные вложения — ввод в действие основных производственных фондов».

Ключевые слова: данные, информация, капитальные вложения, распределенное запаздывание, временной лаг.

Abstract. Rapid development rates of various types of assets in conditions of uncertainty and latent data asymmetry create a) threats of misleading both external and internal stakeholders of the company, b) operating with poor-quality results of the company's activity analysis and, as a result, a symmetry of misconceptions is created in relation to certain assets, which entails the adoption by the company's stakeholders of incorrect management and/or investment decisions, decisions on optimizing the company's activity, and violation of the rights of stakeholders. The most striking example of the symmetry of misconceptions is the excitement of external and internal stakeholders around the information support of such a business process as the development of capital investments.

This paper examines the impact of delay on data quality as one of the characteristics of data value in capital investment development.

The study is based on the use of general scientific research methods, and is also based on a methodological approach to substantiating the adoption of management and/or investment decisions in the presence of «information noise».

A toolkit for analyzing the interrelations of factors taking into account the delay is proposed using the example of the chain «capital investments — commissioning of fixed production assets». The results of the study are recommended for use in substantiating the adoption of management and/or investment decisions in the presence of «information noise».

The implementation of the research results in companies will allow them to increase the competitiveness and success (efficiency) of financial and economic activities. The novelty of the research results lies in the formation of interrelations of factors during the identification of processes at the company level, taking into account the delay, which includes, for example, the chain «capital investments — commissioning of fixed production assets» considered in this work.

Keywords: data, information, capital investment, distributed lag, time lag.

УДК 657.633.5
ББК 65

Многие бизнес-процессы в компаниях различной направленности, а тем более такие бизнес-процессы как инвестиционные, определяемые цепочкой «капитальные вложения — ввод в действие основных производственных фондов» не всегда имеют при своем развитии экспоненциальный рост.

Необходимо учитывать также и тот факт, что для внешних заинтересованных сторон — стейкхолдеров и коммерческих фандрайзеров, инвесторов, акционеров и кредиторов (далее — «доноров») неизвестно какие именно *данные* (какая именно *информация*) могут оказаться ими востребованы в обозримом будущем при принятии управленческих и/или инвестиционных решений.

Кроме этого, следует отметить, что одной из причин того, что развитие инвестиционных бизнес-процессов осуществляется не по экспоненте — является наличие неопределенности. При этом неопределенность (применительно к оценке инвестиционных проектов), по нашему мнению, можно определить как — «неполноту и неточность информации об условиях реализации проекта» [4].

Источником неопределенности является *асимметрия данных*, которая может быть не только явно выраженной, но и латентной.

Поток *данных/информации* при реализации инвестиционных процессов является хаотичным. Например, при биржевых сделках, участники постоянно меняются местами, возникают новые возможности для инвестиций, а с ними и потребности в *ценных* (качественных, точных и полезных) данных (в *ценной* информации).

Следует отметить, что несмотря на то, что многие используют термины «*данные*» и «*информация*» как синонимы, по нашему мнению, необходимо проводить различие между ними, но исследование данных терминов не является предметом настоящей работы, в которой мы будем их использовать как синонимы.

«Доноры» формируют свой инвестиционный выбор и формирование инвестиционного выбора ими осуществляется в условиях

неопределенности, проявляемой в виде как явно выраженной, так и в виде латентной *асимметрии данных*.

Такого рода неопределенность как *асимметрия данных*, в свою очередь, формирует некоторое поле действий и решений «доноров», которые имеют отклонения от вектора рациональности, и это несмотря на то, что они формируются с учетом применения достаточно большого количества разработанных стандартов, алгоритмов и программ.

Применительно к теме нашего исследования, здесь отдельной проблемой является тот факт, что освоение капитальных вложений (инвестиций) всегда происходит с определенным лагом (*запаздыванием*). То есть, формализация *взаимосвязи* показателей «А Л В»: А) «капитальные вложения (инвестиции в развитие производства)» и В) «ввод в действие основных производственных фондов/увеличение производительности *i*-промышленной установки/*j*-производства» — сопряжены с определенными трудностями.

Одной из трудностей формализации взаимосвязи показателей «А Л В» является *учет распределенного запаздывания* (т. е. такого запаздывания, которое определяется на временном горизонте не одним моментом, а временным интервалом/периодом с определенной интенсивностью («весом») прироста основных фондов от капитальных вложений (инвестиций).

Повышение роли как высокоскоростной биржевой торговли так и обработки и анализа данных для принятия, например, инвестиционных решений создает для долгосрочных целей «доноров» ряд проблем и рисков.

Большое количество финансовых скандалов и корпоративных банкротств в сфере финансов произошли в коммерческой среде (McKesson & Robbins Inc, Enron, Tyco, WorldCom, Wirecard AG, Luckin Coffee Inc., Steinhoff International Holdings NV, Toshiba).

В результате этого финансовые потери понесли «доноры». Кроме этого, также произошло снижение доверия к бухгалтерам, аудиторам, внутренним контролерам (AIC) и регулирующим органам, а также к целостности финансовых рынков, что в итоге привело к росту транзакционных издержек и снижению эффективности рынка.

Однако, прежде всего следует отметить, что финансовые скандалы и корпоративные банкротства связаны с ростом неопределенности в виде *асимметрии данных*, например, ввиду имеющихся особенностей ведения и отражения процесса освоения капитальных вложений в финансовой отчетности, которые и являются предметом настоящей работы.

Следует отметить, что наличие а) «корпоративного финансового пересчета», а также б) «корпоративного финансового мошенничества» влечет за собой корректировку в последующие отчетные периоды отчетности за предыдущие периоды [1; 2]. Такая корректировка может быть выполнена с использованием модели RCFI («*restatement of comparative financial information*») и применением основных методов, определенных Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО) — МСФО № 8 (IAS 8) «Учетная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки» [3]. При этом «доноры» (которые чаще всего являются также и пользователями отчетности) для принятия обоснованных управленческих и/или инвестиционных решений, требуют предоставления исключительно ценных данных (качественных, точных и полезных) за определенный (интересующих их) промежуток времени и гарантии отсутствия каких-либо *корректировок* в будущие периоды [2].

Используя результаты проведенного анализа информационных ошибок и искажений (далее — ЕМІ) нами были классифицированы ЕМІ и сформирована Система ЕМІ, которая состоит из пять групп ЕМІ) [1]. Однако данная Система ЕМІ не учитывает информационные ошибки и искажения, которые обусловлены такими особенностями бизнес-процесса по освоению компаниями капитальных вложений, как учет распределенного запаздывания прироста основных фондов от капитальных вложений. В связи с этим, считаем, что выше указанная Система ЕМІ должна быть дополнена еще одной группой ЕМІ, а именно: ЕМІ, обусловленными наличием такого фактора возникновения информационных ошибок и искажений как распределенное запаздывание, например: прироста основных фондов от капитальных вложений.

Все выше перечисленные факты привлекали и привлекают внимание «доноров» и влечет выдвижение ими требований о предоставлении ценных (т. е. качественных, точных и полезных) данных о происходящих в компаниях бизнес-процессах.

С учетом цели настоящей работы и ввиду выше отмеченной классификации ЕМІ, наибольший интерес представляет группа ЕМІ — ЕМІ, обусловленные наличием распределенного запаздывания применительно к особенностям определенного j-бизнес-процесса, например, бизнес-процесса по освоению капитальных вложений.

Также весьма актуальной становится задача по предотвращению такого указанного нами фактора возникновения информационных ошибок и искажений как распределенного запаздывания, что позволит предоставлять «донорам» качественные данные, касающиеся бизнес-процесса по освоению компаниями капитальных вложений и, соответственно, повысить эффективность принимаемых ими управленческих и/или инвестиционных решений.

Следует отметить, что освоение капитальных вложений всегда происходит с определенным лагом (запаздыванием) и это в свою очередь расширяет потенциальное число случаев принятия «донорами» неоптимальных управленческих и/или инвестиционных решений из-за введения их в заблуждение посредством предоставления некачественной и/или неточной и/или бесполезной информации и, как следствие, нарушения законных прав инвесторов. Поэтому одновременно с технологическими инновациями в деятельности финансовых институтов технологи анализа *данных* все больше вынуждены применять различного рода финансово-экономические регуляторы.

Следует отметить, что в большинстве международных компаниях организационная или корпоративная культура как совокупность (общая база) норм, ценностей больше ориентирована на «качество» [5].

С учетом выше изложенного считаем, что обращение с данными как с активом может повысить их ценность (V^{data}) — экономическую значимость, в основе которой лежит: а) качество (Q^{data}), точность (A^{data}) и с) полезность (U^{data}) *данных*, т. е.:

$$V^{data} = \{Q^{data}; A^{data}; U^{data}\}, \quad (1)$$

Ранее нами было отмечено о нетождественности терминов «данные» (*data*) и «информация» (*data-info*) и наличии, с нашей точки зрения, различий между ними.

Вследствие этого, $Q^{data} \neq Q^{data-info}$, $A^{data} \neq A^{data-info}$, $U^{data} \neq U^{data-info}$, а следовательно, $V^{data} \neq V^{data-info}$.

Измерение, оценка и управление данными как активом, т. е. измерение, оценка и управление информацией ($data^{info}$) — запускает

процесс определения такого показателя как коэффициент *ценности data^{info}* ($K^{d_{V^{data-info}}}$).

Коэффициент ценности информации (ценности $data^{info}$) — коэффициент качества ($Q^{data-info}$), точности ($A^{data-info}$) и полезности ($U^{data-info}$) информации для «доноров», может быть определен (по нашему мнению) с помощью следующей формулы:

$$K^{d_{V^{data-info}}} = \{ Q^{data-info}; A^{data-info}; U^{data-info} \} / (t_{\Omega} - t_{\alpha}), \quad (2)$$

или

$$K^{d_{V^{data-info}}} = V^{data-info} / (t_{\Omega} - t_{\alpha}), \quad (3)$$

где $V^{data-info}$ — ценность информации (ценность $data^{info}$); t_{α} — начальное время свершения определенного i -события (i -операции); t_{Ω} — конечное время свершения определенного i -события (i -операции).

Соотношение, записанное посредством формул (2) и (3) представляет собой равенство с запаздыванием.

В связи с этим введем новую переменную: τ — время запаздывания,

$$\tau = t_{\Omega} - t_{\alpha}, \quad (4)$$

удовлетворяющую условиям:

$$-\infty > \tau < t_{\Omega} \quad (5)$$

$$\text{Если } t_{\alpha} \rightarrow -\infty, \text{ то } \tau \rightarrow \infty, \text{ а если } t_{\alpha} = t_{\Omega}, \text{ то } \tau = 0. \quad (6)$$

В нашем исследовании мы рассматриваем однопродуктовую модель с учетом запаздывания ввода в действие основных производственных фондов (τ).

В целях получения «донорами» «четких» и «сопоставимых» данных о происходящих в компаниях бизнес-процессах, необходимо проведение исследований влияния времени запаздывания τ на ценность данных (под которой мы понимаем: качество (Q^{data}), точность (A^{data}) и полезность (U^{data}) данных) при освоении капитальных вложений.

В связи с этим считаем целесообразным осуществлять:

а) анализ определенной нами выше взаимосвязи «А ∧ В» в однопродуктовой модели показателей А: «капитальные вложения (инвестиции в развитие)» и В: «ввод в действие основных фондов/производительность» i -промышленной установки (установка F_i^{gi}) по производству продукта G_i (далее — производительности (p^{gi}))» как целевого показателя *успешности* деятельности (j -производства) компании X_i ;

б) анализ зависимости «развитие — рост».

Рассмотрим анализ взаимосвязи «А Λ В» в однопродуктовой модели. Как было отмечено выше, формализация *взаимосвязи* в однопродуктовой модели показателей А: «капитальные вложения (инвестиции в развитие) — I » и В: «производительность — p^{gi} » сопряжена с определенными трудностями, одной из которых является учет распределенного запаздывания прироста основных фондов от капитальных вложений.

Следовательно, в данном случае правомерно поставить вопрос о том, как влияет этот лаг на:

а) показатели: инвестиций в развитие и увеличение производительности, например, промышленной установки (F_i) по производству продукта G_i ;

б) показатели ценности данных/информации.

Итак, предположим, что ввод в действие основных фондов осуществляется поэтапно. Это означает, что если в момент времени t_a выделены инвестиции, то в момент времени t_Ω будет освоена доля основных фондов. При этом $t_a < t_\Omega$.

Возникающий временной лаг условимся считать непрерывным и равным (согласно анализа проектно-сметной документации) в среднем 3 года.

Выполним математическое описание исследуемого варианта поставленной задачи.

Если обозначить через I — инвестиции, выделенные в момент времени t_a (т. е. $I(t_a)$) в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i в момент времени t_a , а через $I^S(t_\Omega)$ — доля освоенных инвестиций, т. е. доля введенных в действие основных производственных фондов при строительстве и реконструкции установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , позволяющие получить максимальную производительность (p^{gi}) установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , в момент времени t_Ω , то получим следующую формулу ввода в действие основных фондов $P(t_\Omega)$ в момент времени t_Ω , которую можно представить в виде определенного интеграла в пределах от $-\infty$ до t_Ω :

$$P(t_\Omega) = \int I^S(t_\Omega, t_a) I(t_a) dt_\Omega, \quad (7)$$

где $I^S(t_\Omega, -\tau)$ — доля вводимых в момент времени инвестиций, вложенных в период времени $t_\Omega - t_a$, или, согласно формуле (4), — в период времени τ .

Ранее (формула (4)) мы ввели переменную τ — время запаздывания. Применяя условия, обозначенные в формулах (5) и (6), выражение для $P(t_\Omega)$ (формула (7)) можно записать как определенный интеграл в пределах от 0 до ∞ :

$$P(t_\Omega) = \int I(t_\Omega - \tau) I^S(\tau) d\tau. \quad (8)$$

Здесь следует отметить, что функция $I^S(\tau)$ является весьма важной характеристикой для показателя B : «ввод в действие основных производственных фондов/увеличение производительности i -промышленной установки/ j -производства».

Функция $I^S(\tau)$ является монотонно убывающей функцией, что свидетельствует о том, что доля вводимых в заданный момент времени t_Ω инвестиций, выделенных в момент времени $t_\Omega - \tau$, будет тем меньше, чем больше промежуток времени τ .

Кроме этого, при моделировании инвестиционного лага зададим функцию $I^S(t_\Omega, \tau)$ в виде

$$I^S(t_\Omega - t_0) = \lambda e^{\lambda(t_\Omega - t_0)}, \quad (9)$$

или

$$I^S(\tau) = \lambda e^{\lambda\tau}. \quad (10)$$

Сделаем предположение о том, что процесс освоения инвестиций является стационарным: $I(\tau) = I = \text{const}$ (с учетом условия, обозначенного в формуле (5)), тогда:

$$P(t_\Omega) = I. \quad (11)$$

Подставляя $I(\tau) = I$ и $P(t_\Omega) = I$ в формулу (8), получим выражение, записанное через определенный интеграл в пределах от 0 до ∞ :

$$I = \int I I^S(\tau) d\tau. \quad (12)$$

Выполняя действие сокращения на I , формула (12) получит уже иное выражение, представленное в виде определенного интеграла в пределах от 0 до ∞ :

$$\int I I^S(\tau) d\tau = 1. \quad (13)$$

При этом доля вводимых инвестиций $I^S(\tau)$: в случае, когда $\tau \rightarrow \infty$ (как указано в формуле (6)) — должна убывать к нулю, т. е. должно иметь место следующее соотношение (при τ , стремящейся к ∞):

$$\lim I^S(\tau) = 0. \quad (14)$$

Итак, можно сделать вывод, что рассматриваемая функция распределения лага $I^S(\tau) = \lambda e^{\lambda\tau}$ (формула (10)) перечисленным условиям удовлетворяет, ввиду того, что: а) в пределах от 0 до ∞

$$\int \lambda e^{\lambda\tau} d\tau = 1 \quad (15.1)$$

и б) при τ , стремящейся к ∞ ($\tau \rightarrow \infty$),

$$\lim e^{-\lambda \tau} = 0. \quad (15.2)$$

Далее, вычислив производную левой и правой частей формулы (8), получим уравнение для скорости ввода капитальных вложений $P'(t_\Omega)$.

Выполнив соответствующие преобразования, получим искомое уравнение для нахождения скорости ввода капитальных вложений, которое выражается через определенный интеграл в пределах от 0 до ∞ :

$$P'(t_\Omega) = I^S(\tau) I(t_\Omega) + \int I(t_\Omega - \tau) I^S(\tau) dt_\Omega. \quad (16)$$

В случае экспоненциального закона запаздывания уравнение (16) можно упростить, выполнив соответствующие преобразования и с учетом формулы (8).

В результате этого уравнение, записанное посредством формулы (16), и с помощью которого определяется объем вводимых в действие капитальных вложений, можно представить следующим образом:

$$P'(t_\Omega) = \lambda I(t_\Omega) - \lambda P(t_\Omega). \quad (17)$$

Обратимся к анализу зависимости «развитие — рост». Проведем моделирование ситуации, при которой происходят изменения показателей темпов роста инвестиций и максимальной суточной производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i уже без учета рассмотренных нами допущений о условно-мгновенном превращении инвестиций в основные фонды и условно-мгновенном увеличении производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i .

Как было отмечено ранее, время запаздывания освоения инвестиций τ в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , а, следовательно, и время через которое происходит увеличение производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , составляет 3 года, т. е. $\lambda = 3$.

Анализ и диагностика, выполненные по данным доступной публичной финансовой отчетности на некотором n -временном горизонте t (данное условие аналитически запишем следующим образом: $t = Tn$, где $n = 8$ лет, т. е. $Tn \in \{T_0; T_5\}$), позволяют констатировать следующие аспекты изменения темпов роста для показателей: инве-

стиции в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и производительность установки F_i^{gi} по производству продукта G_i за исследуемый период (с T_0 по T_5 годы) будут следующие:

а) T_0 / T_3 г.

- темпы роста инвестиций в установку F_i^{gi} по производству продукта G_i : +25%;

- темпы роста плановой производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i : +6%;

- темпы роста фактической производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i : +80%;

б) T_1 / T_4 г.

- темпы роста инвестиций в установку F_i^{gi} по производству продукта G_i : +55%;

- темпы роста плановой производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i : +3%;

- темпы роста фактической производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i : -40%;

с) T_2 / T_5 г.

- темпы роста инвестиций в установку F_i^{gi} по производству продукта G_i : +25%;

- темпы роста максимальной плановой производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i : +1%;

- темпы роста фактической производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i : +17%.

Таким образом, ввиду того что нами принято допущение, что в качестве целевого критерия успешности функционирования установки F_i^{gi} по производству продукта G_i целесообразно применять такой показатель как производительность установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , мы провели анализ данного показателя в совокупности с показателем: инвестиции в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , которые находятся в непосредственной взаимосвязи между собой.

Кроме того, мы выполнили анализ таких показателей как темпы роста инвестиций в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и темпы роста производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i в двух вариантах:

а) с учетом допущений об условно-мгновенном превращении инвестиций в основные фонды и условно-мгновенном увеличении производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i ;

б) без учета допущений об условно-мгновенном превращении инвестиций в основные фонды и условно-мгновенном увеличении производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , т. е. при времени *запаздывания* τ в освоении инвестиций в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , равном 3 года.

Исходя из проведенного анализа двух вариантов исследования показателей: инвестиции в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и производительность, можно сделать следующие выводы:

1) при анализе темпов роста инвестиций в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и темпов роста максимальной плановой суточной производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i с учетом допущений о условно-мгновенном превращении инвестиций в основные фонды и условно-мгновенном увеличении максимальной плановой производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i значения данных показателей *асимметричны* и отличаются между собой более чем в 3 раза (а именно: темпы роста максимальной плановой суточной производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i отстают от темпов роста инвестиций в установки F_i^{gi} по производству продукта G_i более чем в 3 раза);

2) при анализе темпов роста инвестиций в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и темпов роста максимальной плановой производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i без учета допущений о мгновенном превращении инвестиций в основные фонды и мгновенном увеличении максимальной плановой производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i (т. е. при времени *запаздывания* λ в освоении инвестиций в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i равном 3 года) значения данных показателей *асимметричны* и отличаются между собой более чем в 18 раз (а именно: темпы роста максимальной плановой производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i отстают от темпов роста инвестиций в установки F_i^{gi} по производству продукта G_i более чем в 18 раз);

3) выводы, сделанные на основании проведенных нами исследований, о деятельности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и о показателе — производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i , рекомендуемом в качестве целевого показателя успешного функционирования установки F_i^{gi} по производству продукта G_i не являются корректными;

4) планирование показателей функционирования и развития установки F_i^{gi} по производству продукта G_i осуществляется на неудовлетворительном качестве уровне;

5) отсутствует сбалансированный рост инвестиций в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и производственного критерия успешности — производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i в рассматриваемой однопродуктовой модели оценки успешности;

6) отсутствуют признаки успешности в осуществлении мероприятий по инвестированию развития установки F_i^{gi} производству продукта G_i ;

7) в конечном итоге отсутствует успешность в реализации поставленной задачи — максимально удовлетворить потребности потребителей как внутренних, так и внешних посредством максимизации производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i .

В данном случае на примере осуществления инвестиционных мероприятий в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i нами кратко продемонстрирован анализ и оценка успешности инвестиционно-строительной деятельности при помощи простейших вычислений и проведения сравнительного анализа с учетом времени запаздывания освоения инвестиций в развитие установки F_i^{gi} по производству продукта G_i и без учета рассмотренных нами допущений о условно-мгновенном превращении инвестиций в основные фонды и условно-мгновенном увеличении производительности установки F_i^{gi} по производству продукта G_i .

Исходя из анализа представленных данных, можно сделать вывод, что скорректированная в связи с наличием распределенного запаздывания прироста основных фондов от капитальных вложений в последующие отчетные периоды финансовая отчетность за предыдущие периоды в том числе и посредством RCFI (о чем нами было отмечено ранее) может нанести убытки «донорам».

Ответственность за предоставление внешним пользователям некачественных, неточных и, соответственно, бесполезных данных и формирование некачественного информационного обеспечения о результатах деятельности компании, по нашему мнению, должна быть жестко регламентирована посредством формирования нормативно-правовой базы с соответствующими требованиями и условиями [1]:

1) *административная* ответственность за представление в финансовой отчетности *данных*, содержащих ЕМІ;

2) *уголовная* ответственность за представление в финансовой отчетности *данных*, содержащих ЕМІ;

3) *«корпоративная»* ответственность за представление в финансовой отчетности *данных*, содержащих ЕМІ. Например, генеральный директор, финансовый директор и главный бухгалтер при подписании бухгалтерской (финансовой) отчетной документации могли бы подтверждать не только факт просмотра этой документации, а по нашему мнению, своей подписью они должны подтверждать также и тот факт, что финансовые показатели *качественно и точно* отражают финансовое положение компании.

Следует отметить, что подобное требование об ответственности руководителей компаний, определенное нами как «корпоративная» ответственность, уже нашло отражение в нормативно-правовых актах некоторых стран: например, в III разделе Закона Сарбейнса-Оксли, США, 2002г. (Sarbanes — Oxley Act of 2002 (SOX)) [6].

При этом, мы считаем, что при реализации «корпоративной» ответственности должно предусматриваться условие следующего содержания: если бухгалтерская (финансовая отчетность) «перевыпущена» или должна быть «перевыпущена» (т. е. скорректирована в последующие отчетные периоды из-за несоблюдения требований нормативно-правовых актов), то руководители компании (генеральный директор, финансовый директор и главный бухгалтер) должны вернуть различного рода премиальные и бонусные выплаты, полученные ими за этот год [1].

В заключение считаем необходимым сделать несколько обобщающих выводов.

Постоянный рост информационной составляющей при проведении анализа и оценки деятельности компании должен проходить при одновременном выполнении условия о снижении неопределенности/асимметрии данных. Это позволит повысить прозрачность и

качество совершаемых финансовых сделок, а также повысит информированность «доноров» при принятии ими управленческих и/или инвестиционных решений.

Достигнуть выполнения выше указанного условия можно за счет повышения а) информатизации внутрикорпоративной системы бизнес-операций и операций на финансовом рынке, б) технологизации услуг АИС и с) сформулированных на основе авторского подхода предложений по внедрению в компаниях мероприятий относительно «корпоративной» ответственности за представление в финансовой отчетности данных, содержащих информационные ошибки и/или искажения.

При этом постоянно увеличивающийся поток разного рода данных/информации при наличии информационных ошибок и/или искажений, ставит вопрос о повышении навыков АИС, которые необходимы им не только для а) качественного восприятия данных «донорами», но и для б) качественного сбора данных, с) качественной обработки данных и д) проведения качественного анализа данных.

Грамотное, осуществляемое в реальном режиме времени (в режиме on-line): а) управление большим объемом данных, б) выявление в общей массе данных именно ключевых данных (посредством применения специальных методов, алгоритмов и программ), а также с) классификация и выявление информационных ошибок и/или искажений («информационный шум») в сегодняшних условиях — в условиях наличия распределенного запаздывания прироста основных фондов от капитальных вложений) — становится архиважной задачей как для АИС, так и для «доноров».

Литература

1. Актуальные направления математических, статистических, инструментальных и учетно-аналитических методов исследования в условиях цифровизации: Монография / Под общ. ред. М.В. Грачевой, Е.А. Тумановой, В.Т. Чая. М.: РУСАЙНС, 2023. 366 с.

2. Актуальные направления математических, статистических, инструментальных и учетно-аналитических методов исследования в условиях цифровизации: Монография / Под общ. ред. М.В. Грачевой, Е.А. Тумановой, В.Т. Чая. 2-е изд., доп. и перераб. М.: РУСАЙНС, 2024. 402 с.

3. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 8 «Учетная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки», введен в действие на территории РФ Приказом Минфина России от 25.11.2011 № 160н.

4. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (Третья редакция, исправленная и дополненная) // Официальный сайт ИСА РАН: URL: <http://www.isa.images/Documents/metod.zip> (дата обращения: 20.04.2026).

5. *Alberti C.T., Bedard J.C., Bik O., Vanstraelen A.* Audit Firm Culture: Recent Developments and Trends in the Literature // *European Accounting Review*. 2020. No. 31 (1). P. 59—109. DOI: 10.1080/09638180.2020.1846574.

6. Sarbanes-Oxley Act of 2002 [Public Law 107—204, Approved July 30, 2002, 116 Stat. 745] [As Amended Through P.L. 117—328, Enacted December 29, 2022].

References

1. Aktual'nye napravleniya matematicheskikh, statisticheskikh, instrumental'nyh i uchetno-analiticheskikh metodov issledovaniya v usloviyah cifrovizacii: Monografiya / Pod obshch. red. M.V. Grachevoj, E.A. Tumanovoj, V.T. CHaya. M.: RUSAJNS, 2023. 366 s.

2. Aktual'nye napravleniya matematicheskikh, statisticheskikh, instrumental'nyh i uchetno-analiticheskikh metodov issledovaniya v usloviyah cifrovizacii: Monografiya / Pod obshch. red. M.V. Grachevoj, E.A. Tumanovoj, V.T. CHaya. 2-e izd., dop. i pererab. M.: RUSAJNS, 2024. 402 s.

3. Mezhdunarodnyj standart finansovoj otchetnosti (IAS) 8 «Uchetnaya politika, izmeneniya v buhgalterskikh ocenках i oshibki», vveden v dejstvie na territorii RF Prikazom Minfina Rossii ot 25.11.2011 № 160n.

4. Metodicheskie rekomendacii po ocenke effektivnosti investicionnyh proektov (Tret'ya redakciya, ispravlennaya i dopolnennaya) // Oficial'nyj sajt ISA RAN: URL: <http://www.isa.images/Documents/metod.zip> (data obrashcheniya: 20.04.2026) .

И.К. КАПУЛЬЦЕВИЧ

Культурная трансформация: как изменение норм, установок и ценностей влияет на экономическое развитие*

Аннотация. В статье предложена институционально-экономическая трактовка культурной трансформации как процесса изменения неформальных институтов, влияющего на долгосрочные траектории экономического развития. В отличие от подходов, где культура рассматривается преимущественно как устойчивый набор ценностей или фоновая характеристика общества, внимание переносится на механизмы изменения норм, поведенческих установок и ценностных ориентаций. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, через какие каналы культурные сдвиги воздействуют на хозяйственную координацию, соблюдение правил, коллективные действия и устойчивость реформ. В теоретическом разделе культура рассматривается как совокупность норм, ценностей и поведенческих установок, встроенных в институциональный порядок. Далее анализируются исторические примеры культурной трансформации в Японии, Китае, Германии, России, Чили, Уругвае, Ботсване и Руанде. Для иллюстрации различий между страновыми случаями используются отдельные показатели Всемирного обзора ценностей: межличностное доверие, нормативное неприятие нарушений и доверие к институтам. Показано, что экономическое значение имеет не изолированный показатель культуры, а согласованность между внутренней нормой соблюдения правил, доверием к процедурам и горизонтальной кооперацией.

Ключевые слова: культурная трансформация, нормы, ценности, поведенческие установки, неформальные институты, экономическое развитие, доверие.

Abstract. The article develops an institutional-economic interpretation of cultural transformation as a process of changing informal institu-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Капутьцевич И.К. Культурная трансформация: как изменение норм, установок и ценностей влияет на экономическое развитие // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 176—192. DOI: 10.5281/zenodo.20643315.

tions that affects long-term economic development. Instead of treating culture as a fixed set of values or as a background characteristic of society, the article focuses on the mechanisms through which norms, behavioral attitudes and value orientations change. The purpose is to show how cultural shifts influence coordination, rule compliance, collective action and the sustainability of reforms. The theoretical section interprets culture as a set of norms, values and behavioral attitudes embedded in the institutional order. The article then examines historical cases of cultural transformation in Japan, China, Germany, Russia, Chile, Uruguay, Botswana and Rwanda. The empirical section uses World Values Survey indicators related to rule compliance norms, institutional confidence and generalised interpersonal trust. The article argues that economic development depends not on a single cultural indicator, but on the coherence between internalised norms, trust in procedures and horizontal cooperation.

Keywords: cultural transformation, norms, values, behavioral attitudes, informal institutions, economic development, trust.

УДК 330
ББК 65

Введение

Связь культуры и экономического развития становится особенно заметной, когда различия в траекториях роста невозможно объяснить только капиталом, технологиями, природными ресурсами и формальными институтами. Одни и те же правовые конструкции могут давать разные результаты, сходные рыночные стимулы могут порождать неодинаковые практики, реформы, успешные в одной стране, в другой остаются формальными, почти не меняющими повседневное хозяйственное поведение. Это означает, что экономика функционирует не только в пространстве законов и цен, но и в пространстве ожиданий, доверия, привычек и представлений о допустимом.

Однако тезис о том, что культура «имеет значение», сам по себе недостаточен. В слишком общем виде он легко превращается либо в культурный детерминизм, либо в набор описательных характеристик отдельных обществ. Более продуктивна постановка вопроса о культурной трансформации: как нормы, установки и ценности меняются, каким образом закрепляются и при каких условиях приобретают экономическое значение. Для философии хозяйства эта

тема важна потому, что хозяйственная жизнь не сводится к рациональному выбору в узком смысле. Экономическое действие всегда связано с представлениями о должном, справедливом и обязательном. Поэтому изменение культурных оснований хозяйства означает изменение самой формы экономической координации.

Цель статьи — раскрыть институционально-экономическое содержание культурной трансформации и показать, как изменение норм, установок и ценностей влияет на экономические результаты. Для достижения этой цели уточняется структура культуры, выделяются каналы ее воздействия на развитие, затем рассматриваются исторические примеры из разных регионов мира и приводятся иллюстративные социокультурные показатели по данным Всемирного обзора ценностей.

Культура как часть институционального порядка

В институциональной экономике культура чаще всего рассматривается через категорию неформальных ограничений. Д. Норт определял институты как созданные людьми ограничения, структурирующие взаимодействие, и подчеркивал, что наряду с формальными правилами существенную роль играют обычаи, традиции, нормы и кодексы поведения [2]. О. Уильямсон помещал укорененные нормы и традиции на глубинный уровень институциональной структуры, который меняется медленно, но задает рамку для более быстрых политико-правовых изменений [23].

Внутри культуры следует различать несколько компонентов. Ближе всего к наблюдаемому поведению находятся нормы. Они показывают, какого действия от человека ждут в типичной ситуации и какое отклонение будет встречено неодобрением, потерей репутации или иной санкцией. Поэтому норма — это не просто привычка отдельного индивида, а разделяемое ожидание: участник взаимодействия ориентируется не только на собственную выгоду, но и на то, как его действие будет оценено другими.

Между нормами и более общими ценностными ориентирами располагаются поведенческие установки. В них отражается практический опыт жизни внутри определенного институционального порядка. Человек может в целом признавать важность закона, но при этом не доверять конкретной процедуре, может считать честность

правильной, но сомневаться, что честное поведение будет рациональным, если остальные участники действуют иначе. На этом уровне возникают ожидания относительно добросовестности других участников взаимодействия и предсказуемости государственных решений.

Ценности образуют более глубокий и медленно меняющийся компонент культуры. Они не предписывают конкретного действия в каждой ситуации, но задают оценку: что считается справедливым, достойным, допустимым, престижным или, напротив, неприемлемым. Через ценности общество оценивает власть, труд, образование, конкуренцию, солидарность, личный успех и другие основания хозяйственного порядка.

Такое разграничение важно, поскольку нормы, установки и ценности имеют разную скорость изменения. Установки могут сравнительно быстро меняться под влиянием повторяющегося опыта: например, при более предсказуемом исполнении правил или при расширении успешных практик кооперации. Нормы изменяются медленнее, поскольку требуют изменения коллективных ожиданий и санкций. Ценности, как правило, обладают наибольшей инерцией: они воспроизводятся через семью, образование, религиозные и профессиональные сообщества и поэтому редко меняются вслед за одной реформой или административным решением [12; 14]. Отсюда следует, что экономические последствия культурных сдвигов зависят не только от самого факта изменений, но и от того, какой именно уровень культуры оказался затронут. Изменение установки может повысить доверие к конкретной процедуре, изменение нормы может снизить приемлемость нарушений, а изменение ценности может перестроить долгосрочную ориентацию общества.

С этой точки зрения культурная трансформация может быть определена как процесс изменения неформальных институтов, реализуемый через воздействие на нормы, поведенческие установки и/или ценности и приводящий к изменению условий хозяйственной координации. Она отличается от обычной институциональной реформы тем, что затрагивает не только формальные правила, но и социальные ожидания относительно их соблюдения. Реформа может изменить закон, процедуру или организационную схему, в то время как культурная трансформация означает, что меняется повседневное

представление о том, как следует действовать и какого поведения можно ожидать от других.

Механизмы культурной трансформации

Первый механизм культурной трансформации связан с изменением ожиданий. Социальная норма действует не потому, что она записана в законе, а потому, что индивид ожидает определенного поведения от других, предполагает оценку своего поведения окружающими и учитывает возможную санкцию за отклонение [9]. Поэтому устойчивое изменение нормы предполагает влияние, по крайней мере, на один из трех элементов: представления о том, как обычно поступают другие; представления о том, как следует поступать; или режим санкций, определяющий, что поощряется, что порицается и что остается социально терпимым.

Например, если уклонение от налогов воспринимается как распространенная и социально оправданная практика, формальное повышение штрафов может не привести к устойчивому изменению поведения. Напротив, если появляется убеждение, что большинство участников соблюдает правила, а нарушение является недобросовестностью, даже прежний уровень санкций может работать эффективнее. В этом состоит экономический смысл культурной трансформации: она меняет не только индивидуальные предпочтения, но и структуру ожидаемого поведения, а значит, снижает или повышает издержки контроля.

Второй механизм — культурная трансмиссия. Нормы и установки распространяются через семью, школу, профессиональные организации, местные сообщества, медиа и повседневные практики. В теории культурной передачи обычно выделяются вертикальная трансмиссия, т. е. межпоколенная передача, и горизонтальная трансмиссия, возникающая во взаимодействии внутри поколения, связанная с институтами социализации [10]. Для экономического развития особенно важен мезоуровень: школы, фирмы, муниципальные структуры, профессиональные сообщества и административные организации — именно там абстрактные правила превращаются в повторяющиеся практики.

Третьим механизмом выступает институциональная комплементарность. Формальные и неформальные правила могут усилить

друг друга, замещать или конфликтовать [13]. Если формальная реформа совпадает с распространяющейся нормой, ее издержки снижаются: меньше требуется контроля, ниже сопротивление, быстрее формируется доверие к новой процедуре. Если же формальное правило противоречит устойчивым практикам, возникает риск двойных правил: официальная норма декларируется, но фактическая координация идет через неформальные договоренности, персональные связи или обходные схемы. В российской литературе близкая проблема обсуждается через понятие трансплантации институтов и необходимость согласования правил с механизмами их исполнения [11; 23].

Таблица 1

Каналы влияния культуры на экономическое развитие

Канал	Культурный компонент	Культурный механизм	Источники
Обмен и контракты	Нормы честности, доверие	Доверие и нормы честности → ниже издержки заключения и исполнения контрактов	North [2]; Williamson [23]; Guiso et al. [12]
Коллективные действия и общественные блага	Гражданские нормы, налоговая мораль, легитимность санкций	Налоговая мораль и социальные санкции → выше соблюдение, ниже издержки контроля	Ostrom [16]; Bicchieri [9]; Torgler [21]
Политико-институциональная рамка	Доверие к институтам	Легитимность правил → добровольное соблюдение → ниже обход и издержки принуждения	Tabellini [20]; Alesina, Giuliano [5]; Helmke, Levitsky [13]
Социализация и человеческий капитал	Ценность образования, долгосрочная ориентация	Семья и школа формируют установки → устойчивость/изменение норм	Bisin, Verdier [10]; Spolaore, Wacziarg [19]

Источник: составлено автором.

Из этих механизмов вытекают четыре ключевых канала влияния культуры на экономическое развитие, систематизированные в

табл. 1. Первый — обмен и контракты: доверие и нормы честности снижают транзакционные издержки, расширяют возможность безличного обмена и уменьшают потребность в дорогостоящем контроле [12; 20]. Второй — коллективные действия и общественные блага: налоговая мораль, готовность соблюдать общие правила и доверие к санкциям влияют на финансирование публичных благ и качество государственного управления [16; 21]. Третий — политико-институциональная рамка: доверие к правилам и восприятие как обязательных для всех повышают добровольное соблюдение и снижают пространство для обходных практик [8]. Четвертый — социализация и человеческий капитал: ценность образования, долгосрочная ориентация и установки на достижение влияют на инвестиции в знания, профессиональные навыки и инновационное поведение [1; 19].

Исторические примеры: разные траектории культурной трансформации

Исторические примеры позволяют увидеть, что культурная трансформация не имеет единого сценария. Она может быть результатом внешнего давления, внутренней модернизации, постконфликтного восстановления, институционального заимствования или постепенного укрепления процедур. Важно не только то, какие нормы декларируются, но и то, каким способом они закрепляются.

Япония эпохи Мэйдзи демонстрирует пример управляемой культурной модернизации. Внешний вызов середины XIX в. создал для японских элит стимул к ускоренному заимствованию западных технологий и организационных форм. Однако экономический результат был связан не только с импортом институтов, но и с изменением установок: образование, дисциплина, служение государству и готовность к технологическому обучению стали частью модернизационного проекта [15]. Культурная трансформация здесь не уничтожала прежние нормы полностью, а трактовала их иначе: элементы дисциплины, иерархии и коллективной ответственности были включены в новый проект национального развития. Поэтому формальные реформы получили культурную опору и смогли быстрее трансформироваться в хозяйственные практики.

Китай после 1978 г. представляет иной тип трансформации. Реформы и открытость не означали мгновенного перехода к либераль-

ному рыночному порядку. Скорее, происходила постепенная перестройка норм хозяйственного поведения: предпринимательство, прибыль, локальная инициатива и экспериментирование становились допустимыми в рамках сохраняющегося политического контроля [18]. Экономический эффект состоял в расширении пространства рыночной координации без полного демонтажа прежней институциональной структуры. Культурная трансформация имела гибридный характер: в одних сферах закреплялись рыночные нормы, в других сохранялись вертикальные механизмы координации и политического контроля.

Германия после объединения показывает, что формальная институциональная интеграция может происходить быстрее, чем культурное сближение. Восточные земли получили правовую и организационную систему Западной Германии, но различия в установках, доверии, отношении к рынку и государству не исчезли автоматически. Этот пример важен как естественный эксперимент: единые формальные правила были перенесены на общество с иным опытом социализации. Экономический результат оказался двойственным: с одной стороны, были созданы условия для институциональной стабильности и модернизации инфраструктуры, с другой стороны, адаптация норм и ожиданий потребовала гораздо более длительного времени [6]. Германия демонстрирует, что культурная трансформация может быть следствием реформ, но ее темп определяется опытом повседневных взаимодействий и ощущением справедливости перехода.

Россия 1990-х гг. иллюстрирует проблему институционального вакуума и двойных правил. Быстрые формальные преобразования сопровождались разрушением прежних механизмов координации, но новые нормы рыночного поведения, доверия к контрактам и уважения к праву не могли возникнуть мгновенно [3]. В результате значительная часть хозяйственной жизни была организована через персональные связи, неформальные договоренности, силовые гарантии и обходные практики. С экономической точки зрения это повышало транзакционные издержки, снижало доверие к формальным процедурам и ограничивало горизонт инвестиций. Такой случай показывает, что формальная либерализация без достаточной институционализации новых норм способна порождать не самоподдерживающийся рынок, а устойчивое сочетание рыночных стимулов и неформальных практик.

Чили 1970—1990-х гг. позволяет увидеть границы навязанной культурной трансформации. Рыночные реформы изменили структуру стимулов, расширили пространство частной инициативы и стали важной частью последующей экономической модели. Однако высокая роль принуждения и политического конфликта ограничила социальную легитимацию этих изменений [22]. Поэтому результат оказался противоречивым: рыночные нормы закрепились в ряде сфер, но их восприятие обществом оставалось связано с вопросами неравенства, авторитарного наследия и распределения выгод. Экономический рост не устранял автоматически проблему культурного и политического признания правил.

Уругвай 2000-х гг. демонстрирует более инклюзивный вариант трансформации. Здесь культурные изменения были связаны не с резким разрывом, а с постепенным укреплением социального договора, доверия к процедурам и ориентации на публичные блага [17]. Экономическое значение такой траектории состоит в том, что реформы опираются не только на административное исполнение, но и на сравнительно устойчивое ожидание процедурной справедливости. В отличие от случаев, где модернизация проводится через жесткое навязывание, уругвайский пример показывает роль согласовательных механизмов и социальной включенности.

Ботсвана после 1966 г. часто рассматривается как африканский пример успешного институционального укрепления. Ее отличие заключалось не только в наличии природных ресурсов, но и в сравнительно устойчивом сочетании формальных государственных институтов с практиками ответственности элит, их подотчетности населению и ограниченного произвола [4]. Экономический результат проявился в способности направлять ресурсную ренту на развитие государства и инфраструктуры, а не только на частное присвоение. Культурный аспект здесь связан с тем, что формальные правила получили поддержку в нормах политической ответственности и предсказуемого взаимодействия между государством и обществом.

Руанда после 1994 г. представляет сложный случай постконфликтной культурной политики. Государство стремилось сформировать новые нормы национального единства, дисциплины развития и недопустимости прежних линий разделения. С экономической точки зрения это сопровождалось восстановлением управляемости, ростом

административной способности и улучшением ряда социальных показателей. Однако устойчивость такой трансформации во многом опиралась на вертикальные механизмы закрепления: государственное управление, контроль публичного языка, централизованные программы примирения и дисциплины [7]. Руандийский пример показывает двойственный характер постконфликтной культурной политики. С одной стороны, она способна восстановить управляемость и задать новые правила публичного поведения. С другой — такая устойчивость во многом остается связанной с централизованным контролем и не всегда перерастает в горизонтальное доверие между участниками общественной жизни.

Эмпирические свидетельства культурной трансформации

В социокультурных исследованиях обычно используется несколько групп показателей. Первая группа — межличностное доверие, т. е. доля респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять. Вторая — гражданская мораль и нормы соблюдения правил, включая отношение к уклонению от налогов и получению взятки. Третья — доверие к институтам правоприменения, прежде всего к судам, полиции и государственным организациям. Четвертая — ценностные измерения модернизации, связанные с работами Р. Инглхарта и К. Вельцеля: оси «традиционные — секулярно-рациональные ценности» и «выживание — самовыражение», а также постматериалистические ориентации [1; 5; 14; 24].

Для сохранения сопоставимости в табл. 2 приведены не результаты типологической группировки, а более простые показатели, построенные на стандартных вопросах Всемирного обзора ценностей. Межличностное доверие показано как доля ответов «большинству людей можно доверять». Нормы соблюдения правил и институциональное доверие представлены в нормированном виде от 0 до 1: более высокое значение означает более низкую допустимость нарушения правил и более высокое доверие к институтам правоприменения соответственно.

Полученные различия не следует понимать как ранжирование стран по «качеству культуры». Они показывают разные сочетания норм и доверия, которые важны для объяснения экономических результатов. Япония, Германия и Китай демонстрируют высокую нор-

мативную поддержку соблюдения правил, однако институциональные механизмы ее закрепления различаются: от долгой социализации и организационной дисциплины до вертикальной координации и управляемой адаптации рыночных стимулов.

Таблица 2

Социокультурные показатели по примерам культурной трансформации

Страна	Волна WVS	Межличностное доверие, %	Нормы соблюдения правил, 0—1	Институциональное доверие, 0—1
Япония	7 (2017—2022)	36	0,96	0,67
Китай	7 (2017—2022)	64	0,94	0,71
Германия	7 (2017—2022)	46	0,95	0,67
Россия	7 (2017—2022)	24	0,77	0,48
Чили	7 (2017—2022)	13	0,82	0,42
Уругвай	7 (2017—2022)	15	0,90	0,61
Руанда	6 (2010—2014)	17	0,88	0,57

Источник: расчеты автора по данным Всемирного обзора ценностей [20].

Россия и Чили, напротив, показывают более проблемную конфигурацию: низкое или умеренное межличностное доверие сочетается с ограниченным доверием к процедурам. В таких условиях формальные реформы могут менять стимулы быстрее, чем меняются ожидания и устойчивые практики. Поэтому экономический эффект реформ оказывается зависимым не только от дизайна правил, но и от того, возникает ли у участников уверенность в их предсказуемом применении.

Уругвай и Руанда иллюстрируют два разных варианта институционального закрепления. В Уругвае реформы оказались устойчивее потому, что они не разрушали сложившиеся механизмы согласования интересов, а опирались на них: на традицию умеренной политики, предсказуемости правил и сравнительно высокого доверия к публичным институтам. В Руанде ситуация иная: здесь новые нормы закреплялись прежде всего через государственную мобилизацию, административную дисциплину и жестко управляемую политику национального единства. Поэтому внешне похожий результат (более высокая организованность и предсказуемость поведения) может иметь разные основания. В одном случае он ближе к внутреннему принятию правил и доверию к процедурам, в другом — к централизованному контролю и устойчивости вертикальной координации.

Экономический смысл культурной трансформации

Сопоставление исторических примеров и данных Всемирного обзора ценностей позволяет уточнить, почему культурная трансформация имеет не только социологическое, но и экономическое значение. Речь идет не о том, что одни общества обладают «правильной» культурой, а другие нет. Существеннее другое: нормы, установки и ценности задают тот повседневный режим, в котором формальные правила либо начинают работать, либо остаются внешней конструкцией.

Прежде всего культурная трансформация меняет стоимость поддержания порядка. Если соблюдение правила воспринимается как нормальное и ожидаемое поведение, государству и организациям не нужно каждый раз компенсировать дефицит доверия дополнительным контролем. Напротив, там, где участники заранее предполагают возможность обхода, любое правило становится дорогим: его приходится сопровождать проверками, санкциями, дублирующими процедурами и персональными гарантиями. В этом смысле культура влияет на экономику через вполне практический механизм — цену исполнения правил.

Не менее важен временной горизонт экономического поведения. Там, где участники доверяют хотя бы базовой предсказуемости процедур, им проще принимать решения с отложенным результатом: инвестировать, накапливать репутацию, получать образование, строить долгосрочные договоренности. Если же доминирует ожидание

произвола, выборочного применения правил или массового нарушения обязательств, рациональным становится более короткий горизонт действия. В такой среде предпочтение получают не инвестиции в развитие, а защита через личные связи, быстрый вывод выгоды или уход в неформальные практики.

Культурная трансформация также связана со способностью общества производить и поддерживать общественные блага. Налоги, городская инфраструктура, система образования, здравоохранение, экологические ограничения, нормы безопасности на дорогах предполагают не только наличие формальных предписаний, но и определенный уровень взаимных ожиданий. Индивид соглашается нести издержки соблюдения правила тогда, когда у него есть основания полагать, что аналогичное ограничение принимается и другими участниками. При отсутствии такого ожидания даже институционально обоснованное правило начинает восприниматься как бремя. В этом смысле доверие и нормы взаимности приобретают экономическое содержание: они снижают потребность в постоянном внешнем контроле и расширяют пространство коллективных действий.

Сходная логика проявляется и в оценке реформ. Формальное изменение закона, административной процедуры или организационного регламента может произойти сравнительно быстро, но само по себе оно еще не означает изменения института в содержательном смысле. Правило становится элементом институционального порядка лишь тогда, когда включается в систему ожиданий участников: они предполагают, что оно будет применяться, что другие участники также будут его учитывать, а отклонение не останется социально или организационно нейтральным. Если же новая норма воспринимается как временная, избирательная или заранее допускающая обход, она не изменяет хозяйственную координацию, а лишь увеличивает разрыв между формальным устройством и фактическими практиками.

При этом культурная трансформация не должна пониматься как универсальное средство экономической политики или как возможность произвольного конструирования общества. У нее есть ограничения: ценности меняются медленно, нормы невозможно устойчиво изменить одной информационной кампанией, административное навязывание способно повысить дисциплину, но не всегда создает доверие, культурные различия нельзя трактовать как

неизменные и инерционные. Поэтому корректный подход должен избегать двух крайностей: правового формализма, предполагающего, что достаточно изменить закон, и культурного фатализма, утверждающего, что развитие полностью предопределено наследием.

Заключение

Культурная трансформация представляет собой самостоятельный объект институционально-экономического анализа, поскольку описывает не просто наличие культурных различий, а процесс изменения норм, установок и ценностей, влияющий на хозяйственную координацию. Ее экономическое значение проявляется в снижении или повышении транзакционных издержек, устойчивости контрактов, способности к коллективным действиям, легитимации реформ и формировании человеческого капитала.

Исторические примеры показывают, что успешная культурная трансформация редко сводится к прямому заимствованию институтов. В Японии модернизация стала результативной благодаря соединению формальных реформ с изменением установок на образование, дисциплину и служение развитию. В Китае новые нормы рыночного поведения закреплялись постепенно и гибридно. В Германии формальное объединение не отменило длительный горизонт культурного сближения. В России 1990-х гг. быстрые реформы при слабой институционализации новых норм способствовали воспроизводству двойных правил. В Чили экономическая модернизация сочеталась с проблемой легитимации. В Уругвае устойчивость реформ была связана с социальным договором и доверием к процедурам. В Ботсване институциональное укрепление опиралось на нормы ответственности элит и управляемого использования ресурсов. В Руанде процедурная устойчивость возникала преимущественно через вертикальные механизмы культурной политики.

Данные Всемирного обзора ценностей позволяют дополнить исторический анализ сопоставимой социокультурной иллюстрацией. Сравнение показателей нормативного неприятия нарушений, институционального доверия и межличностного доверия показывает, что ключевое значение имеет не один показатель, а согласованность компонентов культуры. Экономически наиболее устойчивым оказывается такой порядок, в котором соблюдение правил поддерживается

одновременно внутренней нормой, доверием к процедурам и горизонтальной кооперацией. Там, где эти элементы расходятся, возникают риски двойных правил, имитационного соблюдения или чрезмерной зависимости от вертикального контроля.

Следовательно, культурная трансформация — это не внешнее дополнение к экономической политике, а один из механизмов превращения формальных реформ в эффективные институты. Ее учет позволяет точнее понимать, почему одни модернизационные проекты становятся устойчивыми, а другие остаются юридическими конструкциями без достаточного изменения хозяйственного поведения.

Литература

1. *Натхов Т.В.* Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) // Вопросы экономики. 2010. № 8. С. 112—122. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-8-112-122.
2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 190 с.
3. *Полтерович В.М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24—50.
4. *Acemoglu D.* An African Success Story: Botswana // In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth / D. Rodrik (ed.). Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 80—119. DOI: 10.1515/9781400845897-006.
5. *Alesina A., Giuliano P.* Culture and Institutions // Journal of Economic Literature. 2015. Vol. 53. No. 4. P. 898—944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.
6. *Alesina A., Fuchs-Schündeln N.* Good Bye Lenin (or Not?): The Effect of Communism on People's Preferences // American Economic Review. 2007. Vol. 97. No. 4. P. 1507—1528. DOI: 10.1257/aer.97.4.1507.
7. *Ansoms A.* Re-Engineering Rural Society: The Visions and Ambitions of the Rwandan Elite // African Affairs. 2009. Vol. 108. No. 431. P. 289—309. DOI: 10.1093/afraf/adp001.
8. *Besley T., Persson T.* Pillars of Prosperity: The Political Economics of Development Clusters. Princeton: Princeton University Press, 2011. 368 p.

9. *Bicchieri C.* Norms in the Wild: How to Diagnose, Measure, and Change Social Norms. N. Y.: Oxford University Press, 2016. 248 p.
10. *Bisin A., Verdier T.* The Economics of Cultural Transmission and the Dynamics of Preferences // *Journal of Economic Theory*. 2001. Vol. 97. No. 2. P. 298—319. DOI: 10.1006/jeth.2000.2678.
11. *Greif A.* Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 503 p.
12. *Guiso L., Sapienza P., Zingales L.* Does Culture Affect Economic Outcomes? // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20. No. 2. P. 23—48. DOI: 10.1257/jep.20.2.23.
13. *Helmke G., Levitsky S.* Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2. No. 4. P. 725—740. DOI: 10.1017/S1537592704040472.
14. *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 344 p. DOI: 10.1017/CBO9780511790881.
15. *Jansen M.B.* The Making of Modern Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 896 p.
16. *Ostrom E.* Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 280 p.
17. *Pribble J.* Welfare and Party Politics in Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 248 p.
18. *Qian Y.* How Reform Worked in China // *In Search of Prosperity: Analytic Narratives on Economic Growth* / D. Rodrik (ed.). Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 297—333.
19. *Spolaore E., Wacziarg R.* How Deep Are the Roots of Economic Development? // *Journal of Economic Literature*. 2013. Vol. 51. No. 2. P. 325—369. DOI: 10.1257/jel.51.2.325.
20. *Tabellini G.* Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. 2010. Vol. 8. No. 4. P. 677—716. DOI: 10.1111/j.1542-4774.2010.tb00537.x.
21. *Torgler B.* Tax Compliance and Tax Morale: A Theoretical and Empirical Analysis. Cheltenham: Edward Elgar, 2007. 320 p.
22. *Valdés J.G.* Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 381 p.

23. *Williamson O.E.* The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 3. P. 595—613. DOI: 10.1257/jel.38.3.595.

24. World Values Survey Association. EVS/WVS Trend File 1981—2022: Cross-National Data Set. Version 3.0.0. Madrid; Vienna: JD Systems Institute, WVSA Secretariat, 2022. DOI: 10.14281/18241.27.

References

1. *Nathov T.V.* Obrazovanie, social'nyj kapital i ekonomicheskoe razvitie (obzor osnovnyh issledovanij) // *Voprosy ekonomiki*. 2010. № 8. S. 112—122. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-8-112-122.

2. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M.: Nachala, 1997. 190 s.

3. *Polterovich V.M.* Transplantaciya ekonomicheskikh institutov // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*. 2001. № 3. S. 24—50.

Д.А. МИХАЛЕВ

Институциональные основы обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета*

Аннотация. В статье исследуются институциональные основы экономической безопасности и технологического суверенитета. Показано, что в современных условиях определяющее значение приобретает качество институциональной среды, обеспечивающее эффективное использование накопленного технологического потенциала государства. Проведен обзор эволюции институциональной теории — от классических работ старого институционализма до современных концепций национальных инновационных систем и эволюционной экономики. Исследована роль формальных и неформальных институтов, взаимодействия государства, научных организаций

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Михалев Д.А. Институциональные основы обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета // *Философия хозяйства*. 2026. № 4. С. 192—208. DOI: 10.5281/zenodo.20643344.

и бизнеса в обеспечении экономической безопасности и технологического суверенитета. Сделан вывод о том, что высокий уровень экономической безопасности и обеспечение технологического суверенитета неразрывно взаимосвязаны и формируются в результате согласованного функционирования институциональной системы в целом.

Ключевые слова: экономическая безопасность, технологический суверенитет, институциональная экономика, технологическое развитие, экономический рост, инновации.

Abstract. The article explores the institutional underpinnings of economic security and technological sovereignty. It is shown that in modern conditions the quality of the institutional environment, which ensures the effective use of the accumulated technological potential of the state, is of decisive importance. A review of the evolution of institutional theory from classical works of old institutionalism to modern concepts of national innovation systems and evolutionary economics has been conducted. The role of formal and informal institutions, interaction of the state, scientific organizations and business in ensuring economic security and technological sovereignty has been investigated. It was concluded that a high level of economic security and the provision of technological sovereignty are inextricably linked and are formed as a result of the coordinated functioning of the institutional system as a whole.

Keywords: economic security, technological sovereignty, institutional economy, technological development, economic growth, innovation.

УДК 338.2; 330.88
ББК 65.02; 65.011

Введение

В начале XXI в. обеспечение экономической безопасности все в большей степени определяется не столько объемом располагаемых ресурсов, сколько качеством институциональной среды, способной направить их использование на обеспечение устойчивого технологического развития. Функционирование национальной экономики происходит не только за счет наличия материальных ресурсов, но и за счет механизмов их распределения, кооперации и трансформации в

технологические результаты. В этой связи обеспечение технологического суверенитета в системе экономической безопасности является производной от устойчивости и согласованности институтов, регулирующих экономические и инновационные процессы в государстве.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли институтов в обеспечении экономической безопасности и технологического суверенитета. Институциональная среда определяет характер взаимодействия экономических субъектов, формирует стимулы для инновационной активности и задает рамки функционирования национальной экономики. При этом именно качество институтов во многом предопределяет способность экономики противостоять внешним вызовам, обеспечивать устойчивость к экстремальным событиям и формировать внутренние источники для экономического роста [1, 45].

В трудах Джона Коммонса [26], Уэсли Митчелла [34], Торстейна Веблена [18], Йозефа Шумпетера [39], Саймона Кузнецца [30], Николая Кондратьева [19], Рональда Коуза [25], Оливера Уильямсона [41], Джеффри Ходжсона [29], Линды Вайсс [40], Джованни Доси и Кристофера Фримена [28], Бенгт-Оке Лундвалля [32], Брайана Лоасби, Ричарда Нельсона и Сидни Уинтера [31], Карлоты Перес [37], Пола Дэвида [27], Джоэля Мокира [35], Марианы Маццукато [33], Дани Родрика [38], Ха-Джун Чанга [24], Элинон Остром [36], Дарона Аджемоглу [22], Филиппа Агьона и Питера Ховитта [23] накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, раскрывающий взаимосвязь институтов, экономического роста и технологических изменений. Вместе с тем сохраняется потребность в разработке теоретико-методологического подхода для решения задач обеспечения технологического суверенитета как ключевой составляющей повышения уровня экономической безопасности.

Целью статьи является исследование институциональных основ обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета. Методологическую основу исследования составляют положения институциональной экономической теории, эволюционного и неошумпетерианского подходов, а также методы сравнительного и системного анализа. Использование указанной методологии позволит рассмотреть экономическую безопасность и технологиче-

ский суверенитет как взаимосвязанные элементы единой институциональной системы, функционирование которой определяется совокупностью норм, правил и механизмов координации экономической деятельности.

Институциональные основы экономической безопасности и технологического развития

Устойчивость национальной экономики и ее способность к наращиванию технологического потенциала во многом определяются институциональными основами, которые формируют условия обеспечения экономической безопасности и достижения технологического суверенитета.

Институты, выступая в роли ограничителей и стимулов, структурируют хозяйственное взаимодействие, снижают транзакционные издержки и создают предсказуемую среду для принятия управленческих решений [20, 17]. Именно институциональная среда задает допустимые рамки экономической активности, определяет направления распределения ресурсов и формирует долгосрочную траекторию развития экономики.

Общие теоретические подходы к институциональному анализу были заложены представителями старого институционализма. Д. Коммонс сформировал представление об институциональной экономике как системе регулирования транзакций посредством формальных правил и государственных институтов, которые обеспечивают устойчивость взаимодействия между субъектами [26]. В развитие эмпирического направления институциональной теории значительный вклад внес У. Митчелл, сосредоточивший внимание на количественном анализе экономических циклов и статистической проверке теоретических положений [34]. В то же время Т. Веблен, применяя социологический анализ, выявил институциональные противоречия капиталистической системы, особенно обостряющиеся в периоды кризисов, когда происходит перераспределение капитала в пользу финансового сектора экономики [18].

Для формирования институциональной среды обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета необходима интеграция теории экономического роста и инноваций. И. Шумпетер обосновал концепцию «созидательного разрушения»,

согласно которой экономическое развитие осуществляется через постоянное обновление технологической базы, вытеснение устаревших технологий и формирование новых рынков [39]. Эмпирическое подтверждение взаимосвязи технологического прогресса и структурных сдвигов в экономике представлено в трудах С. Кузнеця, что позволяет рассматривать технологический суверенитет как результат накопления научно-технологического потенциала в устойчивой институциональной среде [30].

Циклический характер экономического развития, имеющий принципиальное значение для анализа угроз экономической безопасности, раскрыт в теории длинных волн Н. Кондратьева. Он отмечал, что каждая фаза подъема обусловлена распространением новых технологий. Для данного исследования это необходимо, чтобы доказать, что риски и угрозы экономической безопасности также имеют волнообразную динамику, усиливаясь на этапах технологических изменений [19].

Обеспечение экономической безопасности и технологического суверенитета сопряжено со значительными транзакционными издержками, связанными с координацией экономических субъектов, защитой прав собственности и снижением уровня неопределенности в экономике. Для понимания роли и эффективности институтов в этих процессах принципиальное значение имеют положения теории транзакционных издержек, разработанной Р. Коузом и развитой О. Уильямсоном. Подходы, описанные в их работах, позволяют рассматривать институциональные формы организации экономики как результат стремления к минимизации издержек *ex-ante*, что непосредственно связано с выбором моделей управления инновационной деятельностью и технологическим развитием [25; 41]. Д. Ходжсон также подчеркивал, что институты одновременно ограничивают и стимулируют инновации, определяя скорость распространения технологий и характер экономического роста [29].

В современных исследованиях институциональных основ технологического развития делается упор на активную роль государства. Л. Вайсс обосновывает значимость сильных государственных институтов для формирования национальных инновационных систем и развития высокотехнологичных отраслей экономики [40]. Концепция национальных инновационных систем, разработанная

Д. Доси, К. Фрименом и Б. Лундваллем, позволила исследовать институты как ключевые механизмы создания, распространения и коммерциализации знаний [28; 32].

Эволюционный подход к анализу технологических изменений, представленный Б. Лоасби, Р. Нельсоном и С. Уинтер, подчеркивает кумулятивный характер технологического развития и его зависимость от накопленных знаний и институциональной среды [31]. Взаимосвязь технологических революций и институциональных трансформаций также раскрыта в работах К. Перес, П. Дэвида и Дж. Мок-ира, что подтверждает зависимость будущих технологических траекторий от предшествующего развития [37; 27; 35].

Для обеспечения технологического суверенитета важно проводить качественную промышленную политику и с помощью институтов всячески поддерживать стратегические отрасли технологического развития. М. Маццукато, Д. Родрик и Х.Д. Чанг в своих исследованиях обосновали необходимость проведения эффективной промышленной политики и то, как институты могут способствовать этому [33; 38; 37]. Э. Остром также делала акцент на роли эффективных институтов управления ресурсами для устойчивости экономических систем [36].

Институциональные различия в развитии стран глубоко проанализированы Д. Аджемоглу. Он выделил инклюзивные и экстрактивные институты, определяющие долгосрочные траектории экономического роста [22]. Развитие идей шупетерианской динамики инноваций получило эконометрическое обоснование в модели Ф. Агьона и П. Ховитта, которая показала взаимосвязь влияния конкуренции, инвестиций в научные разработки и институциональных ограничений на темпы экономического роста [23].

В рамках отечественной научной школы важно отметить исследование О.С. Сухарева, в котором предложен режим технологического развития «комбинаторного наращения», необходимого для развития технологий в России [5, 72]. Такой режим предполагает достижение технологического суверенитета за счет интеграции и комбинирования существующих технологий, в отличие от режима «созидательного разрушения», ориентированного на полное вытеснение старых технологий новыми (см. рис. 1).

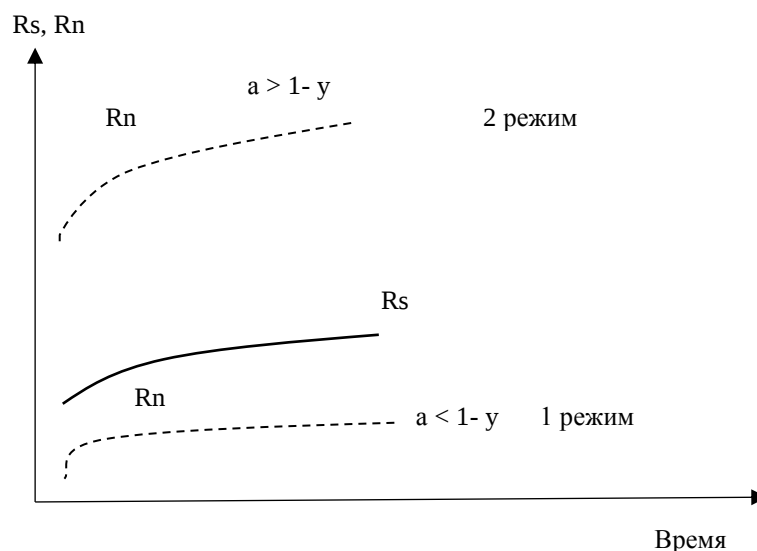

Рис. 1. Режимы технологического развития, по О.С. Сухареву [21, 73]

R_s и R_n — старая и новая технология соответственно. Связь между ними обозначена как $R_n = aR_s/(1-y)$. Выбор между указанными режимами во многом определяется качеством институциональной среды, включая эффективность государственного регулирования, уровень развития инновационной инфраструктуры и степень защиты экономических интересов.

Для анализа роли формальных институтов в обеспечении экономической безопасности и технологического суверенитета необходимо обратиться к действующему законодательству. Нормативную основу формирует система стратегических, программных и подзаконных актов, включая Стратегию экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. [13], Концепцию технологического развития [12], акты Правительства Российской Федерации, регулирующие реализацию проектов технологического суверенитета [8; 9; 6; 7; 10, 11], а также обновленную Стратегию научно-технического развития [14]. Базовые принципы закреплены в федеральных законах о

безопасности [15] и стратегическом планировании [21], дополняемых нормами в сфере промышленной политики [20], научно-технической политики [13], инвестиционной деятельности [14], контрактной системы [19] и государственно-частного партнерства [16], что в совокупности образует формальную часть институциональных основ обеспечения экономической безопасности и технологического суверенитета.

Институциональные основы экономической безопасности и технологического суверенитета представлены на рис. 2, 3 и 4. Формальные институты, описанные системой стратегических, программных и правовых актов, закрепляют правила, ограничения и стимулы для участников хозяйственных отношений (см. рис. 2).

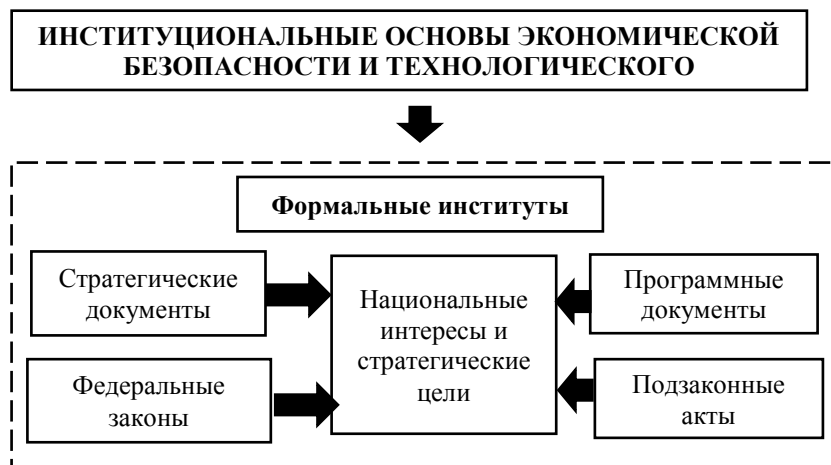

Рис. 2. Формальные институты экономической безопасности и технологического суверенитета (составлено автором)

Акторами выступают органы государственной власти, научно-исследовательские организации, научно-технологические кластеры и промышленные предприятия, взаимодействие которых обеспечивает реализацию государственной политики и преобразовывает стратегические цели в конкретные социально-экономические результаты, включая развитие научно-технологического потенциала государства (см. рис. 3).

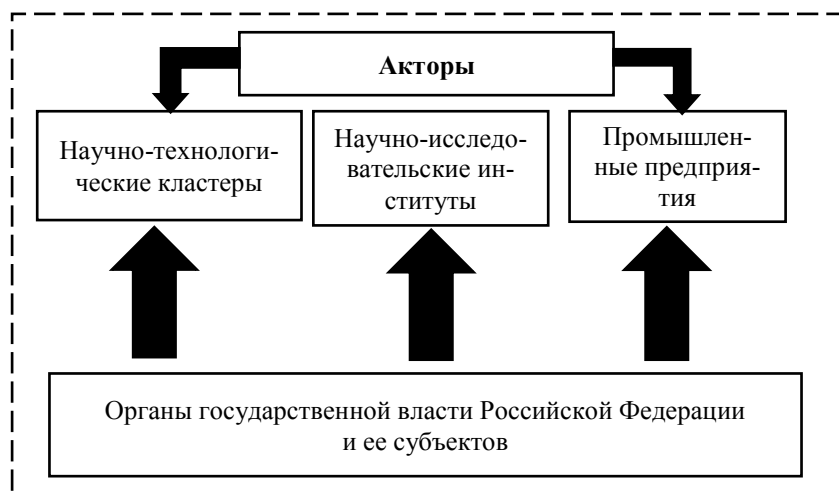

Рис. 3. Акторы институтов экономической безопасности и технологического суверенитета (составлено автором)

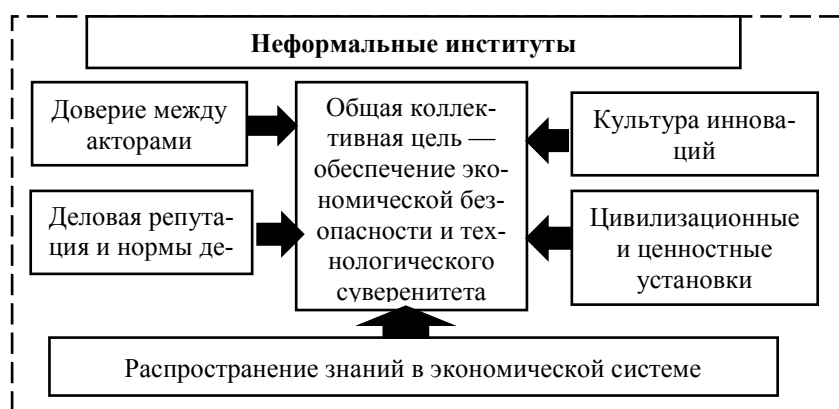

Рис. 4 . Неформальные институты экономической безопасности и технологического суверенитета (составлено автором)

Наряду с формальными институтами существенное значение имеют неформальные институты, включающие уровень доверия, деловую культуру, инновационную среду, а также совокупность норм

и ценностных установок. Они во многом определяют эффективность функционирования формальных институтов, влияя на степень их практической реализации.

Таким образом, институциональные основы экономической безопасности и технологического суверенитета представляют собой систему взаимосвязанных формальных и неформальных институтов, обеспечивающих достижение стратегических целей социально-экономического развития.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что институциональные основы экономической безопасности и технологического суверенитета являются ключевым фактором для устойчивого социально-экономического развития. Показано, что в современных условиях определяющее значение приобретает качество институциональной среды, от которого зависит эффективность накопленного научно-технологического потенциала.

Обобщение эволюции институциональной теории, начиная со старого институционализма и заканчивая современными подходами к национальным инновационным системам и эволюционной экономике, позволяет сделать вывод о возрастающей роли институтов в обеспечении долгосрочного экономического роста и технологического развития. При этом особенно важны механизмы согласования формальных и неформальных институтов для определения устойчивости и результативности экономической системы.

Установлено, что обеспечение экономической безопасности и технологического суверенитета невозможно без скоординированного взаимодействия государства, научно-исследовательских организаций и бизнеса, являющихся акторами институциональной среды. Их взаимодействие обеспечивает трансформацию стратегических целей в конкретные экономические и технологические результаты.

Таким образом, обеспечение высокого уровня экономической безопасности и достижение технологического суверенитета являются результатом согласованного функционирования всей институциональной системы, включающей формальные и неформальные институты, а также механизмы их взаимодействия в рамках национальной экономики.

Литература

1. *Ваславская И. Ю., Михалев Д.А.* Экстремальные события как механизм эндогенного развития социально-экономических систем // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2026. Т. 36. № 1. С. 45—53.
2. *Веблен Т.* Теория праздного класса / Пер. с англ.; вступ. ст. С.Г. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
3. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы экономической конъюнктуры // Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 766 с.
4. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
5. *Сухарев О.С.* «Экономика технологий». Новое научное направление: Монография. М.: Финансы и статистика, 2026. 290 с.
6. Постановление СФ ФС РФ от 22.02.2023 № 71-СФ «Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета»: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=818630#SUL1NFVGHfSjCVAK> (дата обращения: 20.01.2026).
7. Постановление СФ ФС РФ от 26.04.2023 № 204-СФ «О развитии промышленности и об обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации»: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=822712#J9e1NFVEXGIGN1ls> (дата обращения: 20.01.2026).
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.12.2022 № 2478 «Об утверждении Правил управления реализацией мероприятий программ и проектов Национальной технологической инициативы, результаты которых направлены на решение задач обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290160> (дата обращения: 20.01.2026).

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304170025> (дата обращения: 20.01.2026).

10. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.06.2023 № 424 «Об утверждении порядка отбора государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» экспертных организаций, подтверждающих соответствие проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, порядка формирования перечня экспертных организаций»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308210009> (дата обращения: 20.01.2026).

11. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 30.05.2023 № 361 «Об утверждении формы и порядка ведения государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» реестра проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306150004> (дата обращения: 20.01.2026).

12. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (дата обращения: 20.01.2026).

13. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921/page/1> (дата обращения: 20.01.2026).
14. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 20.01.2026).
15. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 20.01.2026).
16. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 20.01.2026).
17. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения: 20.01.2026).
18. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 20.01.2026).
19. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения: 20.01.2026).
20. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 20.01.2026).
21. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 20.01.2026).

22. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Institutions as the fundamental cause of Long-Run growth. National Bureau of Economic Research, 2004. P. 385—472.
23. *Aghion P., Howitt P.* A model of growth through creative destruction // *Econometrica*. 1992. No. 60 (2). P. 323.
24. *Chang H.* Kicking Away the Ladder: Infant industry promotion in historical perspective // *Oxford Development Studies*. 2003. No. 31 (1). P. 21—32.
25. *Coase R.H.* The nature of the firm // *Economica*. 1937. No. 4 (16). P. 386—405.
26. *Commons J.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. N. Y.: The Macmillan Company, 1934.
27. *David P.A.* Path Dependence, its Critics, and the Quest for Historical Economics. Edward Elgar Publishing eBooks, 2007.
28. *Dosi G., Freeman C.* Technical Change and Industrial Transformation. The Theory and an Application to the Semiconductor industry. Economics PhD Theses, 1983.
29. *Hodgson G.M.* Economics and Institutions: a Manifesto for a Modern Institutional Economics. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988.
30. *Kuznets S.* Economic Growth of Nations: Total Output and Production Structure. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.
31. *Loasby B.J., Nelson R.R., Winter S.G.* An evolutionary theory of economic change // *The Economic Journal*. 1983. No. 93 (371). P. 652.
32. *Lundvall B.* National Business Systems and National Systems of Innovation // *International Studies of Management and Organization*. 1999. No. 29 (2). P. 60—77.
33. *Mazzucato M.* The entrepreneurial state // *Soundings*. 2011. Vol. 49. Iss. 49. P. 131—142.
34. *Mitchell W.C.* Business Cycles. University of California Press, 1913.
35. *Mokyr J.* A culture of growth: The origins of the modern economy. Princeton, New Jersey, U.S.: Princeton University Press, 2016.
36. *Ostrom E.* Governing the Commons. Cambridge University Press eBooks, 1990.
37. *Perez C.* Technological revolutions and financial capital the dynamics of bubbles and golden ages. 2002.

38. *Rodrik D.* Industrial Policy for the Twenty-First Century // SSRN Electronic Journal. 2004.
39. *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism, and Democracy. N. Y., U.S.: Harper & Brothers, 1942.
40. *Weiss L.* The Myth of the Powerless State. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1998.
41. *Williamson O.E.* The Economic Institutions of Capitalism. N. Y.: Free Press, 1985. 450 p.

References

1. *Vaslavskaya I. YU., Mihalev D.A.* Ekstremal'nye sobytiya kak mekhanizm endogenogo razvitiya social'no-ekonomicheskikh sistem // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo. 2026. T. 36. № 1. S. 45—53.
2. *Veblen T.* Teoriya prazdnogo klassa / Per. s angl.; vstup. st. S.G. Sorokin. M.: Progress, 1984. 367 s.
3. *Kondrat'ev N.D.* Bol'shie cikly ekonomicheskoy kon'yunktury // Kondrat'ev N.D., Yakovlev YU.V., Abalkin L.I. Bol'shie cikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy. M.: Ekonomika, 2002. 766 s.
4. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M.: Nachala, 1997. 180 s.
5. *Suharev O.S.* «Ekonomika tekhnologij». Novoe nauchnoe napravlenie: Monografiya. M.: Finansy i statistika, 2026. 290 s.
6. Postanovlenie SF FS RF ot 22.02.2023 № 71-SF «Ob obespechenii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii v celyah dostizheniya tekhnologicheskogo suvereniteta»: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=818630#SUL1NFVGHfSjCVAK> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
7. Postanovlenie SF FS RF ot 26.04.2023 № 204-SF «O razvitiy promyshlennosti i ob obespechenii tekhnologicheskogo suvereniteta Rossijskoj Federacii»: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=822712#J9e1NFVEXGIGN1ls> (data obrashcheniya: 20.01.2026).
8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.12.2022 № 2478 «Ob utverzhdenii Pravil upravleniya realizatsiej meropriyatij program i proektov Nacional'noj tekhnologicheskoy iniciativy, rezul'taty

kotoryh napravleny na reshenie zadach obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta Rossijskoj Federacii, o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu otдел'nyh polozhenij nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290160> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

9. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15.04.2023 № 603 «Ob utverzhdenii prioritetnyh napravlenij proektov tekhnologicheskogo suvereniteta i proektov strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii i Polozheniya ob usloviyah otneseniya proektov k proektam tekhnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii, o predstavlenii svedenij o proektah tekhnologicheskogo suvereniteta i proektah strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii i vedenii reestra ukazannyh proektov, a takzhe o trebovaniyah k organizaciyam, upolnomochennym predstavlyat' zaklyucheniya o sootvetstvii proektov trebovaniyam k proektam tekhnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304170025> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

10. Prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 23.06.2023 № 424 «Ob utverzhdenii poryadka otbora gosudarstvennoj korporaciej razvitiya «VEB.RF» ekspertnyh organizacij, podtverzhdayushchih sootvetstvie proektov trebovaniyam k proektam tekhnologicheskogo suvereniteta i proektam strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii, poryadka formirovaniya perechnya ekspertnyh organizacij»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308210009> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

11. Prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii ot 30.05.2023 № 361 «Ob utverzhdenii formy i poryadka vedeniya gosudarstvennoj korporaciej razvitiya «VEB.RF» reestra proektov tekhnologicheskogo suvereniteta i proektov strukturnoj adaptacii ekonomiki Rossijskoj Federacii»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306150004> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

12. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20 maya 2023 № 1315-r «Ob utverzhdenii Koncepcii tekhnologicheskogo razvitiya na period do

2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

13. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.05.2017 № 208 «O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921/page/1> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

14. Ukaz Prezidenta RF ot 28.02.2024 № 145 «O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii»: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (data obrashcheniya: 20.01.2026).

15. Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ «O bezopasnosti»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).

16. Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 № 224-FZ «O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, municipal'no-chastnom partnerstve v Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).

17. Federal'nyj zakon ot 25.02.1999 № 39-FZ «Ob investicionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushchestvlyаемoj v forme kapital'nyh vlozhenij»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).

18. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).

19. Federal'nyj zakon ot 23.08.1996 № 127-FZ «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tekhnicheskoy politike»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).

20. Federal'nyj zakon ot 31.12.2014 № 488-FZ «O promyshlennoj politike v Rossijskoj Federacii»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).

21. Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (data obrashcheniya: 20.01.2026).

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.И. ГИРЕНОК

Отказ от социальной философии И. Канта*

Аннотация. В статье проводится критика социальной философии И. Канта. Ставится под сомнение идея о том, что каждому человеку требуется свой «господин». Анализируется мысль Канта о том, что всякое общество непременно предполагает в себе антагонизм, и рассматривается альтернативный способ совместной жизни людей. Под этим способом жизни понимается то, что Кант называл Аркадией, а Теннис — общиной, т. е. психологический коммунизм.

Ключевые слова: сознание, человек, община, общество, другой, бессознательное, город, деревня, право, мораль.

Abstract. This article critiques Immanuel Kant's social philosophy. It questions the idea that each person requires a «master». It analyzes Kant's idea that every society necessarily presupposes antagonism, and considers an alternative way of living together. This way of life is understood as what Kant called Arcadia and Tönnies called community — that is psychological communism.

Keywords: consciousness, human, community, society, other, unconscious, city, village, law, morality.

УДК 101
ББК 87.5

В 1784 г. вышла работа Канта под названием «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». В ней Кант приходит к выводу, что вся человеческая жизнь в конечном счете состоит из глупостей, тщеславия, злобы и страсти к разрушению. Поскольку никаких разумных целей нельзя полагать у человека, постольку Кант хочет найти что-то разумное у природы. Он попытался найти в ней какую-нибудь цель, которая могла бы придать смысл бессмысленным действиям человека.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гиренок Ф.И. Отказ от социальной философии И. Канта // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 211—217. DOI: 10.5281/zenodo.20643380.

Что Кант называет разумом человека? Он называет разумом его «способность расширять за пределы природного инстинкта правила и цели приложения всех его сил» [1]. Если разум человека состоит в расширении действий человека за пределы природы, то этот разум нужно назвать не разумом, а сознанием. Для чего человеку сознание? Для того чтобы действовать за пределами природы. Чтобы действовать за пределами, человеку нужно быть самому за пределами природы. Что значит быть самому? Быть самим собой человек может, если он существует не тем бытием, которое ему дает природа, а тем бытием, которое ему дает сознание. На это бытие указывают слова «я сам». Эти слова есть вход в область отношений сознания и бессознательного.

Помимо сознания в составе разума находится то, что определяет логику и целесообразность действия, т. е. интеллект. Все это означает, что разумность любого действия содержит в себе разрыв между сознанием и интеллектом человека. А поскольку интеллект встраивается в сознание, постольку он определяется отношением между сознанием и бессознательным. То есть искусственный интеллект не может быть полностью искусственным. Он является приложением к человеческому интеллекту.

К сожалению, немецкий идеализм не научился различать сознание и интеллект. Он их склеивал в аморфном понятии разума. Если интеллект вычисляет, то сознание расширяет реальность. Кант расширение реальности посредством образов подчиняет правилам вычисления, обработке данных. Он боится сознания без разума. Для него прогресс идет от сознания к интеллекту. Кант пытается строить мораль и общество на формулах и логических выводах разума (интеллекта). Для него это вершина человеческого в человеке. Напротив, «аркадные пастухи» видят вершину в сознательном действии, в согласии, т. е. в сознании без разума. «Природа лучше знает, что для рода хорошо», — говорит Кант [1]. Для него сознание — это техническое условие работы интеллекта. Сознание без категорий пусто, уверял всех Кант. Движение от категории к категории логично. И в этом он был прав. Но движение сознания идет не от категории к категории, а от образа к образу. А это движение нелогично. Оно аффективно. Суть человека не в интеллекте, а в сознании, не в логике, а в чувствах. Человек не логическая система, ограниченная правом (социальным кодом) и долгом (внутренним кодом). Сознание дает

человеку навигацию в мире образов, а интеллект с его логикой дает навигацию в пространстве. Кант превращает человека в живого бессознательного робота. Чтобы спасти человека от хаоса сознания, Кант убивает его.

Содержание сознания состоит в воздействии человека на самого себя. Поэтому Кант говорит о том, что разум «не действует инстинктивно» [1]. Но если он не действует инстинктивно, то он не принадлежит природе. Если бы он принадлежал природе, то он не мог бы ее расширять. Если он ее расширяет, то возникает вопрос: как он это делает? Если разум — задаток природы, то чем он отличается от инстинкта? Если это совсем не задаток природы, то что означают пределы природы и что находится за этими пределами? И еще. Чем отличается разум, который действует за пределами природы, от разума, который действует в пределах природы? Так начинается кантовская запутанность в кривых линиях сознания.

Третье положение «Идеи...» Канта начинается со слов «природа захотела». Что она захотела? Чтобы человек произвел из себя все то, что находится за пределами природы или, по словам Канта, «за пределами механического устройства его животного существования» [1]. А что находится за пределами животного существования? Там, за пределами, находится его человеческое существование. То, что он свободно производит из себя. Свободно из себя он производит образы. Например, образ его (человека) счастья. Но что-то за этими пределами есть такое, что мешает человеку быть счастливым. Что же это? Что мешает ему за этими пределами пользоваться плодами своих свободных трудов? В ответе на этот вопрос кривая философской мысли Канта делает новый поворот. Оказывается «природа беспокоилась вовсе не о том, чтобы человек жил хорошо, а о том, чтобы он сам достиг такого положения, когда благодаря своему поведению он станет достойным жизни и благополучия» [1]. Кто же решает вопрос о достоинстве человека? Не сам человек, а общество. Откуда оно взялось?

Вообще счастье, говорит Кант, человеку совсем не нужно, ибо счастье для него — это «животная способность пассивно предаваться покою и благополучию» [1]. Общество в черед поколений решает, что нужно человеку, а что ему не нужно. Но что делать, если человек хочет жить весело и беспечно? Нужно, советует Кант, окунуться с

головой в работу и испытать трудности, чтобы найти разумное избавление от них. Человек хочет жить в согласии между людьми. Ему нравится жизнь аркадских пастухов, ибо это жизнь в общине при полном единодушии, умеренности и любви.

Но Кант — городской человек. Ему, как и Одиссею, не нравится эта жизнь. Но Одиссей — разбойник, пират, а Кант — городской обыватель. Для него аркадские пастухи — это деревенщина. Они, по Канту, столь же кроткие, как и овцы, которых они пасут. Их, пастухов, тоже нужно стричь, как сами они стригут овец. Для Канта пастухи просто домашние животные. Природа, полагает Кант, лучше знает, что нужно пастуху. Ему нужен не покой, а распря. Раздор толкает людей к праву. Почему он не толкает их к совести, Кант не объясняет. Согласие людей толкает их к символической жизни. Кант пишет: «Благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать!» [1].

Иными словами, человек, говорит Кант, живет не для счастья, а для будущих поколений. Индивид смертен. Род бессмертен. Тем самым Кант совершает ошибку. Он путает конечность существования человека с его жизнью во времени. Человек конечен не потому, что он умирает, хотя он и умирает. Животные тоже умирают, но они живут в вечности. Человек конечен потому, что он живет во времени. Животные умирают, но у них нет смерти. Человек живет во времени, и у него есть сознание смерти. Общество создано для тех, кто живет в пространстве. Община создается теми, кто живет во времени. Греческие философы убили общину и создали общество, где были политика, наука и культура.

В положении номер четыре своей «Идеи...» Кант решительно выбрасывает общину из общежития, называет ее дикостью и поселяет человека в общество. А в обществе правит людьми всегда антагонизм. Это означает, что в обществе никто никому не делает добра. В нем приемлема «недоброжелательная общительность», т. е. общение посредством сопротивления общению. Разъединительный синтез социальной машины рождает город, в котором человек терпеть не может других, но в то же время не может обойтись без них. «Сознание» против присутствия другого, но «жизнь» — за него. Поэтому сознание — это бессознательное городской жизни, а жизнь — это бессознательное общинного сознания.

Ошибка Канта состоит в том, что он не различал живое существо и живое разумное существо. Живое существо не нуждается в роде, а живое сознательное существо нуждается в роде. Но род — это не биологический вид, а сознание жизни людей, связанных рождением. Животное существует на кривой пространства, а сознательная жизнь существует на кривой сознания. У человека существование без сущности, у животного существование соответствует сущности. Кантовское понятие «animal rationabile» теряет всякий смысл. Встреча любых двух людей рождает огонь, в котором можно либо сгореть, либо дать существование мысли. Общество, как огнетушитель, гасит этот огонь. Понятие прогресса помогает Канту превращать видимость присутствия в само присутствие. Прогресс, в трактовке Канта, позволяет социальной машине превращать зло в добро. Но точно так же этот прогресс позволяет добро превращать в зло. От добра, говорит русское сознание, добра не ищут.

Община нелюбимых Кантом аркадских пастухов знает, что и в Аркадии есть «я». Как соотносятся «я» и самость? В общине доминирует самость без «я». В городе доминирует «я» без самости. Немецкая философия преувеличивает субъектную роль «я». Она в словах «я сам» подчеркивает значимость слова «я». Но «я» что-то значит, если ты уже сам. А если ты не сам, то твоему «я» принадлежит только действие, но не его субъектность. В словах «я везу» и «на мне ездят» как раз и фиксируется сдвиг субъектности. Везешь ты, но самость принадлежит другому.

В общине никто не принуждает «я» к действию внешним образом. В ней нет нужды в законах, т. е. в палке общества. Антагонизм между людьми не антропологический продукт, а социальный. Чем меньше в человеке пороков, тем медленнее идет социальный прогресс. И наоборот. Чем больше в людях «черного золота» морали, тем быстрее идет прогресс. Запад — это прогресс. Россия на этой шкале — варварство.

Община запрещает делить то, что досталось людям от природы. Общество требует все поделить. В общине нет такого ресурса, как власть над себе подобными. Этот ресурс изобретен социумом, который соблазняет людей социальным статусом в нем и социальной ролью. Один человек не станет человеком без самобытного общежития в своем роде. Община не нуждается в обществе, потому что в ней человек — это всечеловек, т. е. вся община. В ней имеет место «мы»,

а не «я» и «ты», как в обществе. Город исключает всечеловека. Он создает идею гармоничного человека. «Я» и другой — это социальный коллектив. Кант хочет для нас права, но он забывает, что где есть право, там нет морали. А где нет морали, там нет людей. Право — это всегда право сильного. Никакое право не сможет пересилить силу сильного. Силу приводит в чувство только сила.

Кант мыслит человека как проект, как задание. Он мыслит его как индивида. Это ошибка просвещения, не преодоленная ни Кантом, ни Камю, ни Хайдеггером. «Я», которое дает себе закон, — это легитимация морали преступника.

Человек — это кривое дерево, говорит Кант, и с ним можно согласиться. Человек рождается уже человеком. Ему не надо становиться человеком. Его галлюцинации — это предания рода. Из кривого дерева нельзя сделать прямое. Кривое в человеке можно подчинить закону. Нельзя человека заставить быть добрым, если он уже недобр. Нельзя человека заставить быть моральным, если он уже аморален. Общество дает бытие вместе людям, внутренне не связанным, разобщенным. Людям, не связанным верой, нужна идеология. Она нужна тем, у кого есть «я», но нет самости. Вернее, у кого «я» и есть его самость. Люди моральны не потому, что есть право, а потому, что есть сознание. Быть в сознании означает быть уже моральным.

Общество — это множество других, лишенных самости, но связанных внешними законами. Кант не может отделить свободу человека от непреодолимого принуждения. Он говорит: «При необузданной свободе они (люди. — *Ф.Г.*) не могут долго ужиться друг с другом» [1]. Кант при этом, конечно, забывает об аркадских пастухах, которые при необузданной свободе жили в полном согласии в общине.

Самой трудной проблемой западной философии Кант назвал положение о том, что человек есть такое животное, которое нуждается в господине. В чем состоит проблема? Она состоит в том, что человек, как полагает Кант, не может не злоупотребить своей свободой. Но почему? На этот вопрос Кант не отвечает.

При этом Кант не решается принять идею о том, что у человека нет сущности, которая ограничивала бы его существование. Существование без сущности — это предел рациональной мысли. Кант — рационалист. Он ссылается на моральный закон внутри человека. И на разум вне его. Однако нравственный закон внутри нас ничего

не значит для человека. Почему? Потому что для свободы нет закона. Где сознание, там и воля. Где воля, там и своеволие. Своеволие — это воображение. Кантовский разум — это то, что принуждает человека к отказу от свободы.

Как же Кант разрешает проблему совместимости свободы и принуждения человека? «Вступать в это состояние принуждения, — пишет Кант, — заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе, беда, а именно величайшая из бед — та, которую причиняют друг другу сами люди, чьи склонности приводят к тому, что при необузданной свободе они не могут долго ужиться друг с другом» [1]. В чем же состоит беда? В том, что человеку нужно выбрать одно из двух: либо себя, либо общество. Если мы выбираем себя, то мы выбираем свободу и отказываемся от общества. Если выбираем общество, то мы отказываемся от себя и выбираем внешнее принуждение. Что предлагает Кант? Он предлагает нам отказаться от себя и выбрать себе общество, ибо общество дает бытие вместе людям внутренне разобщенным. Одиноким пытаются найти господина, который бы сломил их волю и заставил их подчиниться общей воле. Но общая воля — это не внутренняя воля. А господин — это всегда человек. Возникает вопрос: какой господин сломит своеволие этого человека? Невозможность ответить на этот вопрос ставит под сомнение идею общества вообще и заставляет нас обратить внимание на общинный способ совместной жизни людей.

Литература

1. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане: URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

References

1. *Kant I.* Ideya vseobshchej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane: URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf (data obrashcheniya: 20.03.2026).

А.И. БОБКОВ

**Демонтаж демонтажа народа в антропологии
этнорелигиозной идентичности С.Г. Кара-Мурзы***

Аннотация. Статья посвящена философско-антропологическому анализу основных составляющих философии демонтажа народа С.Г. Кара-Мурзы. Показана ее археоавангардистская направленность. Кроме того, выявлена технологическая сущность феномена этнорелигиозной идентичности, рассмотренного С.Г. Кара-Мурзой, как философской практики преодоления демонтажа этнокультурной субъектности. Наряду с этим доказано, что дискредитация этнорелигиозности, рассмотренная в философии демонтажа народа, является технологией манипуляции сознанием человека, превращающей его в человека-массу. Уход от его тотального присутствия в истории к человеку-народу определяется как важнейшее философское открытие С.Г. Кара-Мурзы, как культурный взрыв в рамках непрерывности русской философской культуры. Вместе с тем в статье доказано, что антропологические характеристики русской идеи как идеи этнорелигиозного характера, предложенные С.Г. Кара-Мурзой, направлены на уход от расового универсализма западной антропологии. Отказ от внерелигиозного понимания этнокультурной идентичности в философии человека С.Г. Кара-Мурзы означал возрождение антропоэтногенеза как длящегося и сегодня духовного процесса сопротивления западному расизму.

Ключевые слова: археоавангард, идентичность, самосознание, народ, масса, религия, человек, этнорелигиозная идентичность, манипуляция сознанием, демонтаж народа, человек-масса, этнорелигиозная субъектность, универсализм, всечеловек.

Abstract. This article provides a philosophical and anthropological analysis of the main components of S.G. Kara-Murza's philosophy of dismantling the people. Its archeo-avant-garde orientation is demonstrated.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бобков А.И. Демонтаж демонтажа народа в антропологии этнорелигиозной идентичности С.Г. Кара-Мурзы // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 218—229. DOI: 10.5281/zenodo.20643468.

Furthermore, the technological essence of the phenomenon of ethnoreligious identity, as examined by S.G. Kara-Murza, is revealed as a philosophical practice for overcoming the dismantling of ethnocultural subjectivity. Furthermore, it is demonstrated that the discrediting of ethnoreligiosity, as examined in the philosophy of dismantling the people, is a technology for manipulating human consciousness, transforming it into a mass of individuals. The shift from the total presence of individuals in history to the individual as a people is defined as S.G. Kara-Murza's most important philosophical discovery, representing a cultural explosion within the continuity of Russian philosophical culture. At the same time, the article demonstrates that the anthropological characterizations of the Russian idea, as an ethnoreligious idea, proposed by S.G. Kara-Murza, are aimed at moving away from the racial universalism of Western anthropology. The rejection of a non-religious understanding of ethnocultural identity in S.G. Kara-Murza's philosophy of man signified the revival of anthropo-ethnogenesis as an ongoing spiritual process of resistance to Western racism.

Keywords: archaeoavantgarde, identity, self-awareness, people, mass, religion, human, ethnoreligious identity, manipulation of consciousness, dismantling of the people, human-mass, ethnoreligious subjectivity, universalism, panhuman.

УДК 130.1.
ББК 87.6

Мы сегодня отчетливо видим маятниковый характер осмысления этнокультурной идентичности русского человека. Нам все более становится очевидным, что нашему сознанию в очередной раз хотят доказать, что обратный ход маятника от отрицания советского периода русской истории до попыток в нем разобраться и сделать основой пересборки русской этнокультурной субъектности «возник сам собой». Без мыследействия, начавшего этот процесс задолго до очевидного его проявления. Поэтому методологически верным для боящихся определения этого процесса как результата субъективного мыследействия кажется его описание как объективного процесса и не более того.

Возвращение из состояния «потерянного разума» состоялось как объективный процесс развития социокультурной системы без этнокультурной субъектности. Так ли это на самом деле? Если вновь повторять, как мантру, отнюдь не бесспорный тезис о том, что объективность существования социокультурных систем обеспечивает это само собой, то да. Если же определить при помощи философской антропологии, что изменения в этнокультурной идентичности личности зависят от мыследействия конкретных людей, то нет.

Поворот к советскому человеку как свободному духовному творцу, как носителю соборного разума этнокультурной субъектности русского народа в эпоху Модерна произошел в силу того, что завеса понимания его как человека-массы разорвана усилиями ряда мыслителей, где имя Сергея Георгиевича Кара-Мурзы является весьма примечательным. Его глубокие аналитические выступления в эпоху перестройки и оголтелого компрадорского неолиберализма помогли автору этой статьи найти ответ на вопрос: «Что такое глубинная этнокультурная идентичность советского человека?». Преемственность между русским и советским человеком, столь тщательно разрушаемая в эпоху неолиберальной идентичности, безответственности человека перед прошлым или будущим, была проанализирована С.Г. Кара-Мурзой с позиции философской антропологии и философии науки столь глубоко, что может быть воспринята в качестве нового измерения русской философии.

Его пророческие высказывания о вещах, которых, как кажется находящемуся под воздействием манипуляции сознанием, «уже нет», было основано на понимании этнорелигиозности как способа самоактуализации этнокультурной самобытности, демонтирующей молчаливое массовое согласие на отказ от нее. Он доходчиво показал, что означает мужество быть частью великого народа и вместе с тем оставаться критически мыслящим субъектом.

Для С.Г. Кара-Мурзы, как высказался бы Ф.И. Гиренок, важным был археоавангардистский дискурс, который состоит в том «чтобы, оборачиваясь спиной к Европе, успеть заглянуть в самого себя. Не оборачиваясь, в себя не заглянешь, от своего имени не заговоришь» [2, 49].

Мировоззренческая позиция С.Г. Кара-Мурзы может быть обозначена как археоавангард. Для него человек-народ определяется как человек, для которого «прошлое не умерло. Оно говорит на языке

будущего» [2, 6]. Историческая память С.Г. Кара-Мурзой рассматривается как самоутверждение личностью постулата о том, что соединение разума, знания и чувства в первобытном сознании этнорелигиозного типа является единственным мыследействием, дающим возможность сохранить этнокультурную субъектность как цель исторического процесса.

Для него вполне очевидным выступает то, что, отрывая сознание от прошлого, в первую очередь монтируют человека-массу. Человека, которого полагают более прогрессивным существом, чем человека-массы, советского человека. Духовный регресс этого человеческого существа никто не желает видеть и тем более бороться с ним. Кроме тех, мыслящих иначе, кто выявляет его духовную деградацию путем сравнения с подлинной этнорелигиозной субъектностью как константой истории. Разве может человек-масса понять необходимость учреждающего символического насилия этнорелигиозности? Ведь в его мыслях уже дискредитированы все этнорелигиозные символы, они превращены в суррогаты. Массовое сознание отличается от этнорелигиозного сознания, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, тем, что в его рамках человеку внушают желания, заведомо противоречащие его главным ценностям и интересам [7, 43].

Для борьбы с манипуляциями сознанием, как неоднократно повторял С.Г. Кара-Мурза, необходимо понять, что прошлое как таковое не умерло, оно продолжает творить этнокультурную субъектность путем возрождения состояния вновь обретенного разума в условиях жестких манипулятивных практик, удерживающих массу вдали от самоопределения границ самобытности. Массе запрещена этнорелигиозность путем подмены ее подлинного смысла, сконструированной этноархаикой, утверждающей превосходство европейского человека как лекарства от самобытности. А между тем смысл этнорелигиозности для С.Г. Кара-Мурзы таится в том, что «самоосознание этнической общности проявляется в создании религиозного символа, олицетворяющего дух этой общности» [4, 181].

Состояние «потерянного разума» как некая дань универсализму общечеловеческого характера для С.Г. Кара-Мурзы является преодолемым, если резко повернуть сознание к состоянию его наличия в прошлом. Неслучайно его императив гласит: «Состояние человека-массы для русского человека противно исторически. Он всегда ищет пространства быть не-массой, для которой прошлое не умерло»

[6, 22]. Археовангард здесь указывает на то, что этнорелигиозный разум не потерян окончательно. Этнорелигиозное состояние самосознания уникальности советской цивилизации, где ее «неожиданное вдруг» пробуждает то, что до этого было обозначено как потеря свободы, является для С.Г. Кара-Мурзы тем взрывом, который вновь пробуждает антропологическую составляющую русской философской культуры. Это один из способов решения задачи русской философии, которая звучит как поиск «универсальности неуниверсализуемого» [11, 201].

Для решения этой задачи необходимо, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, признать тот факт, что потеря этнокультурного самосознания частью русского народа является результатом того, что восставший как меньшинство «человек-масса» увлекся конструктом нации «бриколажного» типа. Это увлечение западоцентричной части русской интеллигенции было воссоздано вновь на основе возвеличивания протестантизма и утраты доверия к этнорелигиозности русской идентичности. Марксизм, отрицаемый ею на самом деле, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, не исчез, он просто был прикрыт концептом «дух капитализма» М. Вебера. Здесь важно увидеть вслед за ним то, что «Маркс писал свои главные труды на материале Запада и для Запада. Поэтому и рассуждения на темы религии проникнуты евроцентризмом. Даже когда речь у него идет о религии вообще, неявно имеется в виду именно христианство. Маркс прилагает к нему “формационный” подход, постулируя существование некоего правильного пути развития. Протестантская Реформация выглядит необходимой “формацией” в развитии религии (подобно тому как капитализм оказывается необходимой стадией развития производительных сил и производственных отношений)» [4, 190].

Следует отметить, что евроцентричный конструкт этнорелигиозного варварства в очередной раз являлся концептуальной основой попыток демонтажа русского народа уже в его советском исполнении. Лечение от этого состояния сознания идет через осознание того, что «что-то неуловимо и жестоко калечит сознание наших соотечественников, превращая их в глупцов. Это “что-то” неуловимо и, на первый взгляд, невидимо. Обнаружить его присутствие можно по печальному результату его воздействия на людей» [8, 9].

Однако далее этот процесс находит в его философии уникальный концепт, который еще предстоит оценить как концепт, присущий новой актуализации русской философии, а именно «демонтаж народа». Это не столько политико-публицистический концепт, как думается, сколько философско-антропологический концепт, предотвращающий деструкцию этнорелигиозной идентичности. Идентичности, не позволяющей обозначить тотальное присутствие человека-массы в истории — с одной стороны, и позволяющей обозначить в противовес ему человека этнокультурной субъектности — с другой.

Однако этот тотальный демонтаж человека-народа и этнокультурной системы можно и должно остановить путем обозначения критического мышления советской эпохи как актуального этнорелигиозного самосознания русского народа в эпоху секуляризации. Такую остановку можно произвести, если признать, вслед за С.Г. Кара-Мурзой, тот факт, что следует трактовать концепт «необратимость» как начало антирусской философии безответственности. Самосознание человека и народа в его этнорелигиозном измерении четко обозначает его деструктивный характер, если признать за истину утверждение С.Г. Кара-Мурзы о том, что «сама декларация о необратимости как цели показывает глубинную безответственность — как философский принцип» [9, 196].

Основой антропологии С.Г. Кара-Мурзы является преодоление феномена «обманутого человека-массы», но не путем превращения его в обманывающего других, а в человека, преодолевающего это временное состояние возвратом к самому себе. Возвратом из состояния человека массы в состояние этнокультурного субъекта, отстаивающего стереотипы самосохранения и саморазвития так, чтобы состояние глупца перешло в состояние поиска мудрости там, где в перестроечную эпоху возник ироничный концепт «Страна дураков». Такой поворот был уже один раз сделан русским человеком через возврат к идентичности в эпоху СССР. Этот поворот, по утверждению С.Г. Кара-Мурзы, может быть сделан и еще раз, если идентичность русского народа понимать не как общечеловеческое миссионерство, а как всечеловеческий мессианизм. Неслучайно его утверждение о том, что первой ипостасью русской идеи является «человек-личность». Человек, который, «поднявшись до соборности, осознав ответственность, ограничив свободу любовью, создает народ. А значит, он не станет человеческой пылью и в то же время не слепится в

фашистскую массу индивидов, одетых в одинаковые рубашки (“одна рубашка — одно тело”)) [6, 22].

Отход от программы необратимости утраты этнокультурной идентичности, превращающей народ в массу, для С.Г. Кара-Мурзы осуществляется путем утверждения того, что советский народ и русский народ были и остаются одним и тем же этнокультурным субъектом. Советский человек был все тем же русским всечеловеком, который является основой новой пересборки русского народа в условиях тотальных глобальных вызовов, в условиях навязываемого постмодерна и конструируемой этноархаики.

Иными словами, С.Г. Кара-Мурза на самом деле занимался решением той задачи, которую А.В. Смирнов позже обозначил как поиск основания самобытного мышления русской цивилизации. По его утверждению, «для российской культуры основанием мышления, целиком не зависящим от европейского, может стать всесубъектность как идея о вселенской целостности, как утопический идеал неутрачиваемой целостности и неутрачиваемой субъектности» [11, 188].

Здесь для С.Г. Кара-Мурзы археоавангард выступает мощной философской прививкой против сконструированного этноархаического объекта. Если археоавангард ведет к самосознанию того, что нас объединяет как мыслящих личностей, то этноархаика больше стремится к тому, чтобы отделиться от объединяющих народ в этнокультурную субъектность начал. Человек без способности к интеграции становится легкой добычей этноархаической идентичности, ведущей к этнократической диктатуре. Неслучайно С.Г. Кара-Мурза утверждал: «Этнократия, чтобы укрепиться, ведет к архаизации власти и управления, возрождает клановость, влияние родоплеменных общностей (тейпов, джузов и др.). Она манипулирует с языком» [6, 106].

«Вдруг» русского самосознания С.Г. Кара-Мурзы заключается в том, чтобы уйти от внутренней дифференциации индивида в сторону обретения целостности личностью. Он, наблюдая за мыследеятельностью конструкторов этнорелигиозной идентичности, указывает на те ее результаты, где она получает этнокультурную субъектность, а где — массу «восставшего меньшинства». Восставшее меньшинство в лице русской интеллигенции у С.Г. Кара-Мурзы раскрывается в том, что оно первым лишается связи с культурным ядром народа. Причина здесь кроется в том, что евроцентричная российская

интеллигенция как «восставшее меньшинство» (оно же «восставшая масса») иным быть не может, хотя она и в меньшинстве. Как справедливо отмечал Л.Г. Ионин, «восстание меньшинств есть, по существу, восстание против морали» [3, 228].

Различие между массой и народом антропологически заключается в ориентации сознания субъекта на наличие нравственного, высокоморального этнорелигиозного субъекта. В измерении человека как человека-народа оно сориентировано на самопознание или обретение самого себя через творение этнорелигиозной субъектности как необходимого обретения полноты человеческого бытия. Неслучайно утверждение С.Г. Кара-Мурзы о том, что «нравственность возникла у человека скачкообразно, по историческим меркам моментально. В этом смысле верным является именно религиозное представление — человек был буквально сотворен. Его пребывание в состоянии человека-зверя было столь кратковременным и аномальным, что считать его особым историческим этапом нельзя. В историческом масштабе времени первобытного стада как типа общности не существовало» [4, 77].

В человеке-массе оно сориентировано на имитирующее подражание другому, уход от самобытности и самобытных идентичностей. Уход к подражанию евроцентричной колонизации. Разве не является убедительным утверждение С.Г. Кара-Мурзы о том, что евроцентризм является важнейшей характеристикой восставшей массы в рамках неевропейского традиционного общества? Желание не убирать массу: «Главное, что евроцентризм внедрялся в массовое сознание всей мощью, построенной КПСС идеологической машины, и защититься от этого воздействия советский человек, да и все общество не могли — даже для осознания этого поворота не хватило времени. Но поскольку этот процесс продолжается, то для выживания нас как народа мы обязаны организовать психологическое и духовное сопротивление» [5].

Внеэтническое конструирование этноархаики заключается в том, что евроцентризм полагается настолько бесспорной истиной, что ни о каком этноцентризме нормального характера, тем более в его этнорелигиозном измерении, речи не идет. Евроцентризм есть «священная завеса» для возможности его обнаружения. Неслучайно указание С.Г. Кара-Мурзы звучит так: «Евроцентризм не сводится к

какой-либо из разновидностей *этноцентризма*, от которого не свободен ни один народ (тем более в условиях кризиса). Это идеология, претендующая на универсализм и утверждающая, что *все* народы и *все* культуры проходят один и тот же путь и отличаются друг от друга лишь стадией развития. Евроцентризм, получивший мощную идеологическую поддержку от науки (в виде дарвинизма), широко распространился в XIX веке. Но основные его положения остались неизменными и сегодня. Когда общество находится на распутье и определяет путь своего развития, политики, проникнутые идеологией евроцентризма, утверждают, что ответ на этот вопрос есть, его открыла Европа. Их лозунг: “Следуй за Западом — это лучший из миров”» [5].

Причину того, что восставшее меньшинство не хочет воссоздать этнорелигиозную субъектность следует вслед за С.Г. Кара-Мурзой усматривать в том, что оно играет роль внутреннего колонизатора по отношению к диким племенам, пытающимся сохранить себя через этнорелигиозный опыт построения этнокультурной идентичности. Для восставшего меньшинства оно, как народ, «представляющий Запад, является по определению прогрессивным, даже если он выступает как угнетатель. Народ-“варвар”, который борется против угнетения со стороны прогрессивного народа, является для классиков марксизма врагом и подлежит усмирению вплоть до уничтожения» [4, 120].

Рассматривая этничность и религию, С.Г. Кара-Мурза акцентирует внимание на том, что феномен этнорелигиозной идентичности возникает как ответ на манипуляции с идентичностью. Конечно, здесь речь идет об этнорелигиозности — как идеальном типе полноты человеческого бытия. Полноты, не предусматривающей манипуляции вообще. В этом идеале человек как творец этнорелигиозной субъектности освобождается от десубъективации бытия цивилизацией Запада, цивилизацией обмана, манипулятивного обмана. В ней сознание человека, свободного от этнорелигиозной субъектности, погружают целенаправленно в предсказуемые иллюзии, добиваясь от него действий в интересах социальной мегамашины.

Узрев состояние социальной мегамашины как результат демонтажа этнокультурной субъектности, С.Г. Кара-Мурза пытается через конструктивизм воссоздать этнорелигиозную субъектность как возможность торжества традиции над рационализмом. Этнорелиги-

озность является тем моментом, который может снять состояние сознания, где «орудие решительно заслоняет неорудийное бытие. Этот эффект и есть эпистемологический шум, создаваемый технической, или орудийной, цивилизацией» [1, 579].

В данном случае этнорелигиозность предполагает, что человек в этнорелигиозной идентичности наконец осознает то, что в логикосмысловом исполнении он не может быть культурным субъектом, если не поймет созидательного потенциала религиозного опыта. Трудно упрекнуть С.Г. Кара-Мурзу в том, что он не знал, какие стигматы в отношении этнорелигиозной идентичности, какой философской глубины должен был достичь человек, утверждающий, что «русский человек “создан православием”, как араб-мусульманин “создан” исламом» [4, 191].

В этом отношении всечеловеческое как этнорелигиозность русского народа таится в том, что здесь человек осознает себя способным к тому, чтобы сохранить многообразие этнокультурного развития через соборность как состояние, где царит русская идея. Ее этнорелигиозный смысл таится в том, что она является нам как «идея сохранения каждого — каждого субъекта, когда нельзя пожертвовать никем» [10, 158].

Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что философия останковки прогресса и предотвращения демонтажа народа путем декларации тотального могущества человека-массы С.Г. Кара-Мурзы позволяет утверждать его в качестве творца русской идеи нынешнего времени. Более того, в его философской антропологии содержится технология обеспечения принятия ее этнорелигиозной сущности как основы для актуализации этнокультурного мышления. Неприемлемость этнорелигиозного смысла русской идеи показана им столь глубоко, что позволяет говорить о необходимости включения этнорелигиозной антропологии в раздел философской антропологии и религиоведения. Кроме того, пересмотр многих практик демонтажа этнокультурной субъектности, осуществленный им с позиции скрупулезного научно-философского анализа, делает его одним из ярчайших представителей сообщества, утверждающего отсутствие разрывов в истории русской мысли, как и в истории России. Лекарство от внутренней русофобии как манипуляционного недуга не может быть сегодня создано, если не будет учтен вклад в его создание русского философа Сергея Георгиевича Кара-Мурзы.

Литература

1. *Визгин В.П.* На пути к другому: От школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 800 с.
2. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Академический проект, 2008. 235 с.
3. *Ионин Л.Г.* Восстание меньшинств. М.; СПб.: Университетская книга, 2012. 237 с.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007. 704 с.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Евроцентризм — эдипов комплекс интеллигенции: URL: https://royallib.com/read/karamurza_serгей/evrotsentrizm_edipov_kompleks_intelligentsii.html#modal (дата обращения: 23.04.2026).
6. *Кара-Мурза С.Г.* Кто такие русские. М.: Алгоритм, 2012. 240 с.
7. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
8. *Кара-Мурза С.Г., Смирнов С.В.* Манипуляция сознанием — 2. М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. 528 с.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Потерянный разум. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 736 с.
10. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs Общечеловеческое. М.: ООО «Садра»; Издательский дом ЯСК, 2019. 216 с.
11. *Смирнов А.В.* Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 188—210.

References

1. *Vizgin V.P.* Na puti k drugomu: Ot shkoly podozreniya k filosofii doveriya. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 800 s.
2. *Girenok F.I.* Udovol'stvie myslit' inache. M.: Akademicheskij proekt, 2008. 235 s.
3. *Ionin L.G.* Vosstanie men'shinstv. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2012. 237 s.
4. *Kara-Murza S.G.* Demontazh naroda. M.: Algoritm, 2007. 704 s.
5. *Kara-Murza S.G.* Evrocentrizm — edipov kompleks intelligencii:

URL:https://royallib.com/read/karamurza_sergey/evrotsentrizm_edipov_kompleks_intelligentsii.html#modal (data obrashcheniya: 23.04.2026).

6. Kara-Murza S.G. Kto takie russkie. M.: Algoritm, 2012. 240 s.

7. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. M.: Eksmo, 2005. 832 s.

8. Kara-Murza S.G., Smirnov S.V. Manipulyaciya soznaniem — 2. M.: Eksmo; Algoritm, 2009. 528 s.

9. Kara-Murza S.G. Poteryannyj razum. M.: Eksmo; Algoritm, 2005. 736 s.

10. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs Obshchechelovecheskoe. M.: ООО «Sadra»; Izdatel'skij dom YASK, 2019. 216 s.

11. Smirnov A.V. Tekushchie zadachi russkoj filosofii // Problemy civilizacionnogo razvitiya. 2021. T. 3. № 1. S. 188—210.

Н.Н. РОСТОВА

К вопросу о «Зеленой полосе» и феноменологии восприятия*

Аннотация. Статья посвящена творчеству О.В. Розановой. Автор различает Розанову как художницу, впитавшую в себя авангардный дух времени, и Розанову как эффект искусствоведов, создавших мистификацию вокруг ее имени. Автор показывает значение художницы для русской культуры и деконструирует научные интриги, в результате которых авторству Розановой приписывают цветопись, а ее полотну «Зеленая полоса» — масштаб «Черного квадрата» Малевича. Автор показывает, что проводить параллели следует между Крученых и Малевичем, которые разрабатывали теорию слова и связывали поэтическую и художественную заумь. В теории цвета следует обратиться к автору концепта цветописа — Малевичу, а также к ведущему теоретику цвета Матюшину, которые повлияли на Розанову. Искусственно возвышая Розанову, одновременно в культурном

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ростова Н.Н. К вопросу о «Зеленой полосе» и феноменологии восприятия // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 229—245. DOI: 10.5281/zenodo.20643431.

пространстве принято столь же искусственно занижать ее роль в искусстве, называя ее предшественницей Ротко и Ньюмана. Автор показывает, что Матюшин и находящаяся в поле его притяжения Розанова не «предшественники» американских художников, не те, чье творчество обретает смысл в свете чужих достижений, но те, кто задал оптику XX в.

Ключевые слова: философия искусства, русская культура, сознание, заумь, супрематизм, образ, символ, К. Малевич, М. Матюшин, А. Крученых.

Abstract. This article is devoted to the work of O.V. Rozanova. The author distinguishes between Rozanova as an artist who embraced the avant-garde spirit of the times, and Rozanova as a product of art historians who mystified her. The author demonstrates the artist's significance for Russian culture and deconstructs the scholarly intrigues that have led to Rozanova being credited with color painting, and her painting «Green Stripe» being credited with the scale of Malevich's «Black Square». The author demonstrates that parallels should be drawn between Kruchenykh and Malevich, who developed a theory of the word and linked poetic and artistic abstruseness. In color theory, one should turn to Malevich, the author of the concept of color painting, as well as to the leading color theorist Matyushin, who influenced Rozanova. While Rozanova is artificially elevated, it's common in the cultural sphere to just as artificially downplay her role in art, calling her a predecessor to Rothko and Newman. The author demonstrates that Matyushin and Rozanova, who were within his purview, are not «predecessors» of American artists, not those whose work gains meaning in light of the achievements of others, but those who defined the 20th century.

Keywords: philosophy of art, Russian culture, consciousness, zaum, Suprematism, image, symbol, K. Malevich, M. Matyushin, A. Kruchenykh.

УДК 101; 7.03
ББК 87.5

В этом году исполняется 140 лет со дня рождения русской художницы Ольги Владимировны Розановой. С легкой подачи Б. Лив-

шица ее причисляют к «амазонкам русского авангарда», к тем скифским наездницам, что не отсекали себе правую грудь разве что из эстетических соображений. Наверное, это справедливо. 18-летнюю девушку, после смерти отца оставившую свой дом в провинции, отправившуюся в Москву, а затем в Петербург с желанием учиться живописи, вошедшую в орбиту ключевых носителей сознания в искусстве и философии своего времени, безусловно, можно наградить эпитетами отважности и независимости.

Ольга Розанова родилась во Владимирской губернии в 1886 г., в 1896 г. переехала во Владимир для обучения в гимназии, в 1904 г. покинула дом, начав свой одинокий путь художника. Она учится в частных школах сначала Москвы — школа А.П. Большакова и школа Ф. Юона, затем недолго в Петербурге в школе Е. Званцевой. Неудачно пыталась поступить в Строгановское училище. В Петербурге в 1911 г. входит в объединение «Союз молодежи», основанное Матюшиным и Гуро, в 1916 г. в Москве примыкает к обществу «Супремус» Малевича, состоит секретарем редакции одноименного журнала. В 1918 г. в возрасте 32 лет умерла от дифтерита.

Амбициозность и творческая решительность Розановой выражены в экспериментах с современными направлениями в живописи и поэзии, в попытке теоретических обоснований искусства. Розанова пишет картины и, близко общаясь с А. Крученых, стихи в стиле зауми, выступает как график, публикует манифест для «Союза молодежи» и несколько теоретических статей, активно участвует в выставках.

Соперничество

После известной выставки «0,10» 1915 г., в которой Розанова приняла участие, у нее закрадывается обида на своих сподвижников. Малевич назвал выставку «последней футуристической», желая объявить конец кубофутуризма и начало супрематизма, и предъявил публике 39 полотен новой живописи с трактатом-манифестом «От кубизма к супрематизму» (написан летом 1915 г.). В частном письме Розановой, адресованном Крученых, мы читаем: «Весь супрематизм — это целиком мои наклейки: сочетание плоскостей, линий, дисков (особенно дисков) и абсолютно без присоединения реальных предметов. И после всего этого вся эта сволочь скрывает мое имя. Вот точная копия Оксаниной картины. (Далее следует рисунок).

Кольцо, клин и неполный клин на белом фоне??? Показывал ли ты Малевичу мои наклейки и когда именно? К сожалению, я дала только супрематические рельефы, а живописи не дала (в чистом виде), но моя предметная живопись супрематичнее пунийской бесконечно» [1, 229]. В письме речь идет об Иване Пуни, Ксении Богуславской и Казимире Малевиче.

Что такое супрематизм, согласно Малевичу? Малевич создает концепт. Если кубофутуризм играет с предметностью, разрушает ее, желая явить динамизм и хаос (предметный), то супрематизм выходит к чистой живописи, ее абсолютному превосходству, «supremus» (от лат. — наивысший, первейший; или, как говорит сам Малевич, супрематизм — значит господство). Не предмет порождает живопись как свой отблеск, но живописные массы ищут непредуготовленные формы самостийного выражения. «Кубофутуристы, — восклицает Малевич, — собрали все вещи на площадь, разбили их, но не сожгли. Очень жаль!» [5, т. 1, 29]. Супрематизм живописи исходит из беспредметности, чистого творческого ничто, нуля форм (что закреплено и в самом названии выставки «0,10»). «Творчество лишь там, где в картинах является форма, не берущая ничего, созданного уже в природе, но которая вытекает из живописных масс, не повторяя и не изменяя первоначальных форм предметов натуры», — заключает в своем трактате Малевич [5, т. 1, 29]. Супрематизм как новый реализм в живописи — это «выход живописных масс из вещи к самосвойным, не обозначающим ничего формам, т. е. к господству чисто самоцельных живописных форм над разумными» [5, т. 1, 31]. Протестуя против идеи искусства, которое, как навьюченный верблюд, тащит посторонний своей сути хлам внеположенных целей, выступая против насилия форм над живописными массами, всех этих «давидов» в духе Микеланджело, Малевич являет сверкающую беспредметность. Рождение нового живописного космоса Малевича было предварено его работой над оперой «Победа над солнцем» 1913 г. Сам Малевич связывал эскизы к ее оформлению с моментом возникновения образа «Черного квадрата». Известно, что Малевич перед выставкой скрывал созданную им вселенную образов, поверяя свои творческие тайны лишь соратнику Матюшину. Когда накануне И. Пуни неожиданно явился в мастерскую и увидел картины Малевича, тот с горечью заключил: «Попался как кур во щи» [6, 69]. Ему пришлось упра-

шивать Матюшина срочно выпустить к выставке брошюру с содержанием концепта супрематизма. Так же скрытно вел себя соперничающий с ним Татлин: боясь, что Малевич может увидеть его работы, он даже днем держал окна занавешенными.

Пуни и Богуславская на выставке «0,10» раздают листовки с тезисами о разрыве предмета и смысла. То, что по ту сторону смысла, и есть основа искусства («2х2 все, что угодно, но не четыре»; «Свобода предмета от смысла, уничтожение утилитарности»; «Предмет (мир), освобожденный от смысла, распадается на реальные элементы — фундамент искусства»; и проч.) [8]. Иными словами, они порывают не с предметом, а со смыслом. Идеи алогизма развивали и Малевич с А. Моргуновым. Например, картина Малевича 1913 г. «Корова и скрипка», как он сам отмечает, есть не что иное как бунт против логики общества и его мироотношения.

Розанова на выставке «0,10» представляет ряд полотен в духе кубофутуризма, с которым прощается Малевич, — нагруженные предметностью композиции, диссонансы построений вещей и их положений («Шкаф с посудой (Буфет с посудой)», 1915; «Рабочая шкапулка», 1915; «Письменный стол», 1915; и др.). Признавая их предметный характер, тем не менее она полагает их супрематическими. В полной же мере супрематизмом она объявляет представленные ею «рельефы» — композиции на плоскости из различных материалов («Автомобиль», 1915; «Велосипедист», 1915). Но и в рельефах Розанова делает то же, что и в своих полотнах, — ищет грани предметного мира, о чем прямо говорят сами названия экспонатов. Сама идея беспредметных контррельефов, навеянная знакомством с Пикассо, принадлежит Татлину¹. Он выставлял их как ранее на выставке «Трамвай В», так и теперь на выставке «0,10» («Угловой контррельеф (с тросами)», 1914). Как пишет В. Степанова в своем дневнике, перед выставкой все гадали, что открыл Малевич, художники интриговали друг против друга, «...Розанова во всех этих перипетиях попала в середину — и не к Малевичу, и не к Татлину — правда, и она

¹Татлин посетил мастерскую Пикассо в Париже весной 1914 г. Клюн отмечает, что до знакомства с творчеством Пикассо Татлин был византинистом в живописи. С этим охотно соглашаешься, имея в виду удивительные эскизы декораций Татлина к опере М. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), созданные в 1913 г.

пережила, как сама говорила, отвратительное состояние, когда стала чувствовать, что Малевич что-то открыл; но она скоро почувствовала, в чем дело, и написала наспех к выставке несколько супрематических работ» [10].

Философия беспредметности и нежность к предметам

В манифесте «Союза молодежи» 1913 г. Розанова дала лишь общую установку «технического», «боевого художественного Credo» нового искусства. Его суть — освобождение и обновление. Искусство должно быть свободно от «цепей повседневности: политики, литературы и кошмара психологических эффектов» и от всякого рода устоев. «В непрерывном обновлении Будущее Искусства!» — восклицает автор [1, 186]. Эти тезисы она повторит в статье того же года «Основы нового творчества и причины его непонимания». Здесь же воспроизведет свою предметную и даже материалистическую установку в живописи: «Искусство Живописи, — скажет она, — есть разложение готовых образов природы на заключенные в них отличительные свойства мировой материи и созидание образов иных путем взаимоотношения этих свойств, установленного личным отношением Творящего» [1, 189]. Проблема этого тезиса состоит в том, что природа не дает образы. Образ — не сочетание материальных свойств, а продукт субъективности. Природа не творит образы, она творит саму себя, человек же учреждает свою реальность как сферу образов, сообразовывая в конечном счете физику с метафизикой. Вот этот тревожный разрыв между человеком и миром чувствует и сама Розанова, когда пытается сочетать два исключаящих друг друга тезиса — о том, что в искусстве человек отражает мир, и одновременно, что в искусстве человек отражает себя. Творчество, говорит она, начинается с «желания проникнуть в Мир и, отражая его, отразить себя» [1, 189]. Человек «претворяет видимый Мир в своем к нему отношении» [1, 189]. Он, заявляет Розанова, не раб природы, он должен быть активен, «из свойств Мира, ему раскрытого, он воздвигнет Новый Мир — Мир Картины и, отрекшись от повторений видимого, он неизбежно создаст иные образы» [1, 190]. Но отражение мира — не то же, что отражение себя, а отражение себя — не то же, что отражение отношения к миру. Сама идея зеркала, двойная говорит о головокружительном несовпадении человека с миром,

ибо ни одно существо не живет в призрачном пространстве отражений. Розанова человеческий дар видения сводит к восприятию глазами, художество — к своеобразной переработке наличных качеств, невидимое — к форме видимого. Веря в безусловный прогресс, превосходство современного художника она видит в том, что тот обладает усложненной психикой: «то, что художник видит, + то, что он знает, + то, что он помнит, и т. д., и результат этого сознания при нанесении на холст он еще подвергает конструктивной переработке» [1, 191].

Иными словами, ни практически, ни концептуально Розанова не обнулила предметность, но, напротив, заставила возвращаться человека вокруг материального мира. Начиная с 1916 г. Розанова, работая с Малевичем, создаст ряд супрематических полотен и напишет в 1917 г. для журнала «Супремус» статью «Кубизм. Футуризм. Супрематизм» в духе Малевича, в том числе его статью «Цветопись», написанную им в том же году и для того же журнала. Малевич развивает идею двух подходов к искусству — один подход исходит из предмета, принципа копирования действительности, а цвету отводит функцию обнаружения вещи; второй подход, напротив, основывается на идее «самособойности» цвета и новой постройки «цветописных форм». «Выйдя на чистый путь творчества как цветописцы, мы отстраняем от чела цветописного творчества всю житейскую сутолоку жизни», — провозгласит Малевич [5, т. 5, 66]. Понятие цветописи — это развитие и уточнение концепта супрематизма. Цветопись — это «обращение с цветом как индивидуальной единицей», тот голый материал, который определяет и творит собою форму [5, т. 5, 67]. Супрематизм, скажет чуть позже Малевич, — это «первенство цвета» [5, т. 5, 111]. Я, говорит Малевич, вынул цвет из тела и бросил его в новые системы. Цвет торжествует как единица. «Я открыл новый цветовой мир, назвал его Супрематическим... Земля должна праздновать творческий праздник цветов... Я объявляю живую супрематическую (беспредметную) федерацию цветов» [5, т. 5, 110—111]. Цвета — это семафоры, освещающие новые мировые пути. В новой статье Розанова уже будет исходить из идеи «нематериальной сущности цвета» и его доминанты в живописи. Тогда же входивший в Супремус И. Клюн заговорит о «цветоживописи», ко-

торая победила старое искусство, подчиненное натуре. «Новое Искусство Цвета», скажет Клюн, подчинено только закону цвета [2, 353].

Философия живописи Малевича создает новый миф, новую цивилизационную оптику. Розанову волнуют не основания мира, а прогресс в живописи как важной части культуры и место художественной индивидуальности в ней. Ее занимает идея «преображенного» колорита, как она несколько раз обмолвится в поздних письмах, а не преобращенного мира. Ей важна всеобщая эстетическая потребность в искусстве, а не преодоление эстетики в мистерии. Розанова — художник своего времени. Малевич — тот, кто создает время. Невозможно изъять фигуру Малевича из эпохи без того, чтобы она не обнаружила невосполнимого зияния. В 1916 г. в статье на выставку «0,10» Матюшин напишет о сдвиге в искусстве, озаглавленном Малевичем и Татлиным, но, прежде всего, Малевичем. «Малевич, — скажет он, — большая аккумуляторная сила, заряжающая себя и других на “Новое”. Сильным гальваническим током его был оживлен Клюн...» [7, 17]. Правда, самому Ключу мерещилось, что его творчески обокрали Малевич и Кандинский, он даже решил держать язык за зубами, скрывая свои идеи. Матюшин, коротко перечисляя других художников, скажет и о Розановой: «Розанова в живописи — повторение пройденного с прекрасной техникой; в скульптуре — беззаботный подскок к пространству на удачу, с веселыми вещами для младшего возраста Марсиан» [7, 17]. Розановой это показалось грязной критикой, она даже просила Крученых в списке посвящений своей книги не ставить ее имя в ряд с Матюшиным.

Искусствовед А. Эфрос и вовсе будет говорить о «мышьиной натуре» Розановой, для коей беспредметность чужда и возможна лишь как контрабанда. Розанова, скажет он, в плену у передовиков, душа же ее заключена в земном тяготении и нежности к предметам. Отвлекаясь от своего интимно-предметного видения мира, Розанова поспешила догнать своих друзей. «Но какая она была “беспредметница”? — вопрошает Эфрос. — Она очень старалась ничего не изображать и удовольствоваться отвлеченной схемой кругов и угольников, прямых, пересеченных, монохромных и цветных. Все ее последнее полотно добросовестно упражнялись в этих вариациях и сочетаниях. Однако они не давались ей. Она оставалась явно неспособной к подобной живописной планиметрии. Суетливая нагроможденность

ее композиционных решений, цветистая пестрота ее красочных схем откровенно свидетельствовали, что мышь тоскует по своему буфетному хозяйству и что ей холодно на отвлеченных высотах “беспредметничества”. Помню, после одной из выставок я ставил вопрос: не слишком ли подозрительна эта тряпичная нагруженность розановских полотен? Не контрабанда ли это? Уж не проникает ли под ее прикрытием сюда то прежнее, розановское, буфетное царство, лишь несколько заgrimированное и подцвеченное под новый, обязательный, беспредметный лад? Надо только высказать эту догадку, чтобы понять особенности розановских беспредметных композиций. Иначе отчего они так неплоскостны? Отчего напоминают они планы каких-то построек...» [11, 5—6]. Супрематические экзерсизы Розановой и вправду находятся в собеседовании с плотностью предметного мира, его объемностью, осязаемостью, если не сказать более — устремлены выразить взаимное напозание его элементов.

Если в поэзии Розанова находится в горизонте Крученых, то в живописи — в горизонте Малевича, Кандинского и Матюшина, трансформированных околопредметной логикой. Ее полотна отражают путь Малевича к чистому творческому ничто и цветописи, поиск Кандинского алфавита мира и его гармоничных конфигураций, выход Матюшина к энергийному сочетанию цветов. Обычно Розанову возводят к предшественникам Ротко и Ньюмана, имея в виду ее несколько поздних полотен, построенных по принципу колор-блока (эти картины 1917 г. названы специалистами «Цветопись»). Но Розанова находится в поле притяжения Матюшина, создавшего ключевую для XX в. теорию цвета и практический путеводитель к ней. Наречь кого-либо «предшественниками» — сомнительное признание. Матюшин и Розанова ценны не потому, что десятилетия спустя появятся американские художники, а потому что задали оптику современной эпохи.

Крученых и Малевич

Наклейки, на которые ссылается Розанова в письме Крученых, представляют собой коллажи с использованием цветной бумаги (1915—1916 гг.). Видимо, они предназначались для оформления книги Крученых, впоследствии в сотрудничестве с Розановой Крученых создаст подобные коллажи для своей книги «Вселенская война. Ъ» (1916). Желая поддержать Розанову в ее авторстве, но в конечном

счете приписывая его себе, Крученых в предисловии к книге заявит: «Эти наклейки рождены тем же, что и заумный язык — освобождением твори от ненужных удобств (ярая беспредметность). Заумная живопись становится преобладающей. Раньше О. Розанова дала образцы ее, теперь разрабатывают еще несколько художников, в том числе К. Малевич, Пуни и др., дав мало говорящее название — супрематизма. Но меня радует победа живописи как таковой, в пике прошлецам и газетщине итальянцев. Заумный язык (первым представителем коего являюсь я) подает руку заумной живописи» [3]. До этого Крученых свою книгу 1913 г. «Возропщем» открыл посвящением: «Первой художнице Петрограда О. Розановой». Несмотря на этот дружеский жест, беспредметность как принцип нового искусства инспирирована Малевичем.

Развивая философию слова, Малевич видит прямое соответствие между цветоформами, выражающими живописные массы, и «нота-буквами», выражающими звуковые массы, — и то, и другое отрывает от земли, распахиывая мировое пространство. «Земля, — говорит Малевич, — брошена, как дом, изъеденный шашлями... меня переносит в бездонную пустыню, где ощущаешь творческие пункты вселенной кругом себя» [6, 89]. В письмах Матюшину 1916 г. Малевич развивает «мысли о слове», «о композиции словесных масс» [6, 88], выделяя три пути буквы. В первом случае буквы складываются в слова ради обслуживания мысли. Достоевский мыслью об «идиотах», скажет Малевич, разматал миллиард букв, десятки тысяч страниц, «все кишки измотал» [6, 92]. Это путь старой литературы. Во втором случае буква борется с мыслью, переходя в звук. Это путь новой поэзии, путь Крученых. Но Крученых остается в плену слов, пусть и заумных. Он освобождает букву, но «во что» остается для него «темным» [6, 88], неясным. «Задача поэзии буквы, — говорит Малевич, — выйти из этих двух полюсов к самой себе» [6, 88]. Группы букв должны стать не собирателями слов, а собирателями звуковых масс. Это уже не поэзия и не музыка. Нота-буква отрывает от наличного. «Мы приходим, — пишет Малевич, — к третьему положению, т. е. распределению буквенных звуковых масс в пространстве, подобно живописному Супрематизму. Эти массы повиснут в пространстве и дадут возможность нашему сознанию проникать все дальше и дальше от земли» [7, 89]. Само расположение букв Малевич видит свободным от последовательной горизонтальной логики слов,

складывающихся в строки. Буквенные группы вольны располагаться в разных направлениях.

В своем предисловии к «Вселенской войне» Крученых обвиняет Малевича в малопонятности слова «супрематизм», но сам малопонятно определяет путь нового искусства как «освобождение творца от ненужных удобств». Размытое понимание того, *от чего* освобождается буква, покрыто темным облаком того, *ради чего* она освобождается. В «Декларации слова как такового» Крученых держится «переживания вдохновенного», за которым не поспевают обычные слова, новые же, свободные слова позволяют «выразиться полнее» [4, 287]. Здесь буквы все еще привязаны к словам, а слова — к содержанию. В стихах «Вселенская война» мы переживаем войну в экспрессивной форме, здесь «опьянение отвратительной водкой», «дыра радостей взошла», здесь художественные наклейки выражают сюжеты, которые сам Крученых описывает так: «“Военное государство” — т. е. Германия — изображена (довольно условно) медная корона-каска и тень от нее, как черная пантера... “Германия в задоре” и “Германия во прахе” — изображен в примитиве прямолинейный воин с головой, как деревянная болванка. Сперва он вызывающе плясал, затем упал ниц и сверху придавлен шрапнельным снарядом» [1, 239]. Крученых не избавился еще от «шашелей» — личинок мыслей и предметов, подтачивающих стихию буквы. Малевич видел в Крученых соратника, того, кто идет близким ему путем. Теорией нота-букв, поведенной Матюшину, он равно делился в письмах того же 1916 г. и с самим Крученых. О Крученых он говорил: он «оставался во мне камнем, неизменным, любящим нового Бога» [6, 97].

Находясь в силе притяжения бьющих источников культуры, Розанова в какой-то момент растеряется, признаваясь в письме Крученых 1916 г.: «Моя поэзия завела меня так далеко, что я начинаю опасаться за свою живопись... А что если я вдруг с живописи перейду на поэзию?» [1, 239]. Вот, к примеру, ее стихи 1917 г.:

аф-аррест
ард-аг-гест
дар-хим
Ламанес
Шал-ом-езд
Мим.

Крученых, поддерживая ее и в поэзии, правил ее сочинения, придумал ей псевдоним Р. Васильев. Покровительствуя, он послал критику А. Шемшурину ее стихи, не раскрывая авторства и предупреждая, что готовит к выходу в свет нового поэта. «Новый поэт мой крепнет, хорошо кушает, скоро оперится и полетит... Может быть, вы сообщите свое мнение о новом поэте отдельно. Мне очень важно, потому что он еще не печатался и я хочу выпустить его в свет», — писал Крученых Шемшурину [1, 240]. Отношения Крученых и Розановой контурно напоминают союз Матюшина и Гуро, если иметь в виду творческий тандем, его эротическую основу, запечатленную в самих стихах Крученых (см. «Возропщем»), и безвременную кончину Розановой.

Феноменология восприятия

Но сказанное вовсе не значит, что Розанова — человек рессентимента. Ревность и соперничество были характерными чертами беспокойного в ожидании новизны времени. Как говорил Матюшин, «Кто скорее скажет новое, тот и король!», жди, как бы «пару добрых друзей» не свистнули твою новость прямо у тебя из-под носа [7, 17]. Розанова свободно творила, ни в чем не ограничивая свой энтузиазм и неумолимо раскрывая все свои способности, она чувствовала свою творческую самодостаточность, встраиваясь в художественные искания времени. Чувствуем ее и мы, глядя на ее известный цикл «карты», играющие колоритом пейзажи, портреты и композиции. Про свое сотрудничество с Малевичем она с поистине творческим воодушевлением скажет: «новорожденное общество “Супремус” для меня стремительная радость!» [1, 254]. Дело не в переживаниях художницы, о которых нам кратко становится известно из частных писем, а в культурной мистификации, возникшей вокруг имени Розановой и ее позднего полотна «Зеленая полоса» (1917—1918). Розанову вдруг сравнили с Малевичем, «Зеленую полосу» поставили в ряд с «Черным квадратом».

Поскольку наследие художницы во многом утрачено, сведения о нем приблизительны, создалась почва для широкого поля самых невероятных предположений — к примеру, о том, что изначально «Зеленая полоса» была не прямоугольным, а квадратным полотном, о том, что якобы был триптих полос, что Розанова изобрела цветопись и проч. Фактически же до нас дошло полотно с зеленой полосой.

«Зеленая полоса», «Зеленая полоска», «Цветовая композиция», «Распыленный свет» — это инвентаризационные названия картины, в итоге специалисты присвоили картине двойное название «Зеленая полоса. Распыленный свет». Также в частной коллекции находится второй вариант «Зеленой полосы», написанный в более теплых тонах, — специалисты спорят, то ли это копия, то ли «желтая полоса» из воображаемого триптиха, то ли вовсе подделка [9]. Ряду поздних полотен, видимо, под влиянием работ Малевича, заметок Степановой о творчестве Розановой также специалистами присвоены названия «Цветопись», «Цветная композиция», «Распыление света».

О том, что Розанова в последний период своего творчества писала «кометы, радуги и спектры», мы можем судить по репортажу с ее посмертной выставки и по описанию несохранившегося экспоната Ростовского музея, который, как указано, представлял собой серо-коричневую полосу, идущую по диагонали полотна, в документах также фигурирует его условное название «Хвост кометы». Обозреватель пишет о посмертной выставке: «Здесь она “распыляет и формы, и цвет”. Вместо кубов, удлинённых цветных плоскостей появляется нечто вроде комет, радуг, спектров и т. д. — и далее справедливо замечает: — Характерно, что в этом направлении к “распылению” идут теперь и другие художники “беспредметники”» [9, 1]. Иными словами, речь идет о духе времени. К примеру, кометы, лучи мы встречаем и в творчестве Матюшина этого периода («Композиция на смерть Гуро», 1918; «Цвето-музыкальная конструкция», 1918; и др.) и, конечно, прежде в композициях лучизма Ларионова и его сподвижников. Тут же мы наблюдаем попытки Родченко разъединить цвет и форму и вместе с тем распылить цвет («Композиция 35 (55). Отрыв цвета от формы», 1918), а позже — его линиизм. Клюн мыслит как нововведение свою попытку распылить формы супрематизма светом («Беспредметное по принципу цвет-свет», 1921). В этом он видит отличие беспредметности от супрематизма. При этом сам Малевич прежде специально оговорил отличие супрематизма от беспредметности. Если у супрематизма «одна определенная основа, ненарушимая ось», на которой строятся плоскости и которой подчиняет себя художник в своем творчестве, то беспредметность — это власть «я хочу», здесь «каждый автор может по-своему строить, здесь формы могут быть расплывчатые, объемные, туманные пятна...»

[5, т. 1, 120]. Если брать во внимание названные утраченные произведения Розановой, их уместно было бы сравнить с программным полотном Матюшина «Движение в пространстве», за которым стоит концепция расширенного зрения².

Что мы видим, когда смотрим на «Зеленую полосу»? Зеленую полосу. А что мы видим, когда смотрим на «Черный квадрат»? Черный квадрат. Изображение не играет с нами в игры. Оно есть то, что оно есть. Но изображение — не то же, что образ. Изображение становится образом тогда, когда запечатывает в себе символический план. «Макароны» палеолита заключают в себе для древнего человека весь космос, как заключает в себе все тайны мироздания крест для христианина. Символический план создается и удерживается общим сознанием. Художник авангарда, не имея роскоши доступа к коллективным представлениям, оформляет символический слой концептуально. «Черный квадрат» становится символом в горизонте философии Казимира Малевича. «Композиция VII» исполняется дословного смысла в окружении слов Василия Кандинского. «Зеленая полоса» лишена расширяющего духа философии.

«Зеленой полосе» приписывают то неназванные, то знакомые нам смыслы, к примеру, видят в ней Фаворский свет. Но не может быть Фаворского света без чуда Фавора, не может быть божественного без Бога, откровения без предполагающей его онтологии или, что то же самое, образа без символического горизонта. Сама Ольга

² О конъюнктурной сути желания приписать Розановой открытия Малевича прямо говорит А. Шатских, обращая внимание на то, что американский профессор, написавший о Розановой монографию, развивая гендерный дискурс, пытается оперировать несуществующими аргументами. Приписывая Розановой открытие цветописи при отсутствии подобных свидетельств у самой Розановой, профессору приходится заявить, что неологизм принадлежит Хлебникову. Однако в словарях, включающих тысячи слов Хлебникова, ведущие специалисты по его творчеству не зафиксировали слово «цветопись». При этом неологизм «цветопись» открыто и многократно фигурирует в статьях и заголовках работ Малевича, так что не приходится сомневаться в его авторстве. А. Шатских подобные научные интриги называет «некорректным манипулированием историческими реалиями» [5, т. 5, 20]. Резюмируя, здесь стоит отметить, что дело не собственно в авторстве неологизма, а в том, что сам концепт создан Малевичем, а также в том, что сегодня в широком искусствоведческом пространстве за именем Розановой закреплено открытие цветописи, а «Зеленой полосе» приписан масштаб «Черного квадрата».

Розанова в отличие от туманности восприятия ее творчества ясна себе в своей деятельности — она занята колористическими изысканиями в рамках супрематизма, о чем недвусмысленно говорит в поздних письмах. Пишу, говорит она в одном из них, картину супрематическую, «я нашла для себя в ней новый путь к колористическим изысканиям, если он с “преображенным” путем не разошелся, то, значит, он возможен и в супрематической живописи» [1, 256].

Авангард вне философии обладает своей антропологической ценностью. Цвет сам по себе, фигуры сами по себе воздействуют на нас, затрагивая наше человеческое нутро. Черный крест или черный квадрат, цветовые массивы в духе Ротко или зеленая вертикаль в духе Розановой, даже механистичный по своей природе «Гладкий цвет» Родченко (1921) обращены к феноменологии нашего восприятия, к той метафизической азбуке, которой мы читаем мир и которую искал Кандинский. Первичные образы, которыми конституируется наш мир, сродни слову «мама» для ребенка, ибо для ребенка «мама» — это не мама, но весь мир. В этом слове заключена вся полнота бытия, дифференцирующаяся и усложняющаяся со временем. Чистый цвет и чистая форма на полотнах художников нас поражают именно этой первозданной интенсивностью и полнотой данности нашей реальности. Мы обретаем опыт изначального взгляда на мир, мы оказываемся в девственном начале. Цвет, форма завораживают нас, восхищают, вводят в медитативное состояние, как если бы мы очутились в глубинном детстве и, прозревая, из темноты выкрикнули первое слово.

Литература

1. *Гурьянова Н.А.* Ольга Розанова и ранний русский авангард. М.: Гилея, 2002. 319 с.
2. *Клюн И.* Мой путь в искусстве: Воспоминания. Статьи. Дневники. М.: РА, 1999. 560 с.
3. *Крученых А.Е.* Вселенская война. Ъ // Крученых А. Цветная клей. Пг.: Тип. «Т-ва Свет», 1916. 8 с.
4. *Крученых А.Е.* К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. М.: Гилея, 2006. 458 с.
5. *Малевич К.* Собр. соч.: В 5 т. М.: Гилея, 1995—2004.

6. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика: В 2 т. Т. 1. М.: РА, 2004. 583 с.
7. Матюшин М. О выставке «Последних футуристов» // Альманах весенний. Пг.: Очарованный странник, 1916. № 10. С. 16—18.
8. Пуни А., Богуславская К. [б. н.]: URL: <https://jeanpougny.org/txts/листовка%200,10.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Сазонов С. «Распыленный свет». Новые известия о «Зеленой полосе» Ольги Розановой // Ростовская старина: Газета Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль». 2018. № 12. С. 1—4.
10. Степанова В. Дневник. 1919: URL: <https://rozanova.net/article/547.html> (дата обращения: 20.03.2026).
11. Эфрос А. Вослед уходящим // Москва: Журнал литературы и искусства. М.: Книгоиздательство «Творчество», 1919. № 3. С. 4—6.

References

1. Gur'yanova N.A. Ol'ga Rozanova i rannij russkij avangard. M.: Gileya, 2002. 319 s.
2. Klyun I. Moj put' v iskusstve: Vospominaniya. Stat'i. Dnevnik. M.: RA, 1999. 560 s.
3. Kruchenyh A.E. Vselenskaya vojna. " // Kruchenyh A. Cvetnaya klej. Pg.: Tip. «T-va Svet», 1916. 8 s.
4. Kruchenyh A.E. K istorii russkogo futurizma: Vospominaniya i dokumenty. M.: Gileya, 2006. 458 s.
5. Malevich K. Sobr. soch.: V 5 t. M.: Gileya, 1995—2004.
6. Malevich o sebe. Sovremenniki o Maleviche. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya. Kritika: V 2 t. Т. 1. М.: РА, 2004. 583 с.
7. Matyushin M. O vystavke «Poslednih futuristov» // Al'manah vesennij. Pg.: Ocharovannyj strannik, 1916. № 10. S. 16—18.
8. Puni A., Boguslavskaya K. [b. n.]: URL: <https://jeanpougny.org/txts/listovka%200,10.pdf> (data obrashcheniya: 20.03.2026).
9. Sazonov S. «Raspylennyj svet». Novye izvestiya o «Zelenoj polose» Ol'gi Rozanovoj // Rostovskaya starina: Gazeta Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika «Rostovskij kreml'». 2018. № 12. S. 1—4.
10. Stepanova V. Dnevnik. 1919: URL: <https://rozanova.net/article/547.html> (data obrashcheniya: 20.03.2026).

11. *Efros A. Vosled uhodyashchim* // Moskva: Zhurnal literatury i iskusstva. M.: Knigoizdatel'stvo «Tvorchestvo», 1919. № 3. S. 4—6.

М.М. НОВИКОВ

Проблема сакрального в социальной философии Ж. Батая*

Аннотация. В статье рассматривается проблема сакрального в социальной философии Ж. Батая в контексте его полемики с диалектикой раба и господина Г. Гегеля и А. Кожева. Выявляется восходящая к И. Канту генеалогия понятия господина. Прослеживается трансформация понятия сакрального у трех мыслителей: от процессуального перехода в вещь у Гегеля, исчезновения в конце истории у Кожева до теории трансгрессии Батая. Анализируется батаевская концепция имманентности, разрыва непрерывности через труд, запрета и порядка вещей. Ставится проблема возможности сакральной социологии как перформативного знания, а также соотношения субъективного опыта и объективного исследования сакрального.

Ключевые слова: Ж. Батай, сакральное, сакральная социология, Г. Гегель, А. Кожев, диалектика раба и господина, запрет, непроеизводительная трата, жертвоприношение, суверенность.

Abstract. The article examines the sacred in G. Bataille's social philosophy through his polemic with the Hegel-Kojeve master-slave dialectic. It traces the Kantian genealogy of the master, the sacred's transformation from Hegel's processual reification through Kojève's end-of-history disappearance to Bataille's transgression, and analyzes Bataille's immanence, rupture of continuity, prohibition, and order of things. The possibility of sacred sociology as performative knowledge and the link between subjective experience and objective study of the sacred are problematized.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Новиков М.М. Проблема сакрального в социальной философии Ж. Батая // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 245—261. DOI: 10.5281/zenodo.20643527.

Keywords: G. Bataille, the sacred, sacred sociology, G. Hegel, A. Kojève, dialectic of master and slave, prohibition, unproductive expenditure, sacrifice, sovereignty.

УДК 14
ББК 87.5

Я одинок.
Слепцы прочтут эти строки
В бескрайних туннелях.
Ж. Батай

Благодаря философскому творчеству Ж. Батая в первой половине XX в. на горизонте мысли вновь возникла фигура сакрального. Однако Батай не был изобретателем сакрального; его мыслительный процесс происходил в напряженной связи с деятельностью А. Кожева, знаменитого своим оригинальным толкованием «Феноменологии духа» Г. Гегеля. Влияние Кожева на Батая очевидно хотя бы из эпизодов его биографии: он, Батай, по собственным же его словам, «выходил с семинара (Кожева. — *М.Н.*) растерянным, уничтоженным, десятикратно убитым» [15, 14]. Точкой пересечения трех философов стала так называемая диалектика раба и господина, развернутая Г. Гегелем как, на первый взгляд, сугубо социально-философский анализ генезиса господства и порабощения и расширенная Кожевым и Батаевым до проблемы антропогенеза. Именно в этой полемической взаимосвязи трех концепций может быть прослежена проблема сакрального. Сложность исследования состоит, с одной стороны, в том, что Г. Гегель и А. Кожев прямо не применяли концепт сакрального, и, с другой, в специфическом философском языке Ж. Батая, не дающем четких формулировок.

II. Кант: в поисках господина

Однако, прежде чем перейти к Гегелю, стоит проследить генеалогию фигуры господина, восходящую к И. Канту. Кант полагал, что человек, пребывая изначально в животном состоянии, блаженно существует по законам природы, следуя своим инстинктам. Но после пробуждения разума человек отдаляется от природы и присущей ей непросвещенной беззаконности: «Но между ним и этим местом бла-

женства становится неугомонный разум, побуждающий его к развитию заложенных в нем способностей и не позволяющий ему вернуться в состояние невежественности и наивности, из которого он его вывел» [18, 49]. Итак, человек следует своему разуму, но возникает проблема: разумный человек нуждается в законном распределении границ чужой свободы, но его животное начало заставляет его сделать для себя исключение и таким образом нарушить чужую свободу, что недопустимо. Кант делает вывод, что человек «...нуждается в *господине*, который сломил бы его собственную волю и заставил его подчиняться общепризнанной воле...» [16, 19]. Этой фразой Кант фактически заявил, что человек становится окончательно человеком лишь тогда, когда он себя ограничил и отделил от животного. Но возникает вопрос: кто именно может создать этот предел воли? Либо сам человек, либо общество (другой человек как его представитель)? Кант тем самым встал перед выбором между антропологическим или социальным мышлением. Второй вариант Кант не выбрал, так как другой человек, по его мнению, сам еще является животным и потому не может кого-либо формировать. Кант оказался в явном затруднении и прямо назвал этот выбор «самым трудным из всех»: кто же формирует человека, если до человека существуют только животные? Кант, следуя духу Просвещения, делает упор на врожденный разум и выбирает первый путь: человек формирует себя сам. Но в существовании этого формирования лежит борьба между животным и собственно человеческим началом — воля животного должна быть сломлена. Следовательно, человеческое начало должно господствовать, дисциплинировать и подавлять всякую тягу к животному: «Дисциплина, следовательно, есть нечто отрицательное: это — средство уничтожить в человеке его дикость...» [17, 400]. Так возникает фигура господина, без которой становление человеком, по Канту, невозможно. Введя господство, Кант одновременно наделил разум приоритетом перед доразумным бытием животного, сведя тем самым человека к разумному существу и лишив его права не следовать установкам разума. Примечательно в рассуждении Канта то, что обе сущности: животное и господин — присутствуют внутри одного человека³: фигура общества не возникает.

³ Данная мысль будет воспринята Ж. Батаем, что отличает его от Г. Гегеля и А. Кожева.

Г. Гегель: диалектика сакрального

Гегель идет дальше Канта, разводя две стороны существа человека по разные стороны: животное (то, что соответствует рабскому началу) противостоит отдельному человеку (господину). Вопрос о «первом человеке» у Гегеля не ставится: подразумевается, что данная борьба происходит *уже* в обществе и по его законам. Итак, в противостоянии сталкиваются два самосознания: раба и господина. Предметом их борьбы является укрепление собственного самосознания. Чтобы достичь этого, нужно «...показать себя не связанным ни с каким определенным *наличным бытием*...» [12, 101]. Это становление, отрывающееся от всякого наличного бытия, направлено против бытия другого; другое самосознание отвечает тем же. В борьбе раба и господина подразумевается готовность пойти на смерть соперника. Однако выиграет лишь один — тот, кто пойдет на риск. Господином окажется тот, кто предпочел риск и свободу угрозе потерять жизнь, проигравшим — выбравший жизнь. Именно страх смерти (или же «неблагородное» — нерискующее — желание жизни) является маркером, определяющим признание самосознания: «Индивид, который не рисковал жизнью, может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания он не достиг» [12, 102]. Фигура смерти приобретает сакральную силу, способную предрешать участи борющихся самосознаний. Однако самосознание полагает себя, отталкиваясь от другого. Значит, бытие раба необходимо для становления господина — смерть раба не должна быть доведена до предела; смерть не абсолютна. Господин несамостоятелен. Оставляя раба в живых, он подрывает абсолютность своей сакральности. Раб, будучи орудием труда, необходим для господина как инструмент — господин привязывается к этой рабочей силе и тем самым погрязает в потребительстве: «...это (отношение к рабу. — *М.Н.*) — его цепь, от которой он (господин. — *М.Н.*) не мог абстрагироваться в борьбе, и потому оказалось, что он, будучи несамостоятельным, имеет свою самостоятельность в вещности» [12, 103]. Эта мысль Гегеля очень рифмуется с корреляцией между привязанностью к инструментам труда (первый всадник деимманентизации) и порядком вещей как следствием труда у Батая.

Утратившему момент своей сакральности господину отказывается быть сакральным, так как сакральное в специфическом философствовании Гегеля связывается с абсолютным самостоянием⁴. Что же остается абсолютным в этом сюжете? Страх внутри раба и вытекающий из него труд. Сознание раба наполняется страхом перед господином, лишается всякой связи с наличным и в этом смысле является абсолютным: страх раба в этот момент доходит до предела. Однако сущность раба состоит в труде. Раб трудится, создает материальные вещи⁵ и узнает в них свое предметно-деятельностное отражение: именно благодаря труду сознание приходит к самому себе. Гегель, настаивая на абсолютности сакрального, отмечает: «Если оно (сознание. — *М.Н.*) испытало не абсолютный страх, а только некоторый испуг, то <...> его субстанция не прониклась ею (собственной сущностью. — *М.Н.*) насквозь» [12, 106]. Далее эта абсолютность-сакральность перешла в труд. Может ли труд остаться абсолютным? По-видимому, нет; если рабское сознание узнает себя в вещах, значит, сакральное тоже должно перейти в результаты труда. Именно вещь оказывается тем неистребимым посредником между рабом и господином, которая приковывает к себе их внимание и усилия и тем самым концентрирует в себе ускользнувшую от них сакральность. Сакральное находит себя синтезированным в вещи⁶.

⁴ Несмотря на то, что Гегель прямо не применял концепт сакрального, его «присутствие» можно проследить, исходя из общего для Гегеля и Батай понятия негативности. Если Гегель понимал под негативностью способность сознания к саморазличению через выявление внутренних противоречий и их преодоление для последующего развития, то Батай тоже вкладывал в это понятие момент уничтожения вещи (вещь перестает быть собою — в этом Батай един с Гегелем), но делал это иначе: у Гегеля сознание отрицало себя в процессе становления, а у Батай вещь уничтожалась путем непроизводительной траты, что, в свою очередь, и ведет к сакральному.

⁵ Если для Гегеля в этом феномене трудящегося рабского сознания присутствует момент сакрального, то Батай бы, напротив, назвал это состояние (момент появления орудия и труда) уходом из непрерывно-имманентного мира — сингулярным событием, в результате которого из сокровенности дотрудового мира человек переходит в порядок дискретных вещей и сам превращается в вещь, лишенную доступа к сакральному.

⁶ С одной стороны, Батай мог бы назвать этот исход торжеством порядка вещей, победившим праздность безработицы и непрерывности; с другой — благодаря этому вещь становится той квинтэссенцией сакральной энергии, высвободив ко-

Как было показано, сакральное у Гегеля по своей природе процессуально: сначала оно оказывается «на стороне» господина, далее переходит к рабу; но потом фокус смещается на вещь, всасывающую в себя сакральность, и тем самым сакральность отдалается от человека, навсегда исчезнув в позитивности готовой вещи. При этом вещь не понимается как нечто, в любой момент готовое быть принесенным в жертву; напротив, вещь — словно черная дыра, вобравшая в себя сакральность и закрывшая к ней доступ человеку. Закрытая ото всех вещь, скрывающая свою сакральность, профанизируется. Хотя вещью владеет господин, он не имеет доступа к ее сокровенности, ибо, не трудясь и не производя ее, он сущностно от нее далек. На этом рассуждение Гегеля кончается. Недостающим местом в нем осталась потенциальная возможность возвращения вещи в мир сакрального через феномены непроизводительной траты или жертвоприношения, предложенные впоследствии Батаем.

А. Кожев: от желания к вещи

Кожев расставляет новые акценты в диалектике раба и господина, видя в ней антропогенез. Чтобы стать человеком, нужно достичь самосознания. Чтобы обрести самосознание, нужно этого возжелать. Возжелать что-либо — значит изменить порядок чего-либо другого. Если же возжелать и изменить что-либо просто наличное, самосознание от этого не возникнет: «Таким образом, если Желание посягает на не-Я “природное”, то Я тоже будет “природным”» [19, 13]. Значит, для самостояния необходимо возжелать не наличное. В призме диалектики раба и господина это означает, что подлинной целью господина является обрести признание другого: «...Желание человеечно в той мере, в которой хотят овладеть не телом, но Желанием другого, желают “обладать” Желанием, <...> иными словами, хотят быть <...> “признанным” в своей человеческой значимости, в своей реальности человеческого индивида» [19, 14]. Будущий господин хочет утвердить не просто свою жизнь, а готов благородно риск-

торую через жертвоприношение и уничтожив вещь до конца возможно трансгрессировать к утраченной непрерывности — через акт бессмысленного с точки зрения выгоды и прагматики растраты экономических благ в моменте жертвования.

нужно ради признания своего самостояния. Трагедия в том, что сам господин не признает в побежденном рабе себе равного и считает его вещью. Стало быть, и признавать господина будут не равные ему, а всего лишь рабы-вещи. Значит, предметом желания оказалось в конечном счете не чужое желание, как на то изначально рассчитывал господин, а лишь вещь (раб), которая его признала. Тем самым родившийся человек (господин) привязал свою человечность к животному (рабу), а подлинным человеком стал сам раб, — Кожев соглашается с Гегелем в рассуждении о страхе и труде. Сакральным у Кожева являлось вначале желание господина обуздать и подчинить себе чужие желания (собственно, в этот момент стать человеком), но этот проект не удался. Кожев лишает господина сакральности, называя его положение «жизненным тупиком» [19, 27—28]. Движущая сила истории осталась за трудящимся рабом. Именно раб создает религию, возводя сакральное в божественное. Однако в конце истории раб, превзойдя господина и осознав свою природу, вновь возвращается в животное состояние, не вынеся тем самым напряжения сакрального. Сакральное исчезает в тот момент, когда прекращается борьба за признание, т. е. в конце истории.

И Гегель, и Кожев в ходе развертывания своей диалектики были вынуждены лишить господина доступа к сакральному. Он словно «попался под руку», оказавшись первым в диалектической цепочке — его часть предрешена. С этим ходом был категорически не согласен Ж. Батай. Разорвав диалектику, Батай заявил, что и фигура раба, и фигура господина не две отдельные сущности, а *уже* находятся в фигуре человека, от судьбы которого зависит судьба сакрального.

Ж. Батай: гастрономия сакрального

А. Кожев переносит диалектику раба и господина на животное и растение, видя в акте поедания уничтожение одного желания другим: «По Гегелю, животное, поедая растение, осуществляет и обнаруживает свое над ним превосходство. Но, питаясь растениями, животное от них зависит и, стало быть, не может по-настоящему превзойти их» [19, 213]. Здесь повторяется сюжет о «слабости» животного-господина. Ключевым здесь является выделение двух отдельных противоположащих сущностей: собственно раба и господина. Ба-

тай отталкивается от этого рассуждения Гегеля и Кожева и подрывает их основное допущение: ни у Гегеля, ни у Кожева не учитывается, что изначально нет ни раба, ни господина — суть лишь два самосознания, находящиеся в равном положении, которые лишь впоследствии займут свои неравные позиции. Батай в качестве примера берет не животное и растение, а зверя и другого зверя. Новизна его мысли в том, что самосознание зверя подобно самосознанию другого зверя: «Когда один зверь пожирает другого, то это всегда нечто подобное пожирающему; в таком смысле я и говорю об имманентности» [8, 55]. Фактически этот тезис остается неаргументированным допущением; более того, Батай радикализирует свою мысль: поедающий не отличается от себя поедаемого⁷. Данное неразличение позволяет ввести Батаю непрерывно-имманентное состояние единства и погружения в среду обитания, характерное для животного, и противопоставить его бытию человека, живущего среди дифференцированных (негативно отличенных самосознанием от себя) вещей. Именно для человека, способного на полагание чего-либо в качестве объекта, характерно отношение к чему-либо как господина к рабу: «А в жизни зверей нет ничего такого, чем вводилось бы отношение господина к повелеваемому...» [8, 55]. Батай разрушает диалектику. Схема Гегеля—Кожева держалась на противопоставлении двух сущностей; у Батая же сущность в этом смысле одна: зверь не отличает себя от другого зверя. Именно это сущностное различие было для Кожева тем трамплином, который позволял зверю превратиться в человека через полагание своего желания и жажду его признания. У Батая же этот путь закрыт: животное, борясь с другим животным, никогда не превратится в человека. Как отмечает С.Н. Зенкин, «...эта схватка не нарушает дискретности бытия, не образует той онтологической дистанции, что определяет собой суть человека. “Апатичный” взгляд зверя выражает эту его несостоявшуюся человечность, невозможность диалектики Господина и Раба» [14, 29]. Как в таком случае животное превращается в человека и как это связано с сакральным?

Итак, Батай постулирует непрерывность, имманентную бытию животного. С.Н. Зенкин пишет: «Зверь не отличает себя от внешней среды, как это обычно делаем мы, мыслящие существа. Такое состояние полной погруженности в мир, растворенности в нем “как вода в

⁷ См. пример о ястребе и курице [8, 55].

воде” Батай называет “имманентностью” или “сокровенностью” (intimité)...» [14, 16]. В тот момент, когда у животного появляется нужда в орудии труда, происходит первый разрыв в непрерывности его бытия: созданный инструмент труда оказывается объектом, т. е. не-Я⁸. В непрерывности нет времени. Едва появляется первый раскол, первый объект, для животного вводится временность, разделяющая вещи не только в пространстве, но и во времени: «...действительно, любая вещь может полагаться как нечто отдельное и обладать смыслом лишь при условии, что полагается некоторое будущее время, ради которого она и образуется как объект» [8, 69—70]. Метафора будущего времени для Батая связана с целеполаганием — накоплением ресурсов, сохранением их про запас⁹. Едва возникает труд, труженик, овеществивший природу, сам же превращается в вещь, окончательно вырываясь из непрерывности. Именно в этот момент — овеществившись — рождается собственно человек. А.И. Зыгмонт определяет: «Человек — животное, которое преодолевает континуальность своего бытия в труде, изобретая орудия и творя мир разума, пользы и целеполагания» [15, 198]. Отныне человек измеряет себя отличием от животного и природы¹⁰, и все животное становится человеку противным: «Зверь утратил свое достоинство существа, подобного человеку, и, замечая в самом себе животное начало, человек рассматривает его как порок» [8, 66]. Таким образом, построенный мир разума и труда должен быть защищен от чисто животных проявлений природного хаоса: смерть¹¹ (как риск перестать быть вещью) и сексуальность¹² (как преграда труду) как формы ярости должны быть подвергнуты запрету. Батай пишет: «...человек —

⁸ «Именно постольку поскольку орудие вырабатывается ради своего конечного назначения, сознание и полагает его как объект, как разрыв в неразличимой непрерывности. Вырабатываемое орудие есть зародышевая форма не-я» [8, 60].

⁹ Это прямо противоположно непроизводительной трате суверена.

¹⁰ Например, в случае красоты: «Обычно мужчина или женщина считаются тем более красивыми, чем более они по своим формам удаляются от животного облика» [9, 596].

¹¹ «Итак, среди вещей, упорядоченных в их взаимосвязи, смерть есть нечто такое, что расстраивает этот порядок, что каким-то негативным чудом вырывается из этой взаимосвязи» [7, 328].

¹² «Мы можем только сказать, что по сравнению с трудом сексуальная деятельность представляет собой ярость, что своим непосредственным импульсом она способна мешать труду...» [9, 522].

это животное, которое “стесняется” смерти и половых сношений» [9, 523]. Е.Д. Гальцова указывает в примечании к этому месту, что «...être interdit (“стесняться”) буквально значит по-французски “быть под запретом”» [11, 729]. Предмет стеснения совпадает с предметом табу — и собственно сакральным. Человеческое отвращение к животным атрибутам побеждает звериное безразличное принятие их — в этот момент рождается человек¹³. Как пишет Н.Н. Ростова: «В этом смысле для Батая момент отвращения становится более фундаментальным, что позволяет ему называть сакральное ядро отвратительным, чудовищным, внушающим ужас» [21, 38]. Батай вводит диалектику страха и запрета: изначальный страх перед чем-то отвратным подвергается запрету, в связи с чем страх снимается, подменяясь любопытством перед запретным. Как указывает Н.Н. Ростова: «Запрет, рождая страх, делает объект запрета привлекательным. И эта привлекательность оказывается более мощной, нежели естественная, ибо осложнена запретом и связанной с его преодолением опасностью» [21, 43]. Запрет сначала изгоняет остатки сакрального из профанного мира, но тем самым ставит предмет табу в особенное положение, оставляя возможность через нарушение запрета («Принцип “на то и запрет, чтобы его нарушать”...» [9, 533]) вернуться к миру утраченной непрерывности. Осуществляется это через акт жертвоприношения. В жертвоприношении вещь-жертва уничтожается до конца (чего

¹³ Здесь Батай противостоит Гегелю и Кожеву: если у них человек рождался в противостоянии со сторонней сущностью (рабом или растением, например), то у Батая обе сущности находятся внутри одного самосознания и одна преодолевает другую. Этим ходом Батай снимает главенствующую роль общества в антропогенезе, предполагаемую со времен Аристотеля. Рождающийся человек у Батая фактически независим от других субъектов — лишь от своего внутреннего напряжения. Однако Батай одновременно идет дальше и преодолевает Канта: философ Просвещения видел ключевой двигатель становления человека в разуме и, хотя и подразумевал его естественным и врожденным (доопытным), все же опирался и на положительную в его понимании роль дисциплинирующего просвещенного общества, как бы подталкивающего человека обратиться к наставлениям разума и перестать быть животным. У Батая разум связан лишь с целеполаганием и трудом, направленным на удовлетворение личных потребностей, и влияние общества является, скорее, отрицательным, ведь оно явно направлено против пафоса суверенной, имманентной миру природы жизни.

не было в диалектике раба и господина), что символически обозначает уничтожение порядка вещей¹⁴ и трансгрессию к миру имманентности: «Тем самым предполагается, что человек и сам перестал быть отделенным от своей сокровенности, как он отделен от нее при трудовом подчинении» [8, 68]. Трансгрессия означает прыжок из профанного мира (порядка вещей) в мир сакральный; при этом запрет является не помехой, а как бы дополняющим трамплином, создающим саму возможность приближения к сакральному. Запрет, можно сказать, негативно формирует сакральное и прокладывает к нему путь. Жрец говорит в момент жертвоприношения: «Я вновь призываю тебя (жертву. — *М.Н.*) к *сокровенности* божественного¹⁵ мира, к глубинной имманентности всего сущего» [8, 68—69]. Батай приводит знаменитый пример потлача — акта безмерного бессмысленного расточительства. Несмотря на то что потлач является все-таки формой социального обмена, он лишен прагматики бартера: каждый следующий дар должен быть богаче предыдущего. Популярность потлача во многих племенах позволяет Батаю заключить, что не социальный обмен первичен, «...а, наоборот, потребность в утрате и расточении» [5, 147]. Для Батая принципиальна тяга человека увернуться от труда и вернуться к миру непрерывности через разного рода потлачи и жертвоприношения. На собственном опыте Батай приводит [8, 97—98] поэтический пример отказа от работы и абсурдизации результатов чужого труда, в котором применяет купленный стол (тем самым *уничтожая* его) для питья спиртного вместо того, чтобы трудиться на нем. Батай видит и более широкие варианты этой траты: например, феномен войны. Война по своей природе является актом бессмысленной траты ресурсов¹⁶ (в том числе человеческих жизней); ей же предшествует долгое трудовое накопление экономических благ, которые необходимо должны быть потрачены: «...потери необходимы не ради какой-то цели, но ради славы¹⁷ расставаться с богатством и жизнью...» [4, 290]. Таким образом, сакральное может быть

¹⁴ «Жертвенный обряд стремится уничтожить в жертве вещь — и только вещь. Жертвоприношение разрушает реальные узы подчиненности объекта» [8, 68].

¹⁵ Божественное — одна из форм сакрального.

¹⁶ «...война, ритуальная жертва и мистика равнозначны друг другу...» [4, 286].

¹⁷ Здесь мысль Батая о жажде славы пересекается с тезисом Кожева о благородстве риска.

определено как след присутствия непрерывности утраченного мира, инородный профанному миру труда и разума. Для уточнения понятия сакрального Батай вводит понятие суверенности: «Отличительной чертой суверенности является потребление богатств в противоположность труду и рабству, которые производят, но не потребляют их. Суверен потребляет, но не трудится, в то время как антиподы суверенности: рабы, неимущие люди — трудятся и ограничиваются потреблением лишь необходимых продуктов, без которых они не смогли бы ни жить, ни трудиться» [7, 313—314]. Суверенность — это событие возвращения утраченной сокровенности бытия животного в моменты безумных непроизводительных трат. Путь к сакральному лежит через обретение суверенности.

Сакральная социология

Каково место сакрального в обществе? Н.Н. Ростова пишет: «Сакральное — это ядро, средоточие социального, вокруг которого простирается профанное» [21, 65]. Для Батая вопрос об обществе сводится к вопросу о появлении мира вещей, который, в свою очередь, связан с проблемой антропогенеза, ибо порядок вещей как таковой появляется в связи с рождением человека. Поэтому прав С.Н. Зенкин: «Социальная теория Батая есть теория *антропогенеза*, возникновения и становления человека» [14, 27]. Принципиально первичным, исходя из логики повествования Батая, является именно сакральный мир, на который «надстраивается» мир профанный: «Человеческое общество — это не только общество труда. Его составляют — одновременно или последовательно — *профанный* и *сакральный* миры, две его взаимодополняющие формы» [9, 536].

В 1937 г. Ж. Батай создает Коллеж социологии, на семинарах которого планировалось построение сакральной социологии. Как отмечает В.Ю. Быстров¹⁸, сакральную социологию не нужно путать с социологией сакрального: если социология сакрального есть не более чем профанный взгляд «снизу» на сакральное, то сакральная социология стремится стать проводником самого сакрального. Тем не менее, Батай задает основные понятия своей социологии.

¹⁸ «Обратим внимание, что свою дисциплину основатели Коллежа называют не «социологией сакрального», а «сакральной социологией» [10, 9].

Общество, говорит он, не сводится к сумме своих элементов. Батай определяет его через понятие «сложного существа»¹⁹. Ядром общества являются объекты отвращения, которые впоследствии будут подвергнуты запрету и названы сакральными: «Социальное ядро действительно табуировано, то есть неприкосновенно и к тому же чудовищно; оно в первую очередь относится к природе трупов, менструальной крови и париев, отверженный изгоев. <...> Все наводит на мысль, что люди первых времен были объединены общим ужасом и отвращением, непреодолимым страхом перед тем, что на самом деле было притягательным центром их союза» [2, 91]. Дени Олье указывает²⁰, что целью Коллежа было вернуть интерес общества к своему ядру — к сакральному; заставить общество сознавать себя в модусе сакральной социологии, мыслить себя не в возвышенном неведении о своих истоках, а сознавать свою принадлежность к сакральным нечистотам. Значит, фокус сакральной социологии смещается на сакральное. Как же изучать сакральное?

Батай заявляет: «...я, очевидно, отвергаю то, что называю глубоким сном науки» [3, 103]. Тем самым он отказывается от традиционных социологических методов исследования и призывает обратиться к сакральному, которое открывается исследователю в опыте его переживания: «...эти феномены (переживания сакрального. — *М.Н.*) составляют самое существенное в наших переживаниях; если хотите, они — сердце нашего существования» [3, 102]. Эта ранняя максима творчества Батая фактически отказывает социологии в каком-либо объективном изучении общества. Вместо этого предлагается перформативное развертывание сакральной социологии, в результате которого вновь возникнут коллективные бессознательные представления, воссоздающие атмосферу и условия первобытного общества, открытого к своему сакральному ядру. Вся ставка, таким

¹⁹ «Я считаю возможным определить эти “сложные существа” следующим образом: 1) они представляют собой нечто большее, чем скопление, а именно специфическое движение, по крайней мере когда речь идет об одномерном существе или об обществе; 2) они характеризуются более или менее ясно выраженным отличием от массы, которая образована сходными, но не составляющими единую композицию элементами» [6, 37—38].

²⁰ «Таким образом, они надеялись, что, “заболев” социологией, общество само в свою очередь начнет искажаться, сохнуть и сжиматься, как это происходит с парализованным мускулом» [20, 17].

образом, делается на внутренний субъективный опыт, который предлагается изучать через психоанализ, способный объяснить переход от бессознательного к сознательному. В поздних работах Батай откажется от психоанализа, предпочтя ему собственную теорию «внутреннего опыта»: психоанализ делал упор скорее на бессознательные влечения человека, в то время как исследуемый Батаем внутренний опыт есть сознательное переживание сакрального.

Итак, Коллеж социологии можно охарактеризовать как перформанс, как отчаянную попытку изменить общество через построение сакральной социологии. Несмотря на то что деятельность Коллежа оказалась кратковременной, Батай успел задать основные векторы своей мысли, воплотившиеся в поздних работах²¹. Стоит отметить, что в послевоенные годы Батай обратился к написанию чисто научных (в его понимании) текстов, что свидетельствует об отказе от более ранних громких максим о бессмысленности классических социологических исследований. Впрочем, тяга к анализу первобытных обществ преследовала Батая на протяжении всей жизни.

Проект Батая берется за, казалось бы, невозможное — объективно описать то, что принципиально воспринимается только субъективно; говорить о том, о чем следует молчать. Об этой попытке Батая хорошо сказал Ж. Деррида: «Нужно найти слово, которое хранит молчание. Необходимость невозможного: высказать на языке — то есть на языке рабства — то, что рабским не является» [13, 415].

Литература

1. *Батай Ж.* Архангельское и другие стихи. Е.: ЕΣΧΑΤΟΝ, 2024. 128 с.
2. *Батай Ж.* Влечение и отвращение. I. Тропизмы, сексуальность, смех и слезы // Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004. С. 87—99.
3. *Батай Ж.* Влечение и отвращение. II. Социальная структура // Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004. С. 101—114.

²¹ Работы «Теория религии», «Проклятая часть», «Суверенность», «Эротика» были написаны в конце 1940-х — середине 1950-х гг.

4. *Батай Ж.* Границы полезного. Отрывки из неоконченного варианта «Проклятой части» // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 237—309.
5. *Батай Ж.* Проклятая часть. Опыт общей экономики // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 109—233.
6. *Батай Ж.* Сакральная социология и отношения между «обществом», «организмом» и «существом» // Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004. С. 34—48.
7. *Батай Ж.* Суверенность // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 313—487.
8. *Батай Ж.* Теория религии // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 52—105.
9. *Батай Ж.* Эротика // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 491—705.
10. *Быстров В.Ю.* Обезглавленный миф // Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004. С. 5—15.
11. *Гальцова Е.Д.* Комментарии // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 706—734.
12. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб.: Наука, 2015. 444 с.
13. *Деррида Ж.* От экономии ограниченной к экономии всеобщей. Гегельянство без утайки // Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С. 400—444.
14. *Зенкин С.Н.* Сакральная социология Жоржа Батая // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 7—48.
15. *Зыгмонт А.И.* Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 320 с.
16. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 12—28.
17. *Кант И.* О педагогике // Кант И. Соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 399—462.
18. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 43—59.
19. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.

20. Олье Д. Во главе Ацефала // Коллеж социологии. СПб.: Наука, 2004. С. 16—21.

21. Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека: Монография. М.: Проспект, 2023. 432 с.

References

1. Batay Zh. Arkhangelskoye i drugiye stikhi. Ye.: EΣXATON, 2024. 128 s.
2. Batay Zh. Vlecheniye i otvrashcheniye. I. Tropizmy, seksualnost', smekh i slezy // Kollezh sotsiologii. SPb.: Nauka, 2004. S. 87—99.
3. Batay Zh. Vlecheniye i otvrashcheniye. II. Sotsialnaya struktura // Kollezh sotsiologii. SPb.: Nauka, 2004. S. 101—114.
4. Batay Zh. Granitsy poleznogo. Otryvki iz neokonchennogo varianta «Proklyatoy chasti» // Batay Zh. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Ladomir, 2006. S. 237—309.
5. Batay Zh. Proklyataya chast'. Opyt obshchey ekonomiki // Batay Zh. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Ladomir, 2006. S. 109—233.
6. Batay Zh. Sakralnaya sotsiologiya i otnosheniya mezhdru «obshchestvom», «organizmom» i «sushchestvom» // Kollezh sotsiologii. SPb.: Nauka, 2004. S. 34—48.
7. Batay Zh. Suverennost' // Batay Zh. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Ladomir, 2006. S. 313—487.
8. Batay Zh. Teoriya religii // Batay Zh. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Ladomir, 2006. S. 52—105.
9. Batay Zh. Erotika // Batay Zh. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Ladomir, 2006. S. 491—705.
10. Bystrov V.Yu. Obezglavlennyy mif // Kollezh sotsiologii. SPb.: Nauka, 2004. S. 5—15.
11. Galtsova Ye.D. Kommentarii // Batay Zh. «Proklyataya chast'»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Ladomir, 2006. S. 706—734.
12. Gegel G.V.F. Fenomenologiya dukha. SPb.: Nauka, 2015. 444 s.
13. Derrida Zh. Ot ekonomii ogranichennoy k ekonomii vseobshchey. Gegelyanstvo bez utayki // Derrida Zh. Pis'mo i razliche. M.: Akademicheskiy proyekt, 2000. S. 400—444.

14. *Zenkin S.N.* Sakral'naya sotsiologiya Zhorzha Bataya // Batay Zh. «Proklyataya chast»: Sakral'naya sotsiologiya. M.: Lodomir, 2006. S. 7—48.
15. *Zygmunt A.I.* Svyataya negativnost'. Nasiliye i sakral'noye v filosofii Zhorzha Bataya. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2018. 320 s.
16. *Kant I.* Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane // Kant I. Sochineniya: V 8 t. T. 8. M.: Choro, 1994. S. 12—28.
17. *Kant I.* O pedagogike // Kant I. Sochineniya: V 8 t. T. 8. M.: Choro, 1994. S. 399—462.
18. *Kant I.* Predpolagayemoye nachalo chelovecheskoy istorii // Kant I. Traktaty i pis'ma. M.: Nauka, 1980. S. 43—59.
19. *Kozhev A.* Vvedeniye v chteniye Gegelya. SPb.: Nauka, 2003. 792 s.
20. *Ole D.* Vo glave Atsefala // Kollezh sotsiologii. SPb.: Nauka, 2004. S. 16—21.
21. *Rostova N.N.* Iznaniye Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka: monografiya. M.: Prospekt, 2023. 432 s.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

75-летие В.В. Чекмарёва

Старинный русский город Кострома славится подвигом Ивана Сусанина, пребыванием в городе будущего царя Михаила Романова, связью по жизни с городом выдающегося философа из МГУ А.А. Зиновьева, но для нас Кострома олицетворяется *Василием Владимировичем Чекмарёвым*, д.э.н., профессором, бывшим заведующим кафедрой и проректором в Костромском госуниверситете, председателем совета по защите политэкономических диссертаций, человеком мудрым, всепонимающим, открытым, ну и, разумеется, не просто активным членом нашего философско-хозяйственного ученого сообщества, но и нашим большим, добрым, отзывчивым другом. Многая лета, дорогой Василий Владимирович, ну и житейского благоденствия вместе со своей милой супругой!

* * *

19 марта 2026 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной, обществоведческой и экономической мысли» на тему «Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного (экономического) хаоса: блеф и реалии, проекты и результаты», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, М.М. Гузев (Волжский), Л.П. Зенькова (Минск, Белоруссия), С.Г. Ковалев (СПб.), К.В. Молчанов, А.В. Мочалов (Киль, Германия), М.Ю. Павлов, А.И. Субетто (СПб.); кандидаты наук Т.Б. Бердникова (Белгород), О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, В.И. Стасевич; научный сотрудник Т.С. Сухина; президент ООО «Белый кот» Т.В. Воеводина.

Е.С. ЗОТОВА

**Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного
(экономического) хаоса: блеф и реалии,
проекты и результаты (обзор дискуссии)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной, обществоведческой и экономической мысли» на тему «Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного (экономического) хаоса: блеф и реалии, проекты и результаты», состоявшемся 19 марта 2026 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате.

Ключевые слова: хозяйство, экономика, хозяйственный (экономический) хаос, хаосмос, управление хаосом, финансомика, философия хозяйства.

Abstract. The article presents an overview of reports at the theoretical seminar «Discussion Problems of Philosophical, Economic and Social Thought» on the topic «The Phenomenon of Managed Existential and Economic Chaos: Bluff and Realities, Projects and Results», held on March 19, 2026 at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in a mixed format.

Keywords: economy, economic chaos, chaos management, financialomics, philosophy of economy.

УДК 330
ББК 65в

На экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 19 марта 2026 г. состоялось в смешанном формате очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной, обществоведческой и экономической мысли» на

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного (экономического) хаоса: блеф и реалии, проекты и результаты (обзор дискуссии) // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 266—281. DOI: 10.5281/zenodo.20643559.

тему «Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного (экономического) хаоса: блеф и реалии, прожекты и результаты», организованного лабораторией философии хозяйства и Научным советом «Центр общественных наук МГУ».

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) сказал: «Не мудрствуя лукаво, начну прямо с моей преамбулы к сегодняшнему семинару.

Вот она: “Тема отражает нынешнее кризисное состояние планетарного мира, которое можно и должно квалифицировать не только как очередной мировой (экономико-технологический) кризис, а и как уникальный кризис мира, обусловленный апокалиптической сменой мегаэпох и находящийся в войне с самим собою. Есть о чем призадуматься, поразмышлять и обменяться мнениями!”.

Да-а, есть, над чем поразмышлять.

Во-первых, над хаосом. Я поддерживаю тех западных мыслителей, которые обратили внимание на феномен хаоса, который в общем-то всегда есть, мало того, без него и жизни нет, никакой и нигде, однако при этом хаос не может быть абсолютным, он так или иначе непременно упорядочивается, превращаясь в жизнеспособный хаосмос, то бишь присутствуя в бытии как хаос, но не достигая космического порядка (космоса), что очень хорошо работает для понимания земно-космического, человеческого, хозяйственного, экономического, как и любого иного бытия, включая мирозданческое и вселенское.

Можно ли осознанно управлять хаосом, разумеется, через перемены в хаосмосе? Не только можно, но это всегда так или иначе и происходит.

Само сознание человеческое не лишено хаоса и так или иначе сводится к хаосмосу, так что ничего особенного в управлении хаосом нет, иное дело, кто и для чего это делает?

Ныне мы наблюдаем хаотизацию земно-человеческого бытия, вроде бы объективную, как бы саму по себе происходящую, однако замечаем и осознанную хаотизацию земно-человеческого бытия со стороны Запада, прежде всего англосаксов в субъектном образе тех же США и Великобритании.

Во-вторых, обращаю ваше внимание на введенное мною (правда, уже давно и опубликованное) понятие кризиса мира, уже

требующего новой мировой войны, но, в силу наличия ядерных потенциалов, превращенную в некую латентно-гибридную прокси-войну с только локальными горячими столкновениями, причем обращаю внимание на мое важное заключение — в войну с самим собой (очень интересная констатация, заслуживающая восприятия и обсуждения): реальность ведет войну с самой собою, не слабо, правда?

В-третьих, мало что сейчас в наличии усиление того же финансово-экономического хаоса, обычно характерного для мировых экономических кризисов, как и технотронного в связи с нашествием ИИ, аккуратно корреспондентного кондратьевским циклам-кризисам, а именно усиление экзистенциально-хозяйственного хаоса — как стихийного (самохаоса), так и Западом сознательно провоцируемого.

На этом я заканчиваю свой вступительный доклад, призывая участников семинара и особенно ораторов к раздумию и высказываниям по этому совсем не надуманному мною размыслительному треку».

В выступлении «Современный экономический хаос: понятийная мифологема или онтологическая реальность противоречивого становления новейшего миропорядка?» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) затронул проблему хаотизации мира и стратегии развития РФ. «Хаос — это многогранное понятие: 1) беспорядок; 2) первопотенциал возникновения, предшествующий космосу (миропорядку); 3) непредсказуемое поведение. Хаос всегда и в себе, и не сам по себе, он атрибут и самого социального объекта, и его среды. В физической материи — форма разрушающего броуновского, непрерывного во времени, беспорядочного движения микрочастиц, а в социальной материи — иная форма человеческого существования, переход от старого к новому, более сложному, через изменения условий, пертурбации, турбулентности, структурные разрушения, гибель и возрождение. Для его природы и социального познавательного восприятия характерны: а) синергетичность (точки бифуркации с эффектом бабочки, домино); б) управляемость (искусственное погружение в состояние беспорядка); в) экзистенциальность (обрушение смыслов); г) цифруемость (переизбыток отрывочной информации на разных носителях).

Возникает вопрос: насколько мировая хаотизация — объективный трансформационный процесс, обусловленный новыми условиями и факторами развития, или это проектный процесс? А если это проект, то чей, каковы его цели, насколько он реален? Возможно, это просто мифология для достижения групповых интересов по планетарному управлению? Управление хаосом, в отличие от классического управления (цель — порядок и стабильность), преследует иную цель — высвобождение и использование энергии для трансформационных изменений. В природе социально-хозяйственных систем изначально заложены поведенческая изменчивость, механизм развития через нарушение устойчивости, упорядочивания, реакцию на внутренние возмущения и внешнее давление. Социальный мир — внутренне противоречивый мир. Выделим два его современных системных противоречия: 1) борьбу за сохранение и новое доминирование в планетарном мире; 2) развертывание нового витка НТР, в частности нано- и нейротехнореволюции, меняющие бытие социума. Хаос никогда не бывает абсолютно случайным. У него есть “странные аттракторы” — области, к которым система тяготеет. Управлять хаосом — значит создавать такие аттракторы (цели, смыслы, угрозы), которые “втянут” в себя разрозненные элементы. У него есть субъекты — элиты, пытающиеся установить планетарное управление на иной платформе — идеологии сатанизма: планетарная хаотизация через перманентные войны, экологические проблемы, нехватку ресурсов, эпидемии, регулируемые ВОЗ и фармацевтическими гигантами, планетарную цифровизацию и ИИ как панацею и инструмент для стабилизации. Насажение вышеназванного обнуляет суверенитет стран. Сама по себе социальная система, хотя и не линейная, но и не беспорядочная, не хаотичная в физическом смысле, в ней хаос упорядоченный: он обладает стационарным состоянием, однако переход из одного стационарного состояния в другое возможен и через нарушение устойчивости, порядка. Вся история и ее смысловые модели — это переходы в стационарности — через ее потери в одном качестве и обретения в другом качестве. В обществе “управляемый хаос” — это попытка превратить деструкцию в инновацию или в оружие. Однако реальность такова, что “управляемым” он остается лишь до определенного порога сложности, ее критических параметров, после которых возможна ситуация ухода системы в неконтролируемый распад.

Для РФ ситуация сложная: нарастающая хаотизация в мировой среде и турбулентность в самой социальной системе РФ через механизмы внешнего давления на нее, а также смысловая ментальная хаотизация в головах населения (исчерпана перестроечная привлекательность перехода к модели открытой рыночной экономики) ведут к размытости смыслов жизни. Соответственно, происходит вхождение в фазу социального выживания. Интересен ответ на подобную ситуацию, причем намного более благоприятную, Китая, воплощенный в 15-м пятилетнем плане: приверженность социалистической рыночной экономике, резкое ускорение НТП на основе выделения технологических приоритетов — новая энергетика, новые материалы, квантовые вычисления, “воплощенный” ИИ, интерфейс мозга и компьютера, биомедицина, околоземное и космическое пространства — без форсажа ВВП, главные качества развития — самодостаточность, национальная безопасность, достигаемые на основе сочетания предпринимательских инициатив и государственного регулирования». РФ следует задуматься, учесть подход китайских товарищей, а не хаотизировать экономику бесчисленными национальными программами и проектами, выделив 3—5 приоритетов для вложения государственных ресурсов и привлечения частных ресурсов в реальный сектор, подчеркнул профессор Ковалев.

В своем выступлении «Управляемый хаос: кто управленец?» д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ) акцентировал внимание на объективности хаоса как новой реальности и одновременно субъекте управления. «Кризис, хаос — это вся человеческая история, новое в современном хаосе — его экзистенциальный и действительно всемирный, всеземной характер и бесхозяйственность. Правомерен вопрос: что это — новая объективная реальность (переход материи из одного состояния в другое) или порождение субъекта, чьей-то воли? Тогда чьей? Это Великая неизвестность. Полагают, что хаос — только в сознании человека, это естественный процесс становления новейшего миропорядка, “роды действительного разума”. Возможно. Но также возможно, что это новая фаза эволюции и естественного отбора человеческого сообщества на пике пассионарности. В то же время современный мир — мир абсурда — имеет свои “имя, отчество и фамилию”. И это не Трамп. А что если

все это заранее было предопределено, заложено изначально в человека и человеческую цивилизацию? А “рядовой человек” просто исполнитель предначертанного? Это великий вопрос философии».

В своем выступлении «От управляемого хаоса к хаосу в управлении, или Блеск и нищета блефа» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) отметил, что суть методологии управляемого хаоса состоит в длительном и масштабном пространственно-временном манипулировании полем субъектных отношений в эволюции хозяйства (экономики). И в этом своем качестве она возникла, обозначилась и стала массово используемой в связи с завоеванием отношения монополии (позднее вкупе с государством) господствующего положения в хозяйственно-экономических связях в последние 150 лет. Имея в виду кризисно-циклическую природу экономического процесса, важно отметить, что периодически концентрирующиеся узлы неразрешимых противоречий снимались, как правило, посредством войн, и в последние 100 с небольшим лет — войн мировых, что позволяет их рассматривать как объективный элемент экономической эволюции, хотя долгое время — как элемент второстепенный, переходный, но рубежный. Однако последние 50 лет, по мере невероятной эскалации отношений монополии, обострения монополистической конкуренции, проявления закона неравномерности развития и истощения возможностей товаро-денежно-стоимостного прикрытия монополистической борьбы, неумолимо истощались и возможности методологии управляемого хаоса со своим знаменитым американским инструментом блефа.

Поскольку любая крупная война, особенно в рассматриваемый период, сопряжена с колоссальными потерями всего спектра ресурсов, субъекты экономических отношений всеми силами стремились избегать войн и склонны были идти на все более неприемлемые компромиссы, попутно утрачивая способности эффективно воевать, блеф работал. А методология управляемого хаоса сравнительно долго была не в полной мере осязаемой и относительно терпимой. Но в конечном итоге, сегодня, когда эта методология стала не только прозрачной и очевидной, но и совместно с блефом обернулась в вульгарно-гротескную, все это не могло не привести к рубежному эпихальному кризису-катастрофе истощения возможностей длительно складывающейся системы управления хозяйственно-экономическими процессами. А новых методологий при этом создано не было.

Отсюда и проистекают такие рабско-варварские методологии, как инклюзивный капитализм, самоликвидация человечества, ну, и разумеется, преодоление войной рубежа сдерживания (типа ядерного, биологического, химического и психологического оружия).

Это нельзя квалифицировать никак по-другому, кроме как хаос в управлении. Современная карнавальная мимикрия сопряжена не столько с высвобождением развитийной энергии человечества, как часто ранее, сколько со зловещей скрытой энергии в человеке и обществе к самоуничтожению. Ну, и как водится, если искусство развитийного управления проявляется в синергии положительных потенциалов субъектов, то в деградации и самоуничтожении искусство управления проявляется в синергии их отрицательных потенциалов, что и проявляется сегодня массово и тотально. Означает ли это апокалиптичность происходящего? Очевидно, означает, но, с нашей точки зрения, не означает безальтернативности гибели человечества. Но это тема отдельного дискурса, заключил профессор Кашицын.

В своем выступлении д.э.н., профессор **А.И. Субетто** (Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург) обратил внимание на то, что человечество вступило в необычную историческую эпоху переломного, экзистенциального содержания, о чем говорят многие ученые, философы мира на протяжении, по крайней мере, последних 50 лет. Вот и на нашем семинаре глава российской научной школы философии хозяйства вынес на обсуждение проблему, характеризующую нынешнюю эпоху как эпоху «управляемого хаоса». Но никто в мировой науке не задал вопроса: почему именно в XX в. (на рубеже 1950—1960-х гг.) из всей столетней истории после неолитической революции разразился глобальный экологический кризис, который к концу XX в. перешел в катастрофическую фазу развития и поставил под сомнение дальнейшее существование человечества на Земле в сложившейся стихийной, рыночно-капиталистической парадигме исторического развития?

Ответ на этот вопрос связан со скачком в энергетической мощи воздействия мировой системы хозяйственного природопотребления в среднем в десять миллионов раз, который проявил несовместимость воздействия большой энергетики на природу и стихийными регуляторами развития — рынком, частной собственностью, всей системой мирового капитализма. «Заработал» открытый нами закон интеллектно-информационно-энергетического баланса, требующий

«уравновешивания» произошедшего скачка в энергетической мощи воздействия на Природу соответствующим качеством научного управления социоприродной (ноосферной) эволюцией (с растущим лагом упреждения возможных экологических изменений в биосфере (как в целом) от энергетического воздействия мирового хозяйства).

«Переход глобального экологического кризиса в первую фазу Глобальной экологической катастрофы на рубеже 1980—1990-х гг. возвестил о наступившей эпохе Великого эволюционного перелома как эпохе смены стихийной истории (и соответственно всей рыночно-капиталистической системы экономики) научно-управляемой историей, да еще в расширенном формате — как научно-управляемой социобиосферной эволюцией, что, в свою очередь, требует перехода России и всех стран мира к ноосферному экологическому духовному социализму (или ноосферизму).

Это означает, что “заработавший” императив экологического выживания в XXI в. требует от человечества, от всех институтов общественного воспроизводства качественного преобразования — перехода к ноосферно-социалистическим основаниям своего бытия, за которым скрывается ноосферно-мировоззренческая революция невиданных масштабов, которая и есть “роды” в лице действительного человечества, и значит — ноосферного разума, и соответственно — ноосферной науки, ноосферной философии, ноосферной философии хозяйства, ноосферной науки об управлении (ноосферной кибернетики), ноосферной теоретической экономии и ноосферного образования, “истинность” или “действительность” которых будет постоянно проверяться качеством (эффективностью) научного управления всей социобиосферной эволюцией на Земле. А это, в свою очередь, требует синтеза науки и власти, перехода общества в состояние научно-образовательного общества, соблюдения требований закона опережения прогрессом человека научно-технического (в том числе — и “цифрового”) прогресса и закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе.

Россия призвана возглавить ноосферный прорыв человечества как выход из экологического тупика истории. Это ее призвание в XXI в.!»

В своем докладе на тему «Пирамидальная структура экономики как главная причина управляемого экзистенциально-хозяйственного хаоса» д.э.н. **М.Ю. Павлов** (экономический факультет МГУ; Финансовый университет при Правительстве РФ) отметил, что современная экономика выстроена в виде пирамидальной иерархии. Иерархии — поскольку уровень в такой пирамиде определяется суммарным размером капитала, суммой денег, которую теоретически способен потратить тот или иной человек. При этом он способен купить все, что равно этой сумме или находится на нижележащих уровнях, т. е. любой объект, который стоит дешевле. А пирамидальность определяется тем, что на каждом более высоком уровне (в силу ограниченности размера капитала) находится все меньше и меньше людей. Зарабатывая деньги, получая прибыль, люди поднимаются выше в такой пирамиде. Подъем на новые уровни открывает новые возможности, собственно, именно по этой причине люди и стремятся получить как можно больше денег, прибыли, капитала и т. п.

Каждая организация, в основу которой положен капитал, стремится к деньгам, к прибыли. В частности, каждая корпорация — это такая же пирамидальная структура. В процессе борьбы за как можно более высокое место в этой иерархии участники, стремясь подняться как можно выше, как умышленно, так и неумышленно понижают ранги, позиции других людей. Все это происходит одновременно и хаотично, и управляемо. Когда пирамидальная иерархия становится слишком большой и ригидной, оказывается намного легче снести ее и построить на ее обломках новую пирамиду, что и было сделано в 1991 г. с СССР.

Говоря о «странном парадоксе фрактального хаоса», к.т.н., доцент **П.П. Жуликов** (Университет «Синергия»), заметил: «Происходящие в текущих отрезках времени события заставляют даже либерально мыслящих ученых понимать, что человеческое хозяйство не описывается линейными моделями. Политэкономия, экономика и экономикс не объясняют реальное развитие хозяйства. Требуются другой подход и другой язык — иной выход на понимание человеческого хозяйства — на уровень хозяйствосферы.

Нравится нам это или нет, но человеческое хозяйство — это фрактально организованная реальность, органическая сущность. Одни и те же структуры повторяются на разных уровнях: человек — сообщество — государство — цивилизация — мировое хозяйство. На

каждом уровне действует один и тот же контур: смыслы — власть — технологии — производство — воспроизводство — распад. Экономикс — это частный слой развития хозяйства из ряда “политэкономия — экономика — экономикс”, который привел к разбалансировке мирового человеческого хозяйства, которую мы воспринимаем как хаос.

Но этот хаос — не случайность и не сбой. Это внутренняя форма распада сложной экономической системы. Он возникает из несоразмерности, асинхронности и разрывов векторов приложения сил. В хозяйствосфере идет движение потоков: ресурсов, энергии, информации, смыслов, насилия и т. д. Нарушается баланс смыслов, происходит утрата управляемости, что ведет к системной нестабильности. Развитие человеческого хозяйства в формате экономикса дает сверхвозможности 3% элиты, хорошие возможности 50% населения, аскетизм и нищету остальным.

Получается сложная конструкция. Если представить хозяйствосферу как фрактальную сущность сложной архитектуры в виде шарового осьминога, щупальца которого растут во все стороны, то нетрудно представить, что с потерей управляемости этого роста начинается рассинхрон, который мы воспринимаем как хаос: растет техническая мощность (непонятно куда), растет количество благ у 3% населения, но число ошибок и рисков увеличивается в квадрате, и возрастает вероятность разрушения хозяйства. Отсюда возникает необходимость понимания меры роста.

Развитие человеческого хозяйства увеличивает его мощность, но одновременно увеличивает вероятность его разрушения. Фрактальный хаос — это не метафора, а способ описания хозяйствосферы. Цивилизация развивается нелинейно. Ключевой вопрос — удержание меры между развитием и разрушением. Устойчивое хозяйство — это бинар экономического и социального векторов». Однополярность — это бредовая идея либералов, а многополярность — близорукость ура-патриотов, таков вывод П.П. Жуликова.

Финансомика позволяет расширить генерацию кредитных денег, заметил д.э.н., профессор **А.В. Мочалов** (г. Киль, Германия), а значит, дает государствам возможность финансировать социальный сектор, а политикам говорить о социально-рыночной экономике.

Денежная масса связывается активами роста (фондовый рынок, недвижимость, антиквариат, теперь криптовалюты) и/или используется для закупки товаров у стран с экспортной моделью роста. Валютные резервы стран-экспортеров затем конвертируются в долговые обязательства стран — центров глобализации (государств с развитой финансовикой). Несколько опирающихся друг на друга перевернутых пирамид будут статически устойчивы. Точно так же устойчивы будут и «сватанные» друг с другом финансовые пирамиды. Однако обрушение одной из них может привести к краху финансовики одной или нескольких стран.

К особенности современной ситуации относится следующее.

«Устойчивость пирамид государственного долга резко снижается из-за их громадных размеров, а значит, снижается устойчивость финансовики в целом.

Страны-экспортеры пытаются изменить ситуацию, т. е. сократить огромные позитивные сальдо платежных балансов, а при возможности избегать евро-долларового базиса во внешней торговле (особенно активно Россия во времена администрации Байдена). Центры финансовизма пытаются сохранить статус-кво (особенно активно некогда великая Британия). Напрямую не связанные с финансовикой правящие элиты пытаются обособить свои финансовые пирамиды, ограничить их рост и развивать национальный реальный сектор (администрация Трампа)».

Вывод профессора Мочалова: «Все чаще идея Клаузевица получает практическое подтверждение — политика проводится другими средствами».

Говоря о причинах мирового хозяйственного кризиса, д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (г. Ростов-на-Дону) заметил, что «хозяйство — это диалектическое единство двух полных противоположностей — его экономики и общественного сектора. Главная причина трансформации управляемого хаоса в неуправляемый в том, что империальный мир расколот на две противоположные хозяйственные системы: в одной ее содержанием является общественный сектор (преимущественно это страны БРИКС), в другой — экономика (Британский мир и ЕС). В странах БРИКС экономика выступает инструментом достижения целей общественного сектора, в Британском же мире (Пентагон) инструмент достижения целей — экономика

(наглядные примеры — непрерывные войны, развязываемые президентом США Д. Трампом)».

К.э.н. **Т.Б. Бердникова** (Ассоциация аудиторов «Содружество», г. Белгород) в своем выступлении «Реальность и миражи фондового рынка» выразила мнение, что миражность как искаженная видимость фондового рынка возникает при недостоверном, неполном, фиктивном, мнимом отражении реальности, когда желаемое или воображаемое выдается за действительное, и отметила возможность возникновения моделируемых и немоделируемых миражей фондового рынка как в рамках действующего законодательства, так и за его пределами. Она выделила приватизационные, технологические, информационные, статистические, социальные, рекламные, рейтинговые и другие миражи фондового рынка и привела отдельные примеры.

Иллюзорность представлений о развитии эмитентов долевыми ценными бумагами была подтверждена уменьшением на 01.01.2026 г. по сравнению с 2002 г. числа акционерных обществ России более чем в 2 раза (с 118 494 до 53 339 единиц) и сокращением их удельного веса в числе зарегистрированных в ЕГРЮЛ юридических лиц почти в 6 раз (с 9,8 до 1,7%). Статистическая видимость массового участия физических лиц в фондовых операциях на бирже была подвергнута сомнению на основании сравнения числа зарегистрированных участников биржевых торгов на Московской бирже и количества реально совершаемых ими сделок. Наделение с 27 октября 2025 г. статусом квалифицированных инвесторов операторов финансовых и инвестиционных платформ без обязательных требований к специальному финансовому образованию, опыту работы на фондовом рынке было отнесено к предпосылкам вероятности технологического миража.

Отсутствие комплексной оценки общего объема фондового рынка выступающая связала с многоведомственным характером организации фондового рынка, так как наряду с Банком России, который с 2013 г. является мегарегулятором финансового рынка, Минфин России организует развитие рынка долговых ценных бумаг, Минэкономразвития России занимается вопросами акционерных корпораций, Минцифры России курирует финансовые и информационные платформы, технологии выпуска цифровых прав на фондовые активы и обязательства.

Д.э.н., профессор **Л.П. Зенькова** (Белорусский государственный экономический университет) поблагодарила коллег за возможность донести до широкой аудитории «надвигающийся хаос в белорусском АПК. В северных областях Белоруссии уже 25% деревень имеют численность менее 10 человек. Лет через пять в АПК работать будет некому. Крупные хозяйства есть, но инвестирование достигло лишь 15% от ВВП (критический порог, как известно, — 25%)... И это еще не все. Просто сельское хозяйство первым почувствовало надвигающийся хаос, но... современная молодежь не только не способна работать с землей, но лампочку ввинтить и полку прибить не может. А почему?! Потому что исчезли из школ мужчины-учителя труда, поскольку “хаос” в различных зарплатах, не соответствующих трудовым затратам, достиг невообразимых размеров». «Порой в объявлениях, — заметила Л.П. Зенькова, — на дверях магазинов ищут уборщиц с зарплатой, равной или превышающей мою — профессора с 40-летним стажем... Может, положить на полку диплом доктора и... со шваброй я как-нибудь справлюсь, а?! Дай бог, чтоб это услышало правительство, пока этот хаос не перешел уже точку невозврата...

Спасибо за свободный обмен мыслями — слышала, кстати, то, о чем у нас в Белоруссии стараются не говорить: БРИКС “брикнулся”. А я-то думаю, почему же до сих пор не ввели единую валюту, которую предполагалось ввести еще в октябре 2024 г.?»

Президент ООО «Белый кот» **Т.В. Воеводина** (г. Москва) подчеркнула, что новая индустриализация России насущно необходима ввиду сложной международной обстановки, чреватой большой войной. Геополитические вызовы требуют экономической автаркии хотя бы в отношении главнейших отраслей производства и ключевой продукции, «иначе нас сомнут», как выражался когда-то И.В. Сталин в подобной международной обстановке.

Между тем промышленность развивается недостаточно, импортозамещение часто «замещается» параллельным импортом из Китая. По данным профессора Катасонова, экономический рост вообще отсутствует. Что же мешает реиндустриализации? Главными препятствиями являются духовная атмосфера и соответствующее ей воспитание молодого поколения, культивирующее праздность, гедонизм, развлечения. В процессе воспитания долг и труд подменены правами и развлечениями. Ролевой моделью для молодежи оказываются

звезды шоу-бизнеса или просто праздные личности, которые в настоящее время сформировались в целую социальную прослойку NEET. Сформировался античный взгляд на труд: это дело рабов (или неудачников, лохов).

Для индустрии потребен совершенно иной человеческий тип: дисциплинированный, воздержанный, презирующий праздность. Именно такой человек нужен для работы в промышленности в любом качестве: предпринимателя, менеджера, инженера, рабочего.

Для его формирования требуется перестроить школу, а также СМИ и всю информационную среду. Требуется не цензура, а руководство со стороны государства всей духовной жизнью общества. Одновременно следует принять ряд насущных мер экономического характера: ограничить возможность ренты; ограничить для граждан доступ к фондовому рынку и любым способам делать деньги из денег; ввести двойной контур денежного обращения, т. е. инвестиционные деньги, предназначенные только для развития, а не для потребления; ограничить возможность вывода денег за рубеж.

Следует осознать, что в России государство является единственным актором, способным провести реиндустриализацию. Роль бизнеса может быть только вспомогательной — таков вывод Т.В. Воеводиной.

Говоря о теме семинара, к.э.н. **Т.Ю. Яковец** (ученый секретарь отделения народонаселения РАЕН) заметила, что участники дискуссии дали много определений настоящему «хаосу». Однако следует обратиться к 2015 г., когда ООН провозгласила Цели устойчивого развития. «Вместо них сейчас — война всех со всеми. Происходящая мировая бифуркация не управляется ООН. Эта организация уже как бы в стороне. Вместо объединенных наций — ракеты на школу девочек в Иране. Что же творится? Конечно, по Чижевскому, наблюдаемая сейчас повышенная солнечная активность повысила агрессивность человечества. На мировую арену вышли личности, олицетворяющие культурный код своих цивилизаций. Борьба России за свой суверенитет, предсказанная еще на Мюнхенской конференции 2007 г., всколыхнула западный мир, где к власти пришло послевоенное поколение. Последовала команда: “Не пущать!”. Но за 12 лет, прошедшие после Крымской весны, Россия изменилась. Мо-

дернизировались ее союзники — армия и флот. К ним добавился третий союзник — воздушно-космические силы, проявившие себя в Сирии.

Первоначально мировой центр управления ожидал управляемый хаос и цветную революцию в РФ, но они не учли менталитет россиян. В стране, даже после годов насаждаемого гедонизма, “пирамида Маслоу” не сработала, поэтому антироссийские санкции обернулись прежде всего против самих европейцев. Их СМИ обвиняют Россию в том, что в 2022 г. она открыла “ящик Пандоры”. Но это была вынужденная мера после многих дипломатических усилий со стороны российского государства. И, главное, страданий жителей Донбасса, геноцида русскоязычного населения.

Одновременно в США происходили события, напоминающие гражданскую войну, и их мировое господство надо было вновь доказывать. Термин “устойчивое развитие” был отброшен: государство-гегемон пытается заставить мир жить по своим правилам. Это и вызывает управляемый хаос в мире. Но его “управляемость” сейчас под угрозой. Трудно что-либо сейчас прогнозировать, но в воздухе чувствуется приближение мирового технологическо-экономического кризиса. Да, это бифуркация, но бифуркация в чем? На наш взгляд, в социокультурной системе ценностей. Еще в 2001 г. мы писали о зарождении виртуальной системы ценностей в связи с появлением интернета. Теперь наступает эпоха господства такой системы ценностей. Искусственный интеллект в центре мирового внимания. Это значит, что достижения предыдущих этапов развития человечества могут обесцениться, что и вызовет мировой кризис.

Достигнутый суверенитет России может ей помочь пережить этот кризис с минимальными потерями. Ведь пережила же страна столько санкций, а вот для украинского режима данный кризис может приблизить его крах.

Сейчас переворачивается новая страница истории, но она начинается не с чистого листа, а учитывает достижения стран за последнее время. Время покажет, какой мир будет к 2030 г.».

Завершая заседание, **Ю.М. Осипов** сказал: «Мы хорошо поговорили, как-то особенно, я бы сказал, собранно и строго, что говорит о нешуточной озабоченности ученого сообщества происходящим в

мире, как и о вполне себе серьезной озабоченности судьбой нашей родной страны.

Хорошо или не очень, но мы сегодня сделали свой весомый вклад в понимание того, что есть вокруг, вовсе при этом не по-академически, а в полном смысле слова по-земно-российски-граждански, с чем я не столько всех поздравляю, сколько выражаю глубокое от нашей совместной работы удовлетворение».

Е.С. ЗОТОВА

**О воспроизводственной целостности российского
народного хозяйства как залого его жизнеспособности
и суверенности
(дискуссия в Московском университете)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной, обществоведческой и экономической мысли» на тему «Воспроизводственная целостность российского народного хозяйства как залог его жизнеспособности и суверенности: состояние, проблемы и перспективы», состоявшемся 19 февраля 2026 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате.

Ключевые слова: российское народное хозяйство, экономика, воспроизводство, суверенность, внутренний рынок, государственное регулирование.

Abstract. The article presents an overview of reports at the theoretical seminar «Discussion Problems of Philosophical, Social and Economic Thought» on the topic «The Reproductive Integrity of the Russian National Economy as a Guarantee of Its Viability and Sovereignty: Status,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. О воспроизводственной целостности российского народного хозяйства как залого его жизнеспособности и суверенности (дискуссия в Московском университете) // Философия хозяйства. 2026. № 4. С. 281—289. DOI: 10.5281/zenodo.20643585.

Problems, Prospects» held in a mixed format on February 19, 2026 at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University.

Keywords: Russian national economy, economics, reproduction, sovereignty, domestic market, state regulation.

УДК 330
ББК 65в

На экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 19 февраля 2026 г. состоялось в смешанном формате очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной, обществоведческой и экономической мысли», организованного лабораторией философии хозяйства и Научным советом «Центр общественных наук МГУ» (сокращенный обзор выступлений см. [3]).

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) сказал: «Тема для нас — экономистов, философов хозяйства, а главное, членов нашего вольного гуманитарного сообщества — в общем-то не нова, она нами поднималась еще полтора десятка лет назад под тем или иным актуальным углом зрения — от проблем суверенности и руссификации странового хозяйства до программной постановки вопроса о глобальном российском перестроении (не перестройки, а именно о перестроении, то бишь без системного разрушения, а посредством расчетливых перемен в возникшей системе).

Планируя год назад наши дискуссионные мероприятия на нынешний 2026 г., я вновь обратился к в общем-то хорошо известной и понятной теме, замечая тогда — год назад — и тем более сегодня не только вызревание проблемы, но и ее обостренное присутствие ныне в отечественной что ученой, что внутривластной, что просто реальной атмосфере, да что в атмосфере, уже и в текущем бытии, в самой жизнедеятельности отечественного хозяйства.

Обратите внимание, коллеги, что сегодня наконец-то об этом публично заговорили, признавая роковую ошибочность взятого, по крайней мере, с рубежа 1980—1990-х гг. и с энтузиазмом, достойным лучшего применения, всячески осуществленного в 1990-е курса на разрушительное для народного хозяйства его втягивание в глобаль-

ное (читай, западное) мировое хозяйство, отчего наше полуразрушенное отечественное хозяйство, переставшее быть воспроизводственным целым, а оттого и суверенно-жизнеспособным, оправиться до сих пор не может.

Несмотря на известность для нас поднимаемой сегодня темы, нам есть все-таки, что обсудить, в особенности остроту реальной социохозяйственной проблемы в условиях обострения отношений с Западом, применяемых им против РФ санкций, ну и, мягко выражаясь, совсем не мирной ожесточенной конфронтации».

Обращаясь к вопросу о воспроизводстве в мировой экономике после кризиса, президент Фонда экономических исследований **М.Л. Хазин** (г. Москва) отметил: «Если рассматривать капитализм с точки зрения модели воспроизводства, то можно его описать как систему, которая стремится к максимальному росту воспроизводственных контуров (т. е. самодостаточных кластеров мировой экономики) и поглощению более крупными более мелких (с ликвидацией последних). Разумеется, с тех пор, как воспроизводственные контуры стали масштабов государств (или групп государств), это сопровождается серьезными политическими коллизиями.

Разрушение СЭВ и СССР на грани 1980—1990-х гг. привело к ситуации, когда в мире остался всего один воспроизводственный контур, построенный на долларовой финансовой системе, и ни в одной стране в мире (включая США и Китай) собственных воспроизводственных контуров нет. Начавшийся же кризис связан с тем, что этот глобальный воспроизводственный контур больше не имеет возможности для расширения. Это неминуемо приведет к его распаду и появлению в мире нескольких (относительно) независимых воспроизводственных контуров, каждый из которых будет построен на своей экономической модели, отличной от существующей, построенной на искусственном стимулировании спроса за счет эмиссии доллара. Соответственно, ключевой вопрос будет состоять в том, чтобы понять, какие экономические и хозяйственные модели могут быть для этого использованы и какие границы между контурами (а они будут зависеть в том числе от этих моделей) могут сложиться по итогам их формирования».

В выступлении на тему «Смысл, значимость, возможности достижения воспроизводственной целостности российского народного хозяйства» д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский

государственный экономический университет) сформулировал три тезиса.

1. Понятие «народное хозяйство» и как термин (Volkswirtschaft, нем., употребляется с XIX в. в Германии, Российской империи, СССР и в современных ФРГ, РФ), и как реальное бытие акцентирует внимание на комплексность, материальную и продуктовую основу жизнеобеспечения, единую государственную политику. Смысл понятия — подчеркнуть значимость долговременного взгляда с позиции целостности взаимодействия первичных клеточек экономики — производственных предприятий (их количество и качество, распределение по отраслям, конкурентоспособность), замкнутости воспроизводственного контура на самого себя, на самообеспечение, а в целом — на воспроизводственную страновую суверенность; а также несводимость отдельных частных хозяйств, отраслей к хозяйству общества в целом. В широком понимании, включает сферы и материального, и нематериального производства.

2. В истории России можно выделить три точки бифуркации, коренных сдвигов в укладах, в отраслевом строении народного хозяйства: а) после отмены крепостного права в эпоху Александра II — бурное развитие капитализма (банки, акционерные общества, строительство дорог, рост промышленности); б) после 1917, точнее в 1930—1950-е гг., — ликвидация частной собственности, индустриализация, развитие тяжелой и военной промышленности, экстенсивное развитие, формирование специфической структуры экономики; в) после 1991 г. — разрушение и трансформация существовавшей воспроизводственной структуры, вписывание в мировую экономику в качестве поставщика сырья капитала. Своего рода кульбит: монархический капитализм, государственный социализм, олигархический капитализм, произошедший по историческим меркам очень быстро (чуть более 100 лет), который одновременно и ломал, и создавал новую народнохозяйственную целостность страны.

3. С 1991 г. РФ вписывают (либо она сама вписывается?) в планетарный мирохозяйственный контур, работающий в логике глобализма: а) пооперационного мирового разделения труда — головная ТНК, ее филиалы, иные поставщики со всего мира; б) дешевое сырье с периферии для центра. Взгляд на будущий планетарный мир как совокупность макрозон не решает проблем РФ: а) доминантные державы — США, Китай — проводят более многомерную стратегию;

б) ЕС, Британское содружество, стремясь сохранить остаточную мощь, будут подавлять любые попытки конкуренции в их традиционных зонах и будут проникать в новые; в) Индия набирает мощь и заинтересована не в зональной изоляции, а в глобальном взаимодействии; г) РФ вытесняется из постсоциалистического и постсоветского пространства, утратив технологическое лидерство во многих сферах и достаточность ресурсов для бремени нового широкого регионального лидерства, и сама становится пространством для экспансии.

Усилия — как сверху, так и снизу — требуется направить на повышение воспроизводственного потенциала собственного народнохозяйственного комплекса, являющегося основой жизнеспособности страны, — таков вывод профессора Ковалева.

В своем выступлении «Воспроизводственная целостность хозяйства-экономики как условие и как результат просвещенного государственного регулирования внутреннего рынка» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) отметил, что сама по себе воспроизводственная целостность хозяйства-экономики любой крупной страны является условием не только ее жизнеспособности и суверенитета, но и развития вообще. Естественно, если она стратегически гибка и адекватна логике научно-технического прогресса и корреспондирует с социально-экономическими и гуманитарными целями развития общества в целом. Ну, а механизмом соискания, удержания и перспективности воспроизводственной целостности исторически и логически в истории стран мирового хозяйства всегда был, есть и будет: эффективная работа внутреннего рынка соответствующих стран осуществляется посредством государственного регулирования и гибкого сочетания политик протекционизма и фритрейдерства. В этом контексте любая волнообразная внешнеэкономическая экспансионистская деятельность той или иной страны по своей сути является не более чем второстепенным (производным), функциональным инструментом удержания и перспективной гармонизации воспроизводственной целостности. В этом плане вся история мирового хозяйства и экономики, включая современный драматический этап их эволюции, если и содержит исключения по принципу «от противного», то всеми силами стремится их преодолеть, в чем, собственно, и состоит содержание — во всей ее противоречивой современной пульсации —

нынешней фазы перипетий мирового хозяйства. Разумеется, основной причинно-следственный ареал колебаний данного процесса (особенно в последние 70 лет) тесно связан с очередным этапом гипермонополизации в лице синклита транснациональных корпораций. И здесь позиционирование в объектно-субъектной бинарности данного процесса — центральный вопрос для любой крупной страны, ибо это вопрос ее жизнеспособности, то бишь жизни и смерти.

Экзистенциальный «золотой ключик» России находится в особенностях ее закономерной эволюции, поскольку она в известной степени является объективным заложником противоречия между своей ресурсной огромностью и из-за этого ограниченностью возможностей внешней экспансии (так как, повторимся, любая внешняя экспансия есть производный, второстепенный, ограниченный во времени и пространстве инструмент поддержания воспроизводственной сбалансированности внутреннего рынка как главного механизма соискания богатства). Отсюда проистекает безальтернативность просвещенной роли государственного регулирования — особенно в России и, прежде всего, для России. Это ВПК, наука, образование, здравоохранение, культура, кадры и соответствующая модель государства, конструирующая, активизирующая и стимулирующая эффективную работу внутреннего рынка со всеми производными от него ценностями, приоритетами и акцентами. Ибо внутренний рынок объективно противостоит всем диспропорциям, дифференциациям и прочим «миазмам», блокирующим гармоничное развитие.

Рассмотрение жизнеспособности народного хозяйства России, заметил д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (г. Москва), чрезвычайно актуально в связи с необходимостью сбережения народа и развития человеческого потенциала. «Этой проблеме были посвящены мои статьи, опубликованные в журнале “Философия хозяйства”: “Мир как хозяйство” и “Хозяйство как жизнедеятельность”, раскрывающие специфику российского народного хозяйства, показывая *иную* полярность хозяйства, отличную от хозяйства хозяина».

Выступление д.э.н., профессора **М.М. Гузева** (Волжский филиал ВолГУ, г. Волжский) было посвящено проблеме гармонизации воспроизводственного процесса в аспекте вертикали: центр — город — периферия. Было акцентировано внимание на воспроизводстве человека и населения как главного качественного показателя целостности и жизнеспособности. Никакой рынок не может обеспечить

целостность, в связи с чем необходимо усиление государственного стратегического регулирования на всех уровнях. Другая проблема — народность народного хозяйства России. Народность предполагает участие всех членов общества в воспроизводственном процессе, создании ВВП и, соответственно, в распределении результатов труда. При этом не может быть воспроизводственной целостности народного хозяйства без целостности воспроизводства человека. Вывод профессора Гузева: «Значение целостности (народного хозяйства) для России имеет стратегическое значение: либо целостность народного хозяйства, либо нарастание его хаоса и снижение жизнеспособности».

В своем докладе на тему «Воспроизводство и развитие человека как основа воспроизводственной целостности российского народного хозяйства» д.э.н. **М.Ю. Павлов** (экономический факультет МГУ; Финансовый университет при Правительстве РФ) обратился к категории человеческого капитала, очень часто используемой в современной экономической теории, прежде всего, неоклассического направления. Как заметил известный отечественный ученый в области социальной гигиены и демографии С.А. Томилин, выработка конфет оплачивается, а выработка детей — нет, поэтому у женщин все меньше и меньше стимулов рожать детей с чисто экономической точки зрения. Дж. Кейнс в 1930 г. в работе «Экономические возможности наших внуков» представил расчет, согласно которому примерно к 2030 г. производительность труда вырастет в 8 раз. Это означает, что экономические возможности современных внуков в 8 раз больше, поэтому можно купить в 8 раз больше товаров, и, соответственно, полезность этих товаров будет в 8 раз выше (при прочих равных). А полезность детей остается неизменной, а все изобретения человечества, типа подгузников, радионянь, электронных помощников, помогают сократить время ухода за детьми в самом лучшем случае лишь в 1,5—2 раза. То есть переориентация — выбор вместо детей экономических благ — будет лишь расти.

Единственный вариант решения проблемы депопуляции — это переход к совершенно другим критериям — не экономическим, а хозяйственным. В частности, софийность С.Н. Булгакова и софиасофия Ю.М. Осипова — это возвышение женского начала, материнства, семейных ценностей, ориентация на воспроизводство человеческого рода.

«Как можно сделать цельным народное хозяйство России?» — задался вопросом к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт»). Для этого нужны две вещи: знание законов — в нашем случае народодинамики, и специалисты, владеющие ими. Законы народодинамики известны, по крайней мере, читателям статьи «Народодинамика» (см. [2]). В них речь о том, что существуют устойчивые сотовые структуры хозяйства, определяющие масштабы пассионарности, и эти жизненные циклы народов — по законам турбулентной аналогии А.Н. Колмогорова 1962 г. — составляют у мирового хозяйства 140 лет, у России — 80, Китая и США — 60, ЕС — 35 лет, у Украины — 24 года.

Однако специалистов, владеющих этими законами, в стране нет, иначе бы никто на наше цельное хозяйство не покушался. Первейшей заботой России поэтому становится их подготовка, как об этом писал в статье «Арсенал для петард» советник президента РФ В.А. Фадеев (см. [4]). Еще откровеннее об этом сказал президент Белоруссии А.Г. Лукашенко на заседании правительства, назвав либеральные принципы, которым сегодня учат экономистов, «инструментом внешнего управления».

Поскольку задача подготовки новых специалистов для новой экономики весьма запоздала, сегодняшние рецепты «цельного хозяйства» могут быть взяты только из ленинского наследия: в 1917 г. он считал, что задачей новой России является необходимость отбить у попов охоту проповедовать, по крайней мере, на 70 лет вперед и в каждом крестьянском доме повесить лампочку.

Для сегодняшней России подобная задача может выглядеть аналогично: нам необходимо — по крайней мере, на 55 лет вперед — обеспечить бесплатное высшее образование, поскольку только с таким количеством умных людей можно на равных соперничать с миллиардным населением соседей, и бесплатную стоматологию, потому что беззубый человек не только страну, но и себя защитить не сможет.

Идеологический вакуум в постсоветской России, считает к.э.н., доцент **О.Н. Рыбковская** (РАНХиГС), породил необходимость в разработке альтернативного Западу проекта, который отличался бы высокой духовностью и культурой, нестяжательством и был бы основан на идее социальной справедливости.

Неовизантизм СССР периода середины 1930-х — середины 1950-х гг. и опыт Римской (Византийской) империи весьма актуальны для социально-экономического обустройства современной России на началах социальной справедливости.

Византийская империя — первое в мире социальное государство-цивилизация, его духовная основа — ортодоксальная христианская вера, которая определяла все сферы жизнеустройства ее граждан, и прежде всего их политический и социально-экономический строй. Значение возвращения идей византизма в Россию для ее возрождения и развития О.Н. Рыбковская считает неоспоримым.

Главным вопросом эффективности народного хозяйства на современном этапе, считает д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (Свято-Тихоновский православный университет), является степень соответствия результатов экономического развития потребностям населения. Следует отметить, что, с точки зрения текущих нужд и чаяний, достигнуты потрясающие результаты: безопасность страны обеспечивает одна из сильнейших армий мира, уровень жизни является самым высоким за всю историю существования России. Но если оценить ситуацию с точки зрения долгосрочной перспективы, можно увидеть наличие устойчивой системы вымирания нации: это массовый отток населения из регионов, сочетание рекордно низкой безработицы с миллионами незакрытых вакансий, старение нации. Попытки решить проблему за счет миграции из сопредельных государств спровоцировали серьезные угрозы внутренней безопасности. Можно констатировать, что воспроизводство рабочей силы и качественно, и количественно деградирует под напором ложных фетишей рыночной экономики.

Византийскую империю погубили не отсутствие финансовых ресурсов, а деградация демографического потенциала, обезлюживание окраин и сверхконцентрация населения в столице. России как наследнице великой империи следует сделать серьезные выводы из уже имеющегося исторического опыта.

В нашей дискуссии, сказал д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (г. Ростов-на-Дону), мы вплотную приблизились к обсуждению проблемы перехода от воспроизводства части — экономики — к целому — хозяйству. Сошлюсь на свою монографию «XXI век: общественный сектор хозяйства как атрибут цивилизации...» (см. [1]).

В ней предложена конкретная воспроизводственная модель, способная реализовать управляемое воспроизводство целого — хозяйства. В РФ, как и в Индии, КНР, генерации хозяйств римские. Содержанием хозяйств этих стран является не экономика, а общественный сектор. Именно его параметры должны стать исходными для развития и экономики, и хозяйства в целом!

В своем выступлении на тему «Влияние цифровизации на формирование нового воспроизводственного цикла» к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) обратила внимание слушателей на возрастание роли государственного регулирования при решении насущных проблем современной экономической ситуации в России. Наряду с эффективной работой отечественных предприятий в оборонной сфере, в гражданских отраслях наблюдаются трудности с импортозамещением в условиях политики усиливающихся санкций со стороны западных стран. По мнению докладчика, в целях поддержания конкурентоспособности российской промышленности и обеспечения стабильного воспроизводственного цикла требуются серьезные инвестиции в совершенствование материально-технической базы предприятий и активное внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Сегодня экономисты практически не подвергают сомнению, заметила д.э.н., профессор **Л.Г. Чередниченко** (Российский государственный университет имени Г.В. Плеханова), утверждение о том, что цифровизация оказывает кардинальное воздействие на структурные изменения в экономике различных государств, переформатируя секторы, способы работы и модели бизнеса. Данный процесс влияет не только на традиционные отрасли, стимулируя предприятия внедрять современные технологии в бизнес-процессы для снижения издержек или повышения производительности, но и создает новые отрасли в экономике. Доля инновационно-информационного сектора за последние годы многократно возросла и составила в развитых государствах 45—65% от всей экономики. В среднем за последние 5 лет в странах до 85% экономического роста происходило за счет развития и внедрения технологий. Опыт развитых стран свидетельствует о том, что цифровизация экономики способствует улучшению делового и инвестиционного климата благодаря повышению доступности и эффективности государственных услуг, повышению производи-

тельности и квалификации трудовых ресурсов, повышению прозрачности условий ведения бизнеса, облегчению доступа к информации, созданию экосистемы бизнес-сервисов и ряда других преимуществ для потребителей и компаний. Понимание и адаптация к этим изменениям становятся ключевыми для успешного развития экономики в условиях современного технологического прогресса.

Завершая заседание, **Ю.М. Осипов** сказал: «Что ж, совсем неплохо поговорили, за что всем ораторам искренняя признательность! Слушателям, кстати, тоже! Да, тема исключительно актуальна, а еще актуальнее все время ожидаемые нами структурно-хозяйственные перемены. Однако они просто так не пойдут — без перемен в системе управления народнохозяйственным пока еще “недокомплексом”, причем без существенных перемен, в которых мало что должен просматриваться национальный интерес, что понятно, но должно произойти расширение роли государства и национального центра в решении актуальных задач с применением директивных (акцентирую на этом внимание) методов планирования и управления — может, и не полного возвращения к директивному планированию с Госпланом во главе, но все же... впрочем, почему и не к Госплану?

Итак, задачи, ответственность, дисциплина и исполнение! Прямо, скажут нам, как в армии. Да, ответим мы, только строже, без “расслабухи”. Раз и навсегда надо понять, что в имперской стране, ведущей пусть и гибридную, но все же войну с полумиром и не самую однозначную игру, по-своему тоже гибридную, с другим полумиром, никакой частный бизнес никаких актуальных стратегических задач не решит и, самое главное, решать не собирается, что в свое время осознал тов. Сталин, свернув, хоть и не до полного конца, НЭП, введя планирование и, увы!, армейского образца управление народнохозяйственным процессом.

Короче говоря, опора на себя и собственные силы, и не только на армию, флот, ВКС и ВБПС (войска беспилотных систем). Только у сильных бывают, может, случаются, надежные союзники, точнее попутчики, а слабые подлежат не чему-нибудь, а... поеданию!

Спасибо всем участникам семинара за плодотворный разговор!».

Литература

1. Бугаян И.Р. XXI век: общественный сектор хозяйства как атрибут цивилизации, формируемый современным доминантным товаром и фактором производства: Избранное. Ростов н/Д: Донецкий издательский дом, 2023.
2. Доброचेёв О.В. Народодинамика // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 56—81.
3. Зотова Е.С. Воспроизводственная целостность российского народного хозяйства как залог его жизнеспособности и суверенитета: состояние, проблемы, перспективы // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 18. Вып. 2. С. 178—188. DOI: 10.38050/2078-3809-2026-18-2-178-188.
4. Фадеев В.А. Арсенал для петард // Моноколь. 2024. № 26. 23 июня.

References

1. Bugayan I.R. XXI vek: obshchestvennyj sektor hozyajstva kak atribut civilizacii, formiruemyj sovremennym dominantnym tovarom i faktorom proizvodstva: Izbrannoe. Rostov n/D: Doneckij izdatel'skij dom, 2023.
2. Dobrocheev O.V. Narododinamika // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 1. S. 56—81.
3. Zotova E.S. Vosproizvodstvennaya celostnost' rossij-skogo narodnogo hozyajstva kak zalog ego zhiznennosti i suvereni-teta: sos-toyanie, problemy, perspektivy // Nauchnye issledovaniya ekonomich-eskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal. T. 19. Vyp. 2. S. 178—188. DOI: 10.38050/2078-3809-2026-18-2-178-188.
4. Fadeev V.A. Arsenal dlya petard // Monokl'. 2024. № 26. 23 iyun.

АНОНСЫ — 2026

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»

на тему:

«Философия хозяйства. К 85-летию Ю.М. Осипова»

9 сентября 2026 г.

(МГУ, экономический факультет)

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2026

на тему:

*«Мировая экономика как управляемое из глобального
финансового центра казино»*

Октябрь 2026 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Планетарный мир на трансгрессивном переломе»

Пленарное заседание

Секции

1. Хозяйство и экономика на пути глобально-кризисных перемен.
2. Homo sapiens contra at pro homo sapiens.
3. История конца истории.

Пленарная дискуссия

От глобального диктата финансовократии к глобальной диктатуре технотейроцифрократизма?

Декабрь 2026 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

ТУТОВ ЛЕОНИД АНРОЛЬДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*l.tutov@yandex.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

ГАВРИЛОВА ВАЛЕРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики для естественных и гуманитарных факультетов, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*lera.gavrilova@mail.ru*).

ПОГРЕБНЯК АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, старший преподаватель, НИУ информационных технологий, механики и оптики (ИТМО); старший научный сотрудник, лаборатория критических исследований культуры, НИУ Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия (*aapogrebnyak@gmail.com*).

МЕРЗЛЯКОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,

кандидат философских наук, научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; старший преподаватель, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Россия (*merzlyakovss@mail.ru*).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия (*managerial@mail.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

УШАКОВ ДЕНИС СЕРГЕЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международных отношений, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия (*fintaliano@yandex.ru*).

ЖУЛИКОВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ,

кандидат технических наук, доцент, профессор, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия (*peterjulikov@yandex.ru*).

МАКОВЕЕВ АРТЕМ АЛЕКСЕЕВИЧ,

аспирант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*a.makoveev@yandex.ru*).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*1tm@mail.ru*).

ГРЕЧКО МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, Институт туризма, сервиса и креативных индустрий, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*mvgrechko@inbox.ru*).

СУХОВЕЦКАЯ ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, старший преподаватель, Институт туризма, сервиса и креативных индустрий, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*gvsuhovetskaya@sfedu.ru*).

ЧУРИЛИН МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ,

соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Институт экономики РАН, Москва, Россия (*mafiz@yandex.ru*).

ВАЛИУЛИНА ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий. Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия (*tatiana.valiulina@gmail.com*).

САПРОНОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат экономических наук, советник генерального директора, ООО «Газпром ПХГ», Санкт-Петербург, Россия (*sscc-h@mail.ru*).

СТАРОВОЙТОВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент, управляющий партнер, ООО «Финансовые и бухгалтерские консультанты», Москва, Россия (*selen0769@yandex.ru*).

СУЙЦ ВИКТОР ПАУЛЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, кафедра учета, анализа и аудита, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (viktor.suyts@gmail.com).

ХОРИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра учета, анализа и аудита, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. (anhorin@mail.ru).

КАПУЛЬЦЕВИЧ ИЛЬЯ КОНСТАНТИНОВИЧ,

аспирант, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (ilya.k.kapultsevich@gmail.com).

МИХАЛЕВ ДАНИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ,

аспирант, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия (danil.mikhalev.2001@mail.ru).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (girenok@list.ru).

БОБКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия (iab71@inbox.ru).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (nnrostova@yandex.ru).

НОВИКОВ МАКСИМ МИХАЙЛОВИЧ,

студент 2-го курса бакалавриата, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (novikov_maxim_m@mail.ru).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (eszotova@mail.ru).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

TUTOV LEONID ANROLDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*l.tutov@yandex.ru*).

SHULEVSKY NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

SMIRNOV IGOR PAVLOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

GAVRILOVA VALERIA EVGENIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economics for Natural Sciences and Humanities, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*lera.gavrilova@mail.ru*).

POGREBNIYAK ALEXANDER ANATOLYEVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Lecturer, National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO); Senior Researcher, Laboratory for Critical Cultural Studies, Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia (*aapogrebnyak@gmail.com*).

MERZLYAKOV SERGEY SERGEEVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Senior Lecturer, Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia (*merzlyakovss@mail.ru*).

SHEVCHENKO IGOR GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, St. Tikhon Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia (*managerial@mail.ru*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

USHAKOV DENIS SERGEEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of World Economy and International Relations, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia (*fintaliano@yandex.ru*).

ZHULIKOV PYOTR PETROVICH,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Synergy Moscow University of Finance and Industry, Moscow, Russia (*peterjulikov@yandex.ru*).

MAKOVEEV ARTEM ALEKSEEVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*a.maqoveev@yandex.ru*).

PAVLOV MIKHAIL YURYEVICH,

Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*1tm@mail.ru*).

GRECHKO MIKHAIL VIKTOROVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Institute of Tourism, Service and Creative Industries, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*mvgrechko@inbox.ru@inbox.ru*).

SUKHOVETSKAYA GALINA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Institute of Tourism, Service and Creative Industries, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*gvsuhoveckaya@sfedu.ru*).

CHURILIN MAXIM YURYEVICH,

Candidate's Degree Applicant, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (IE RAS), Moscow, Russia (*mafiz@yandex.ru*).

VALIULINA TATYANA ANDREEVNA,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of MediaTechnologies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia (*tatiana.valiulina@gmail.com*).

SAPRONOV SERGEY NIKOLAEVICH,

Candidate of Economics, Advisor to the General Director, Gazprom UGS LLC, Saint Petersburg, Russia (*sscc-h@mail.ru*).

STAROVOYTOVA ELENA VITALIEVNA,

Candidate of Economics, Associate Professor, Managing Partner, LLC «Financial and Accounting Consultants», Moscow, Russia (*selen0769@yandex.ru*).

SUYTS VIKTOR PAULEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor, Department of Accounting, Analysis and Audit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*viktor.suyts@gmail.com*).

KHORIN ALEXANDER NIKOLAEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Accounting, Analysis and Audit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. (*anhorin@mail.ru*).

KAPULTSEVICH ILYA KONSTANTINOVICH,

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*ilya.k.kapultsevich@gmail*).

MIKHALEV DANIL ALEKSEEVICH,

Postgraduate Student, Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia (*danil.mikhalev.2001@mail.ru*).

GIRENOK FYODOR IVANOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*girenok@list.ru*).

BOBKOV ALEXANDER IVANOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia (*iab71@inbox.ru*).

ROSTOVA NATALIA NIKOLAEVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*nnrostova@yandex.ru*).

NOVIKOV MAXIM MIKHAILOVICH,

2-nd Year Bachelor's Degree Student, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*novikov_maxim_m@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAFIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 5 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. **Подписку** на журнал (6 номеров в год) можно оформить в Агентстве «Урал-Пресс». Индекс — 83115. **ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА** (ural-press.ru). Со всеми вышедшими с 1999 г. номерами журнала можно ознакомиться в редакции.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.